

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2007

Общественно-политическое издание
Выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: msps@msps.su
http: //www.msps.ru

Журнал зарегистрирован в министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
М. Мертес (ФРГ)
Б.Н. Миронов
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
Ю.П. Сенокосов
Л.П. Скопцов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинз (Великобритания)

Главный редактор: Ю.П. Сенокосов
Ответственный секретарь: С.А. Максимов
Художественный редактор: Людмила Иванова
Корректор: Людмила Бусуек
Верстка: Ольга Козак
Фото: О. Начинкин

Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Института "Открытое общество".
Ответственность за позиции и точки зрения, высказанные в материалах,
лежит полностью на авторах.

Содержание

№ 3 (42) 2007

К читателю	
Юрий Сенокосов	5
Семинар	
О проекте нации в современной России	
Алексей Миллер	7
Дискуссия	12
Заметки с семинара	
Ольга Петрова	19
Свобода слов	22
Тема номера	
Российская энергетическая политика: мифы и факты	
Владимир Милов	23
XXI век: вызовы и угрозы	
"Старое" государство уходит. Как строить новое?	
Владимир Плигин	32
Россия и традиционный Запад	
Сергей Караганов	37
Концепция	
"Ооновский проект прав человека" – зачем он?	
Игорь Аверкиев	43
Точка зрения	
Американо-российские отношения и предвыборная кампания в США	
Энджела Стент	48
О месте интеллектуалов в социальном пространстве	
Даниил Горецкий, Андрей Юров	55
Феномне независимого интеллектуала	
Павел Головкин	59
Наш анонс	
Критика ангажированного интеллектуала. Дело Сократа сегодня	
Рафаэль дель Агила	63

Свобода и культура

Права человека как философия нового глобализма
Александр Даниэль 74

Жизнь в профессии

Почему и как СМИ искажают действительность
Владимир Познер 83

Идеи и понятия

Новый публичный менеджмент
Б.Ги Петерс 90

Горизонты понимания

Крах империи
Егор Гайдар 93

Книги

Учебник для оптимистов
Андрей Захаров 101

Региональное книжное обозрение
Анна Добровольская
Виктория Евликова
Елена Неделя 103

Контрапункт
Александр Архангельский 107

Nota bene

О гражданской нации
Юрий Левада 112

В оформлении номера использованы работы художников из Бразилии, Германии, Нидерландов, России, Японии.

К читателю

В последние годы из нашего общественно-политического словаря исчезли советские понятия и появились новые: «государственная корпорация», «ликвидные активы», «маркетинг», «политический менеджмент», «фьючерсные контракты», «глобализация». Явное свидетельство того, что российская политическая и предпринимательская элита успешно осваивает современную терминологию, возвращаясь в некогда прерванную в стране традицию буржуазно-капиталистического развития. И население страны, судя по опросам общественного мнения, также готово в этом участвовать, подчиняясь воле нового классового гегемона.

Три взаимосвязанных фактора определяют характер этого процесса: деньги, политический режим и гражданское общество.

В эпоху кризиса любые государственные дела можно, как известно, решать мобилизационными методами, с помощью аппарата, создаваемого по образу и подобию армии, когда подчинение единой воле позволяет концентрировать финансовые и иные ресурсы и управлять ими. В России во время правления В.В. Путина, благодаря высоким мировым ценам на энергоносители, ресурсы появились. Однако выход страны из кризиса не привел к ослаблению аппаратного управления. Более того, количество чиновников растет лавинообразно, и все они хотят иметь «достойный уровень жизни», который государство не может обеспечить. Что, в сущности, и порождает коррупцию, которая не только подрывает экономическое развитие, но и ведет к моральной деградации общества. Так как сдержать массовую коррупцию не в состоянии никакие специально создаваемые ведомства.

Существует ли в такой ситуации альтернатива? Виктор Панкращенко, один из руководителей Конгресса муниципальных образований России, уверен, что существует. В статье, опубликованной в еженедельнике «Эксперт», он пишет, что именно

*Ю.П. Сенокосов,
главный редактор
журнала «Общая тетрадь»*

потому, что чисто аппаратное исполнение государственных дел имеет свои пределы, «человечество изобрело постоянно действующие партии и то, что мы именуем “собственно политическим режимом”». Поскольку иначе, «чтобы добраться с управленческих высот до самого низа, до конкретных повседневных дел во всем их разнообразии, госаппарат пришлось бы увеличить до невероятных масштабов»*. И дальше поясняет, что *политический режим* демократии предполагает проведение честных выборов, наличие партийных программ, идеологий и их отстаивание в открытых общественных дискуссиях. Только так государственная политика обретает в лице партий и общественных организаций, ее поддерживающих, массу волонтеров. Эти люди занимаются общественными делами не для того, чтобы обогатиться, а по убеждению, считая, что помогая другим, они помогают себе. Нанять вместо них аппаратных работников невозможно — это разорило бы страну.

А председатель Московской Хельсинкской группы Людмила Алексеева в интервью газете «Ведомости», продолжая фактически эту же мысль, говорит, что наше государство уже не играет ключевой роли в жизни людей, а общество еще не играет. Люди пока не научились объединяться и помогать друг другу. Но постепенно, уверена Алексеева, научатся, и *гражданское общество* будет крепнуть. Потому что часто люди сталкиваются с проблемами, в которых никто им помочь не может. Например, обманутые дольщики, автомобилисты, когда они собираются вместе, чтобы защищать свои частные интересы, и «даже сами не замечают, как постепенно защита их частных прав становится политикой». Любые решения государству легче воплощать в жизнь, если люди лишены чувства собственного достоинства. Но «оно у нас есть. И надо только научиться отстаивать его вместе. Надо понять, что отстаивание человеческого достоинства объединяет нас всех»**.

Почему это важно? Потому что советская ментальность и сформировавшая ее идеология государственного патернализма в нашей стране не исчезли. И понятия, относящиеся к сфере бизнеса, о которых я упоминал выше, «работают», а то, что относится к сфере гражданского общества, которое необходимо не само по себе, а для баланса государства, когда мы говорим о независимой судебной системе, независимых СМИ, верховенстве права, о правах человека, по-прежнему воспринимается неадекватно. Так как не работают горизонтальные связи нашей гражданской общественной жизни. В ней отсутствует наше индивидуальное творческое начало и наша мысль о достоинстве.

* Виктор Панкращенко. Дружными усилиями отдельных лиц // Эксперт. 22–28 октября 2007, № 39. — С. 86.

** Валерий Панюшкин. Чувство собственного достоинства // Ведомости. Пятница. 12 октября 2007, № 39. — С. 03.

О проекте нации в современной России*

На мой взгляд, дискуссия о нации в современной России имеет, как минимум, две любопытные особенности. Особенность первая заключается в том, что предметом обсуждения является слишком много ключевых вопросов. Перечислю их.

Прежде всего, нет согласия о том, следует ли считать Россию нацией-государством и вообще, надо ли стремиться к тому, чтобы она стала таким государством. Или, скажем, ясно заявлена позиция, согласно которой Россия не просто была империей, но обречена ею оставаться, и нацию-государство строить в России не нужно. Ее сторонники — Дугин и Проханов. Есть позиция, что нация в России уже есть, но мы этого не понимаем, и основная проблема состоит в том, чтобы люди в это поверили. Это, например, позиция Тишкова, с некоторым огрублением. Дальше — нет согласия по вопросу о том, следует ли считать современные границы России приемлемой данностью. Ведь многие заявляют, что нужно стремиться к их расширению, будь то под флагом восстановления СССР, под флагом создания так или иначе проектируемой новой империи, или под флагом того, что можно было бы назвать русским ирредентизмом — стремлением присоединить те территории, где русские составляют значительную часть населения. Под этим флагом можно требовать, например, воссоединения Крыма с Россией или присоединения к России части Казахстана и еще чего-нибудь.

Существует точка зрения, согласно которой России следует избавиться от некоторых нежеланных территорий, ныне входящих в ее состав. Многие так говорят о Чечне или о Северном Кавказе в целом.

Наконец, целый клубок противоречий существует и по вопросу, какая нация в России есть или какая нужна, учитывая, что кто-то говорит про россий-

Алексей Миллер,
историк, профессор
Центрально-европейского
университета (Будапешт),
ведущий научный сотрудник
ИНИОН РАН

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 1 июня 2007 года.

скую нацию, а кто-то про русскую. При этом нет консенсуса в том, что эти понятия означают. Участники таких споров обычно ссылаются на общественные часто взаимоисключающие настроения и все заявляют, что общество на их стороне. Даже такая, казалось бы, простая эмпирическая категория, как социологические данные, тоже часто является предметом дискуссий. Следовательно, вопрос о том, что такое нация и зачем она нужна, требует прояснения.

Вторая особенность российских споров о нации — присущее российской политической культуре стремление использовать разговор о нации для исключения оппонентов. То есть кто-то может просто заявить, что этот, этот и тот вообще слова иметь не должны, потому что у них фамилии неправильные. Кто-то будет говорить, что этим, этим и тем слова не давать потому, что их представления о нации фашистские или нацистские. А кто-то — что мы с ними разговаривать не будем, потому что они Родину продают. Между тем кто нацист, кто Родину продает и так далее достаточно четко прописано в Уголовном кодексе. А если нет, то надо прописать четче. В любом случае дело суда выяснять все обстоятельства. А если какой-то политический актер сам вешает ярлыки на соперников, то он тем самым просто присваивает себе прерогативы суда.

Покажу на нескольких примерах, как работает этот принцип стремления к монополизации права быть арбитром. Возьмем проект «Единой России», так называемый русский проект. Что происходит? Партия, доминирующая на политическом пространстве, говорит: мы создаем некий дискуссионный клуб для обсуждения национальных интересов и того, что такое нация, и назначаем модерировать дискуссию Ивана Демидова. Конечно, можно обсуждать, хорош ли он в роли лидера молодежной

«Единой России», но абсолютно очевидно, что такой политически ангажированный модератор общенациональной дискуссии по ключевым политическим вопросам заведомо непригоден. Такой проект — это пропаганда, а не дискуссия.

Или возьмем, например, другой фланг, который позиционирует себя как либеральный. Не так давно на сайте polit.ru была опубликована статья очень умной, без кавычек, женщины, Галины Зверевой о том, как Кремль строит некую идеологическую матрицу, и как одни люди эту матрицу обслуживают за зарплату, а другие включаются в этот процесс только для того, чтобы поступить на зарплату. В конце статьи вопрос: что делать либералам? И ответ: им ни в коем случае в этих дискуссиях участвовать не нужно, а нужно создавать какую-то свою систему общения, в которой они будут обсуждать проблему нации с приличными людьми. В принципе, это прямой путь на хрущевскую кухню, где люди сидели в 60-е годы, курили «Беломор», пили водку и ругали власть.

Отсюда, я думаю, примерно проясняется, на чем я хочу сделать акцент при ответе на вопрос «зачем нужна нация?» В принципе, нация используется как символ, как образ для чего угодно. Под флагом нации людей призывают любить друг друга, убивать друг друга, делиться (помните знаменитый лозунг «Делиться надо»?). Поэтому я бы сказал, что идея нации в качестве регулятора социальной солидарности в наших условиях, как показывает практика, работает довольно плохо. Скажем, если вы спросите себя, когда платите налоги с дополнительных заработков, руководствуйтесь ли вы интересами нации, то, согласитесь, что делаете это пока из-за боязни налогового инспектора. И другое дело, если происходит какая-то дискуссия, какая-то борьба между разными полити-

ческими группировками по тем или иным экономическим вопросам, то можно предположить, что козыри будут у группировки, которая позиционирует себя как представляющая национальные интересы против, например, компрадорской буржуазии и международного капитала. При этом нация как аналитическая категория, как инструмент в дискуссии не работает. Но зато она очень мощно работает как символ, как элемент или рамка политического дискурса.

Следовательно, мы можем использовать понятие нации как рамку политического процесса и политического дискурса, а символику нации как конструктивный элемент. И если нация понимается как объединение людей, то она связывается с политическим представительством и правом всех участвовать в политическом процессе. Отсюда — защита прав разных меньшинств, в том числе и проигравшей на выборах партии, потому что эта борьба воспри-

нимается как борьба внутри понятия «наши». Вот это наша нация, в этой нации есть большинство, которое выиграло выборы, а есть меньшинство, которое выборы проиграло, но оно тоже имеет право на существование. Это и есть та рамка, которая позволяет функционировать демократическому процессу. Через эту рамку, кстати, обеспечивается и уважение к государству, понимание ценности государства даже при жестком оппонировании ему. В этой логике гражданская война, например, это доведенный до абсолюта кризис идеи нации, когда противоборствующие стороны определяют друг друга как «ненаших».

И последний вопрос, который я хочу затронуть, какая мы все-таки нация — русская или российская? Это один из таких вопросов, однозначный ответ на который не только не открывает более широкое пространство для понимания, но это понимание затрудняет. На самом деле, нам нужны обе нации — и

российская, и русская. Первая нам нужна обязательно потому, что не может называться иначе нация, которая объединяет всех граждан России как сообщество равных прав и обязанностей для всех, по крайней мере в идеа-

Важно осознать, что сохранить советскую этническую структуру на длительную перспективу мы не сможем

ле. Но достаточно ли этого? Может ли проект российской нации функционировать в отрыве от русской? Мне представляется, что нет — по одной простой причине. Проект конституционной, политической общности должен опираться на какие-то ценности. На какие? На конституцию, гражданское участие, демократию. Как у нас с ними обстоит дело? Что у нас с гражданственностью, с политической активностью, с правами? Думаю, что особенно хвастаться, по крайней мере, пока, нечем. Поэтому идея опоры на них не срабатывает.

Дальше возникают проблемы с интерпретацией понятия «российский». Казалось бы, понятия «российская нация», «российский» должны всех объединять. Что же происходит в обиходном функционировании русского языка? Мы говорим «великий русский ученый Павлов». Или — «великий русский полководец Жуков»... Потом говорим «великий российский ученый Гинзбург», «великий российский (или советский) полководец Баграмян». То есть неожиданно оказывается, что понятие «российский» становится маркером нерусскости, в повседневном языке это определение выполняет скорее маскирующую роль — вроде «наш», но не совсем.

Еще более ожесточенная полемика идет по содержанию понятия «русский». В последнее время чрезвычайно

активен такой публицист, он странным образом имеет степень доктора исторических наук, по фамилии Соловей. Раньше идеи, о которых идет речь, пытались продвигать люди типа Севастьянова, но Соловей весьма лукаво, хитро пытается продать идею, что нация — это генетическая категория и принадлежность к ней определяется в общем набором ДНК. То есть русский — это тот, у кого

папа русский, мама русская, бабушки и дедушки русские. Куда это ведет, понятно. Это значит анализ ДНК, это значит — череп мерить... Социологические исследования показывают, что с Соловьем согласны сегодня примерно 10 процентов населения. Однако 70 процентов полагают, что русский это тот, кто считает себя таковым, кто считает своей русскую культуру. Это принадлежность к нации по заявлению. И мне кажется, что такой подход, в совмещении с российскостью, дает устойчивую конструкцию, на которую можно опираться, решая реальные проблемы.

Что я имею в виду? Во-первых, если русскость определяется как культурная категория, как феномен самоидентификации, то можно выстроить ряд исторической преемственности, потому что именно так категорию русскости понимали в подавляющем своем большинстве русские националисты в имперской России. Там были приличные люди, такие, как Катков, например, про которого мы почти ничего не слышим сегодня, или Уваров, про которого слышим много, но либеральный миф о нем не имеет ничего общего с его реальной деятельностью.

Второе. Мы можем тогда выстроить какой-то мостик и с теми русскими, которые оказались за пределами России. Ведь если мы говорим, что нация — это люди, которые живут в стране, тогда

возникает вопрос, а кто такие наши соотечественники за рубежом, на каких принципах строить взаимодействие с ними?

Неполное наложение критериев российскости и русскости ставит перед нами очень важную проблему, связанную с тем, что в России живет много людей, которые не хотят считать себя русскими и имеют на это полное право. Они тоже, безусловно, принадлежат к российской нации, не будучи русскими и не желая таковыми быть, и должны обладать всем набором прав и обязанностей. Как в реальной жизни реализуется это противоречие между двумя статусами, особенно учитывая традиции советского наследия?

Мы живем на руинах двух империй — Российской империи и Советского Союза. Реликт национальной политики Советского Союза в нашей жизни — это институционализация этничности и ее территориализация, понятие этнической собственности на территорию. У нас много автономных образований, в которых титульная нация понимает территорию как свою национальную собственность. Так сложилось потому, что советский проект деформировал проблему меньшинств. Единственный способ защиты их прав, который знала советская власть, — это превратить меньшинство на какой-то территории в большинство. А то, что в результате неизбежно какая-то другая группа, которая в масштабе страны могла быть и большинством, оказывалась в меньшинстве, было «издержками производства». Сегодня такого рода диспропорции, в том числе и правовые, в демографическом процессе, и это очевидно, не исчезли. Как можно из этой ситуации выйти? Нельзя, разумеется, отменять понятие «национальная автономия»,

но надо постепенно переосмысливать его политическое содержание. В России не должно быть этнического права собственности на территорию за исключением тех групп, которые живут в немодернизированном пространстве и для которых право на определенную территорию принципиально важно для сохранения своего образа жизни и выживания этноса. Это, например, малые народы Севера. Но это одновременно значит, что и русские не должны воспринимать Россию как свою этническую собственность. Здесь очень важно создать и освоить весь правовой комплекс защиты прав меньшинств. Если вы посмотрите на наш правовой багаж, то там эта проблематика совершенно не развита. У нас меньшинств нет в правовом смысле. Ничего изобретать не нужно, никакого особого русского пути здесь не надо! Это как раз та область, в которой все надо взять из тех стран, которые это разработали. Важно осознать, что сохранить советскую этническую структуру на длительную перспективу мы не сможем, потому что это порождает массу всяких проблем, институциональных и так далее.

Ну вот, собственно, и все в качестве введения. Два моих главных тезиса. Первый: нация как политическая рамка, то есть конструкция организации процесса, в котором люди разных убеждений могли бы формировать нормальную политическую культуру, а не ту, что формирует телевидение. Ведь что такое нация? Это постоянная общественная дискуссия о реальных проблемах, волнующих людей, это первое. И второй тезис: наложение двух концептов, русскости и российскости, дает нам ту рамку, в которой любой конкретный вопрос, который вы мне сейчас зададите, мы можем обсуждать, не оскорбляя друг друга.

Дискуссия: вопросы и ответы

Антон Чаблин, журналист, Ставропольский край:

— Вопрос такой: вы, видимо, знаете о существовании монархического объединения «Русский общенациональный союз», который возглавляет, если не ошибаюсь, Игорь Артемов...

Алексей Миллер:

— Должен вас разочаровать, не знаю.

Антон Чаблин:

— Это монархическое объединение, которое примерно полгода назад пыталось зарегистрироваться в Минюсте в качестве политической партии, соблюдая все формальные требования — численность, количество ячеек региональных и так далее. Но ему в регистрации отказали, поскольку в названии присутствует слово «русский». Лидеры союза пытались мотивировать это тем, что «русский» они понимают именно не как принадлежность к этносу, а как принадлежность к россиянам. На ваш взгляд, все-таки существует какая-то юридическая двойственность толкования понятия «русский» в значении этнической принадлежности и того, как действительно самоопределяет себя человек, и насколько она может использоваться властями предрезающими для прессинга инакомыслия?

Алексей Миллер:

— Я не знаю, по каким причинам Минюст отказал им в регистрации реально. По поводу же возможной аргументации отказа могу сказать следующее. В России принята такая норма, что политические организации, которые регистрируются как политические партии, не определяют себя в этнических или в религиозных терминах. То есть если вы регистрируете «Русский монархический союз», например, то на следующий день не имеете никакого права отказать в регистрации, скажем, «Мусульманскому монархическому союзу» или еще какой-то подобной организации. В принципе, политические партии не должны использовать такие термины. Повторяю, я не знаю реальных обстоятельств... В целях же политического прессинга и манипулирования можно использовать, как вы сами понимаете, все что угодно, было бы желание.

Игорь Голдобин, консультант управления по взаимодействию с органами местного самоуправления аппарата Законодательного собрания Пермского края, г. Пермь:

— У меня просьба, дайте, пожалуйста, определение русской культуры и российской, потому что вы достаточно часто оперируете этими понятиями.

Алексей Миллер:

— Определение культуры давать не буду, потому что их примерно 500, и никакого консенсуса по этому поводу нет. Когда мы говорим о взаимоотношении русской и российской культур, то мне кажется, что они очень сильно накладываются друг на друга. Вот в каком смысле. Понятно, что российская культура может функционировать, имея в качестве языка коммуникации только русский язык. Поэтому очевидно, что если граждане России хотят участвовать в общественной и культурной жизни, то русский язык они должны знать. Но речь идет именно об общем языке социальной коммуникации, а не о том, чтобы через русский язык всех сделать русскими. Русский язык позволяет всем быть россиянами, активно участвовать в жизни общества в любой части территории России.

Если мы говорим о российской культуре, то понятно, что доминирование в ней русской культуры сложилось объективно ввиду имперского прошлого страны, где русский язык был общегосударственным. При этом создание комфортных условий для функционирования культур национальных меньшинств — необходимое условие для полноценного развития обширного пространства российской культуры.

Анастасия Гонтарева, корреспондент газеты «Университетская жизнь», Республика Кабардино-Балкария:

— Первый вопрос: при столь сложной интерпретации понятия «нация», какой вам представляется национальная идея в современной России? И второй: если мы отказываемся от национально-территориального принципа российского федерализма, притом что вы защищаете права меньшинств, притом что вы сохраняете культуру всех этносов, какую реакцию это может вызвать в национальных республиках? Какие силы могли бы осуществить эту идею?

Алексей Миллер:

— Я считаю, что лучшее определение русской национальной идеи дал президент Путин: русская национальная идея, вернее, ее поиск, — это такой национальный спорт. Все. Никакой русской национальной идеи не существует. Существуют дебаты о нации, о чем я и пытался говорить. Вот второй вопрос очень важный. Не так давно были опубликованы воспоминания Аркадия Вольского, ныне покойного, об Андропове, они вышли в «Коммерсанте» в прошлом году. Вольский вспоминает, что, когда Андропов стал генсеком, а Вольский был его помощником, он поручил ему подготовить проект отмены этнотерриториальных образований на пространстве СССР. Он сказал, что и советские республики и автономные республики — все будем отменять. И велел Вольскому разработать проект создания штатов. Вольский пригласил своего друга академика Евгения Велехова, и они вдвоем сидели и чертили на карте, и у них получился в конечном счете, кажется, 41 штат. И вот я думаю, мог бы Андропов провести такую реформу? Думаю, что мог, опираясь на тоталитарную машину, которая была в его руках. Понятно, что сегодня такой возможности нет, и слава Богу.

Давайте посмотрим, что происходит сегодня. Видим ли мы тенденцию отмены автономных образований в современной российской политике? Да, видим. Она касается слабых образований: некоторые округа объединяются с большими областями. Только что Корякский округ объединялся с Камчаткой, еще раньше Красноярский край — с Эвенкией и Таймыром. И если это происходит без особых конфликтов, слава Богу. Но вот попробовали ту же концепцию реализовать в Адыгее, когда хотели объединить ее с Краснодарским краем, не вышло. Там очень устойчивые местные структуры. С этой проблемой надо работать. Во-первых, надо создать эффективно работающую систему защиты прав нацменьшинств. Во-вторых, работать с местными элитами и объяснять им, как будут защищены их легитимные интересы и почему их нелегитимные интересы будут постепенно ущемлены. Ведь понятно, что в политике действуют политики, которые мобилизуют те или иные группы населения, например, под флагом борьбы против ущемления их национальных прав или, наоборот, борьбы за эти права. Значит, если удастся договориться с элитами, можно идти дальше. Еще один любопытный пример политики в этом вопросе — это то, что происходило совсем недавно с Татарстаном. Судя по всему, Шаймиеву пообещали специфический статус республики. И это обещание было выполнено на уровне особого договора, который прошел через Госдуму. Потом он попал в Совет Федерации, и весь Совет Федерации, представляющий разные регионы, проголосовал против утверждения соответствующего закона. То есть представители регионов продемонстрировали, что не хотят, чтобы какой-то регион получил эксклюзивные привилегии. А могло бы быть иначе: раз у Татарстана будут такие полномочия, мы все хотим такие же. Этого удалось избежать, это и есть политика. Подобные проблемы будут возникать еще очень долго. Тут самое главное а) не спешить, б) всегда смотреть на цену вопроса. Если следующий шаг может ухудшить ситуацию, стоп, поговорим об этом еще... Вот это и есть национальная рамка — поговорим об этом еще.

Андрей Карпов, заместитель председателя региональной общественной организации «Красный мост», Орловская область:

— Алексей Ильич, хотелось бы услышать ваше мнение по поводу того, что евразийское движение Александра Дугина находит большой отклик, прежде всего, у молодежи с высшим образованием. Почему, на ваш взгляд, это происходит?

Алексей Миллер:

— Понятия не имею. Мне кажется, что Дугин по-своему очень интересный. Он и писать умеет ярко и говорит хорошо. У меня были окации, чтобы пообщаться с ним в узком кругу, и очень часто там он говорил заметно более разумные вещи, чем на публике. То есть я бы согласился, что Дугин — умный аналитик, который одновременно функционирует как публичная фигура, и в этом качестве он продает продукт, который называется «евразийство Александра Дугина». По моему, между тем, что он говорит, и тем, что думает, может быть

большая разница. У него есть серьезная поддержка, в том числе и финансовая. Почему? Потому что он лучше всех на данный момент продает имперскую идею. Если объявляется какая-то группировка, которой кажется, что России недостаточно величия, то ей обязательно нужен Дугин, потому что он лучше всех оформит идеологически эту позицию.

Эдвард Мурзин, депутат Государственного собрания — Курултая Республики Башкортостан:

— Мне кажется, что если руководство страны желает сохранить только территорию, то действительно надо строить империю с политическим доминированием русских. Если же ему важны стабильность и комфортные условия для граждан, то для этого нужно собирать российскую нацию. Мы в Башкирии ощущаем себя не русскими, но россиянами. Но с другой стороны, наше руководство совершает, на мой взгляд, ошибку, когда участвует в обряде одной из религиозных конфессий на территории России, и это все показывают на Первом канале. У нас это воспринимают очень негативно. Как вы к этому относитесь?

Алексей Миллер:

— Я уловил два вопроса. Первый — соотношение российская — русская. Я пытался показать, что на уровне политических прав и обязанностей это должна быть российская нация. Татарстан или Башкортостан — это очень хорошие примеры того, какие здесь возникают проблемы. В Конституции Российской Федерации нет регулирования избирательных прав с точки зрения владения языком, а в Конституциях Татарстана и Башкирии есть. Значит, возникает очевидный конфликт. С ним можно какое-то время жить, но как-то его надо постепенно решать. Значит ли это, что мы просто не замечаем проблему представительства башкирского этноса в структурах местной власти? Как это представительство должно быть организовано? Или другая проблема, из культурной политики. В Татарстане сейчас в школах одинаковое количество часов отдано русскому языку и татарскому. С одной стороны, вроде как и слава Богу, лишь бы не было войны. С другой стороны, это абсолютный нонсенс, потому что русский язык — это, я еще раз подчеркиваю, не только язык русских, это язык, с помощью которого функционирует российская нация как социум. Люди, которые хотят изучать татарский язык, обязательно должны иметь на это право в любом желаемом ими объеме. Должны быть школы, которые работают на татарском языке и где могут учиться не обязательно дети татар, — все, кто считает нужным. Если в Татарстан приехал человек, который не рассматривает свое проживание здесь как долговременную перспективу, он может сказать: пусть мой ребенок учит татарский язык, например 2 урока в неделю, просто потому что он здесь пока живет. Но если мы говорим, что русского языка должно быть столько же, сколько татарского, а сетка-то не резиновая, значит, нанесен ущерб каким-то другим предметам. А татарский язык, с моей точки зрения как родителя, моему ребенку в большом объеме не нужен, — я должен иметь право этого выбора.

А теперь по второму вопросу, по религиозным обрядам. Тут надо разделить две вещи. Первое: церковь в России отделена от государства. Так оно и должно быть. Второе: существуют политически знаковые события в религиозной жизни, в которых президент теоретически может принять участие. Обратите внимание, что он, в общем, старается не светиться, его поведение в этом смысле отличается от поведения вот этих «подсвечников» предыдущей генерации, которые стояли со свечкой и не знали, надо снимать шапку или нет, когда крестишься. Им важно было, чтобы их телевизор показал в храме. А Путин старается уехать куда-то в провинцию и там участвовать в богослужении.

Бригита Дрэйже, консультант Канцелярии президента Латвии по вопросам интеграции общества:

— Когда в Латвии представители русскоязычного населения хотят привлечь внимание СМИ, они выходят на улицы, протестуют и говорят «мы русская нация». При этом их объединяет только русский язык, потому что там и граждане Латвии, и граждане России, и не граждане. Как вы думаете, что они под этим подразумевают?

Алексей Миллер:

— Мне трудно судить о том, что каждый из них при этом думает. Если кто-то из них выражает протест по поводу того, что существует такое государство, как Латвия, то им надо сказать, чтобы они еще немножко подумали. Может быть, какая-то часть выражает протест по поводу того, как складываются отношения между латышами и русскими в Латвии. Этот протест легитимен, потому что эти отношения складываются не очень хорошо. Другое дело, что, может быть, надо было бы поискать другие формы, если ты живешь в этом государстве. Во всех таких конфликтах бывают виноваты обе стороны. Латыши концептуализируют свою ситуацию как угрозу самому национальному существованию. А русские — «Нас здесь за людей не считают и гражданство не дали» и так далее. Всегда важно в таких случаях найти с обеих сторон людей, которые готовы разговаривать о том, как эти проблемы решать, а не выигрывать выборы с помощью разжигания этих проблем. Кстати, очень важный вопрос: что должна делать в этой ситуации Россия? Мне кажется, Россия до сих пор, по большому счету, в плане практической политики вела себя довольно сдержанно. Всегда, когда русские, идентифицирующие себя как русские и живущие за пределами России, обращаются к России, они имеют на это право. Но если они, живя, например, в Крыму, требуют присоединить Крым к России, им надо сказать: «Нет, ребята, давайте как-нибудь обойдемся без этого». Если они попросят учебники, финансовой поддержки культурным учреждениям, открытия каких-то филиалов вузов, — Россия все это должна пытаться сделать. Россия обязательно должна на законодательном уровне принять программу финансовой и организационной поддержки всех, кто хочет в Россию переселиться. Кстати, у меня есть идея, которую я пытаюсь пропагандировать. Все мы платим налоги. Вот в странах типа Германии или Авст-

рии каждый налогоплательщик имеет право, не обязанность, а право, заявить, что один процент от уплаченной им в виде налогов суммы должен идти на поддержку той или иной религиозной общины, например католической церкви. С моей точки зрения, нам нужен закон, который позволяет любому налогоплательщику направлять один процент уплаченных им налогов в фонд поддержки переселенцев. Это будет маленький шаг к формированию того, чего нам очень не хватает, — солидарности и ответственности за соотечественников. Если посмотреть сейчас на то, как обходятся в России с людьми, которые сюда переселяются, потому что им оказалось трудно там, где они остались, все разговоры о национальной солидарности гроша ломаного не стоят.

Елена Юркина, директор «Зодиак ТВ», Украина:

— Алексей Ильич, можно ли вашу модель наложения использовать в Украине и какие при этом нужно использовать слова, формулы, чтобы объяснить татарину из Крыма, украиноязычному украинцу, поляку или русскоязычному русскому, что такое нация, что должно объединять этих людей?

Алексей Миллер:

— Я думаю, что ситуация на Украине существенно отличается от ситуации в России. На Украине или в Украине, как хотите, существует очень глубокий конфликт двух украинских идентичностей. Что я имею в виду? Существует восточная украинская идентичность и существует западная украинская идентичность. У этих идентичностей разная историческая память, уверенность в том, особенно у западной части, что их трактовка украинской идентичности — единственно пра-

вильная, их герои настоящие, а понимание политического и культурного процесса единственно возможное. Это взаимоисключающие дискурсы. И ни одна из сторон не демонстрирует способности и готовности поговорить о том, а нельзя ли представить Украину как более сложное образование, где обе эти идентичности могут как-то сосуществовать. Сначала украинцам неплохо было бы между собой договориться, тогда можно будет и с другими говорить. Пока они воспринимают политический процесс как игру с нулевой суммой, то есть выигрыш одной стороны обязательно означает проигрыш другой. Мне кажется, что было окно возможности после последних парламентских выборов, когда Янукович с Ющенко могли договориться и создать большую коалицию, но оказалось, что Ющенко не политик того формата, который может это сделать.

Александр Кашиников, журналист информационно-аналитического агентства «Урал-пресс-информ», Челябинская область:

— Назовите, пожалуйста, на современной карте России основные точки межнациональных конфликтов.

Алексей Миллер:

— Я не стану их перечислять, ничего нового не скажешь. Хочу обозначить принципиально новую серьезную для России проблему. Что я имею в виду? До недавнего времени считалось, что города — это такие плавильные котлы, где происходят ассимиляционные процессы, процессы аккультурации. Но это происходило раньше, и нужно понять, почему многое изменилось. Скажем, если раньше люди приезжали в Россию, в Москву, например, или в другие крупные центры, то они, как правило, либо шли в вуз, где быстро встраивались в систему, либо на завод, где осваивали базовые ценности. А теперь заводы позакрывали, вузы отчасти выполняют такую функцию, но только отчасти. А иммиграция происходит в многократно возросших масштабах, которым совершенно не соответствует ни социокультурная ни правовая конфигурация общества. Где эти люди оказываются? На стройке, в бригаде, где хорошо, если бригадир местный, а все остальные месят бетон «неизвестно на каком языке». То есть на рынке, где действуют свои законы, а чаще они просто отсутствуют. Это среди прочего и место конфликтов, потому что я покупатель, а ты продавец. Твоя задача — продать себя подороже, а моя задача — купить подешевле, налоги не платить, на социалку не тратиться. Люди приезжают в Россию и оказываются в социокультурной изоляции. Они лишены механизмов окультуривания и встраивания в местную среду, правой защиты. И очень важно не допустить углубления этой проблемы, не наступить на западноевропейские грабли. А это значит, что власти, общество должны разработать новые механизмы, как это должно работать. Потому что пока у нас этого еще нет.

Заметки с семинара

Первый день семинара федерального класса 2007 года был особенным для всех, кто причастен к Школе. Он стал началом ее 15-го академического года.

Ведущими экспертами сессии 27 мая были представители «Единой России». Председатель Комитета по международным отношениям Госдумы Константин Косачев говорил, что отношения современной России с окружающим миром переживают не лучшие времена. Можно обижаться на наших зарубежных партнеров, но чувство обиды для мировой державы абсолютно неуместно. Важно научиться защищать свои национальные интересы цивилизованно, демократично и, в силу этого, эффективно.

Председатель Комитета по государственному строительству Госдумы Владимир Плигин в своих рассуждениях обратил внимание, что государственное строительство бессмысленно, если оно не ставит ясные цели и не учитывает вызовы, с которыми сталкивается. Носители политики государства должны понимать прежде всего, каким оно должно быть. Решение проблем бедности, социального расслоения, неэффективного управления общественно-экономическими процессами обречено на провал, если граждане сами не осознают личную ответственность за свою судьбу и за все, что происходит в стране. Нам предстоит очень болезненная трансформация.

Страна будет такой, какой захочет общество, согласилось большинство слушателей на следующий день с Альваро Хиль-Роблесом, профессором Мадридского университета, комиссаром по правам человека Совета Европы в 1999-2006 годах. Идея эффективности монополизации власти — это заблуждение, прежде всего, самой власти, которая отказывается «взглянуть на себя в зеркало», ограничивая оппозицию. Видеть проблемы в их полноте и подавать соответствующие сигналы власти способно только общество, наделенное правами и свободами.

Уполномоченный по правам человека Российской Федерации Владимир Лукин считает, что истина гораздо чаще рождается в ходе дискуссии между представителями разных общественно-политических

Ольга Петрова,
выпускница Школы 2005 г.

взглядов, чем в какой-то, пусть самой гениальной голове. Поэтому нужно развивать некоммерческие неправительственные организации, чтобы было больше каналов для выражения различных мнений в обществе. Нужно находить в своей стране источники для финансирования НКО, независимые от того, раздражают или не раздражают эти организации властные структуры. Содержание и формы коммуникаций обуславливают эффективность инновационных процессов, убежден президент Школы культурной политики Петр Щедровицкий. В мире все более остро ставится вопрос о движущих силах и субъектах, которые берут на себя миссию и риски развития. В формировании социальных общностей важнейшую роль играют знания. Владение теми или иными видами знаний делит людей по социальным группам гораздо жестче, чем материальные условия, а также такие признаки, как национальность, пол, возраст и целый ряд других традиционных социальных категорий. Формирование элиты — это, прежде всего, процесс обращения и использования знаний. Великая та держава, где есть полномасштабная система производства и трансляции знаний.

Президент Института национального проекта «Общественный договор» Александр Аузан назвал три проблемы, которые непонятно как решать. Это проблема власти, которая стала в России неделимой; проблема легитимации собственности в сознании населения и проблема соотношения власти и собственности, что определяет траектории прошлого и будущего общественной жизни. На пути к модернизации у нас «замок»: срослись власть и собственность. Силой этот «замок» не разбить, поэтому нужно выращивать в обществе спрос на демократию, рекомендовал эксперт.

Председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике Сер-

гей Караганов констатировал, что Россия в силу действия ряда внешних и внутренних факторов находится сейчас в удивительно сильной позиции на мировой арене, но мы переоцениваем свои возможности и у нас нет «якорей», которые удерживали бы Россию в европейских ценностях, как в 90-е годы.

С консультантом фонда им. Чарльза Стюарта Мота Вячеславом Бахминым и президентом Московской Хельсинкской группы Людмилой Алексеевой мы размышляли, почему гражданское общество необходимо государству. Правозащитники говорили, что гражданское общество — это такая система отношений, которая позволяет реализовать самый ценный ресурс государства — идеи граждан, какие бы малые сообщества они ни представляли.

Президент фонда некоммерческих программ «Династия», почетный президент компании «Вымпелком» Дмитрий Зимин убежден, что конкуренция — это не бокс, а бег спортсменов по одной дорожке: если соперник исчезает и ты останешься на дорожке один — проиграешь. В условиях мировой тенденции к децентрализации власти и управления сохранятся только те структуры, которые не отличаются жесткостью вертикали, которые, имея много центров принятия решений, будут способны мгновенно реагировать на непрерывные перемены.

В предыдущие годы на фоне высоких цен на нефть у нас был «дешевый» или «легкий» экономический рост, считает управляющий директор, главный экономист инвестиционной компании «Тройка Диалог» Евгений Гавриленков. Мы входим в новую фазу развития, когда от всех потребуется больше эффективности. Развитие страны определяют человеческий капитал и гражданское общество. Эксперт сослался на исследования, которые показывают, что уровень бедности ниже в тех странах, где больше свободы прессы, мень-

ше коррупции и вмешательства государства в деловую среду. Там темпы роста практически никогда не опускаются до отрицательных величин.

Почетный президент группы компаний «Рольф» Сергей Петров, участвуя в семинарах Школы, видит свою задачу в том, чтобы участвовать в просвещении генерации людей, которые понимают значение бизнеса для экономики государства. Немногие способны создавать конкурентный бизнес. Поэтому так важно цивилизованно строить гражданскую среду, в которой предпринимательство рождается и развивается естественно, что приносит плоды всему обществу. Патриотизм бизнеса в том, чтобы сделать свою компанию, свою страну эффективными, успешно конкурирующими.

Об осмыслении истории и его значении для нашей жизни мы говорили на презентации книги «ГУЛАГ. Паутина Большого террора» журналистки «Вашингтон пост» Энн Эпплбаум. Разговор, в котором участвовали автор и ведущий телепрограммы «Тем временем»

Александр Архангельский, председатель правления «Мемориала» Арсений Рогинский, обозреватель «Новой газеты» Зоя Ерошок, переводчик книги Леонид Мотылев, показал, что, если не утвердить категории совести и памяти в современной жизни, мы можем утратить смысл истории нашей Родины. Эта сессия закончилась минутой молчания в память жертв политического террора. Облекая в понятия наши впечатления от семинара, директор издательских программ Школы Юрий Сенокосов сказал, что мы прожили неделю в обществе свободных людей. Как удерживать, как длить это состояние открытости, освобождения, ощущения своих возможностей? Трудно сохранить его в непрерывном потоке стремительной жесткой жизни, светиться самому и быть образцом. Какую ответственность сможем взять на себя за наши желания и поступки? Если мы будем думать об этом, мы будем приближаться к тому, чтобы продлить то состояние общества свободных людей, которое прожили в Голицыно.

Из выступлений на семинаре (май – июнь 2007) г.

- # МШПИ — это то место, где пацаны общаются как друзья.
- # Продолжая ваш ассоциационный ряд, есть мнение, возникает вопрос.
- # У меня вопрос на понимание, если я правильно понял.
- # В других странах люди живут, а мы все историю России пишем.
- # У меня совесть стала выглядеть иначе.
- # Не кажется ли вам, что мотивировка притянута за уши, так как я ее не понял.
- # Мы знаем, как власть имеет бизнес и через что.
- # В Ямало-Ненецком АО надо создать Северные Эмираты: газа много, детей мало.
- # Удар по демократии — это все равно что удар по яйцу.
- # Россия по пояс в Европе, а лучшей своей частью она в Сибири.
- # Не мы переоцениваем свои возможности, а европейцы переоценивают наши возможности, поэтому и мы переоцениваем.
- # Мы никуда не лезем, но когда можно, уstraиваем неприятности.
- # Раньше президент Ющенко отдельно нарушал Конституцию, теперь они вместе договорились ее нарушать.
- # Украинская политическая элита так вцепилась в горло друг другу, что совершенно не мешает развиваться обществу.
- # Худые — крыло беспартийной России.
- # Как вы будете предохраняться от всевозможных демократических болезней?
- # Как к вам прийти — понятно, а как от вас уйти?
- # Я уже почти спал, когда услышал последнюю фразу лектора.
- # Почему люди, имеющие жилье, должны иметь мозги?
- # Леша, подойди к микрофону без гламурности.
- # У меня два вопроса: один внутрь, другой наружу.
- # Мне кажется у тебя не очень умный вопрос, хоть ты и настаиваешь на нем.
- # К сожалению, русская рабочая сила — все равно рабочая сила.
- # Обругать суверенную демократию может каждый.
- # Отравлен государственным взглядом.
- # То, что делается в России руками, гордиться нельзя.
- # За растрату бюджетных средств я получил Государственную премию.
- # Молодежь в ГД будет представлена и будет иметь женское лицо.
- # В Северной Корее всего одна лампочка, и та у российского посольства.
- # Бизнес уже сросся с властью, а с гражданским обществом нет.
- # Месят бетон неизвестно на каком языке.
- # Гражданами у нас обычно называют тех, кто что-то хочет, просит и ждет.
- # И так далее, и так далее и так далее — ну вы меня поняли...

Людмила Савочкина

Российская энергетическая политика: мифы и факты

Об энергетике, о том, какую роль она играет в нашей жизни, об энергетических ресурсах и энергетической безопасности сегодня говорят на каждом шагу — и в парламентах, и на заседаниях правительств, и на международных форумах. Поэтому имеет смысл попытаться ответить на вопрос: «Какая энергетика нам нужна?». Так пока условно я решил назвать книгу, которую сейчас пишу. Это будет попытка системного взгляда на то, как устроен российский энергетический сектор, какую функцию он выполняет в нашей жизни и что нужно, чтобы он внес оптимальный вклад в наше общее, надеюсь, лучшее будущее. Рассуждая о том, как функционирует наша энергетика, очень важно начать с развенчания некоторых вредных, но очень популярных мифов о российской энергетике.

Первый миф связан с климатическими условиями страны. Когда я работал в правительственных структурах, там был популярен такой постулат: в России не может быть либеральной рыночной модели организации энергетике, потому что у нас холодно, затраты на отопление большие и свободный рынок работать не может. Поэтому в энергетике для обеспечения надежности энергоснабжения страны придется сохранить командно-административную систему, нечто похожее на систему централизованного управления, существовавшую в Советском Союзе.

В результате, несмотря на то что в целом наша экономика сейчас существенно либерализована, в энергетике дело обстоит совершенно иначе. Она сохранила то самое зарегулированное состояние, в котором находилась в 80-е годы. Достаточно сказать, что 75 процентов потребления энергоресурсов, не связанного с использованием их для преобразования в другие виды энергии, а идущего на нужды потребителей — промышленных, транспортных, бытовых и так далее, — в настоящее время осуществляется по регулируемым ценам. Три четверти поставок ресурсов конечным потребителям! По сути, либерализация цен в энергетической сфере у нас так и не состоялась, хотя во всей

Владимир Милов,
президент Института
энергетической политики

остальной экономике это было первое, с чего начались серьезные экономические реформы. В этой отрасли сохраняется крупная государственная собственность, доля которой в последнее время даже начала возрастать, централизованная структура управления энергетикой. Прежде всего это электроэнергетика и газовый сектор, которые в совокупности составляют половину внутреннего рынка энергоресурсов.

Одна из причин того, что власти, причем самые разные правительства — от Гайдара до Примакова и от Черномырдина до Кириенко — не решались на масштабную либерализацию в энергетике, как раз в том, что они опасались рисков перебоев энергоснабжения зимой. Например, Гайдар именно этим объяснял то, что цены на энергоресурсы в 1992 году не были отпущены. Говорят, климат у нас неподходящий!

Давайте посмотрим, насколько в реальности велико значение климатического фактора. Начнем с величины расхода энергоресурсов на цели отопления. Это примерно 130 млн тонн нефтяного эквивалента в год. Конечно, достаточно много. Но, с другой стороны, это всего 12 процентов общего производства энергетических ресурсов в России. Значит, почти 90 процентов мы производим совсем не для того, чтобы себя отапливать, а для чего-то другого. Для чего?

Есть такие интересные величины, как наш совокупный экспорт энергетических ресурсов, который составляет порядка 500 млн тонн нефтяного эквивалента, — примерно в 4 раза больше, чем весь объем энергоресурсов, которые мы потребляем на цели отопления. Получается, что теория, утверждающая, будто российская энергетика в основном нужна нам в режиме, я бы сказал, натурального хозяйства (производим — тратим на свое отопление), начинает рассыпаться. Видно, что у российского энергетического сектора есть огромный запас прочности: почти наполовину он работает вовсе не на внутренний рынок, а на выполнение функции международного поставщика энергоресурсов, экспортера.

Более того, основная нагрузка на энергетический сектор, связанная с внутренним потреблением, определяется вовсе не теплом, которое нам требуется. Вот показатель потребления энергоресурсов промышленностью и транспортом на цели, не связанные с отоплением: 175 млн тонн нефтяного эквивалента в год — существенно больше, чем объем энергоресурсов, идущих на отопление.

У нас, кстати, принято любой разговор об устройстве энергетического сектора, структуре энергетического рынка немедленно сводить на бытовой уровень — как, мол, это скажется на бытовых потребителях, на гражданах? Но, если посмотреть на структуру внутреннего потребления энергоресурсов, то и здесь окажется, что граждане имеют на этом рынке относительно небольшую долю — около 20–25 процентов. Остальное приходится на промышленность и транспорт, что связано вовсе не с тем, что у нас какие-то особые климатические условия или большие расстояния, а просто в советское время в культуре организации производства такое понятие, как «энергетическая эффективность» не присутствовало. Всегда было так много энергоресурсов, что не думали, как их правильно тратить, экономить.

Это породило неприятные последствия. В среднем получается, что, скажем, одна наша железнодорожная тяговая подстанция тратит в год примерно в два раза больше электричества, чем аналогичная подстанция в Соединенных Штатах. Такая же картина наблюдается практически во всех сферах промышленности. Россия — абсолютный чемпион мира, например, по затратам электроэнергии на выпуск тонны алюминия. Что ни возьмите — цемент, минеральные удобрения, аммиак — любые наши энергоемкие производства существенно отстают в эффективности от международных образцов.

Если сравнить Россию с другими странами по уровню душевого потребления электричества в быту, то мы и здесь примерно в два раза превышаем уровень тех стран, на которые похожи по уровню ВВП на душу населения. В странах, которые имеют одинаковый с нами уровень экономического развития, среднестатистическое потребление электричества на бытовые цели составляет примерно 500–600 киловатт-часов на человека в год, у нас — 1000 киловатт-часов. То есть мы примерно в два раза больше потребляем электричества в быту, чем можем себе позволить по нынешнему уровню развития. И вовсе не оттого, что не выключаем где-то вовремя лампочку, а просто наши холодильники и электроплиты «едят» в 1,5–1,7 раза больше электричества, чем аналогичная бытовая техника в других странах.

Если же внимательнее всматриваться в эту картину, то вывод окажется таким: наш высокий уровень энергоемкости и большой объем потребления энергоресурсов вовсе не связаны с природными факторами. При этом расход энергоресурсов на отопление примерно в 4 раза ниже, чем, скажем, ежегодное потребление бензина автомобилями в Соединенных Штатах Америки. То есть отопить всю Россию в 5 раз легче, чем добиться, чтобы все автомобили США имели возможность ездить. Этот анализ также ставит под сомнение одну из базовых концепций, которая не просто популярна среди населения, а имеет серьезную политическую подоплеку, очень сильно влияет на настроения людей, которые принимают решения по поводу энергетической политики в России.

Если идти дальше, то видно, что примерно 40 процентов российского населения живет и 40 процентов совокупного валового регионального продукта (ВРП) производится в регионах с относительно благоприятным климатом — там, где средняя многолетняя температура января не ниже минус 12 градусов. А это с точки зрения дополнительной нагрузки на энергетиков практически ничего не значит. Серьезные проблемы начинаются ниже минус 15, а еще серьезнее — ниже минус 20. В таких регионах, действительно экстремально холодных, у нас проживает примерно 10 процентов населения и производится примерно 10 процентов ВРП. Причем значительная часть этого самого ВРП и некоторая часть населения приходится на Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. И там, конечно, холодно, это прав-

Российский энергетический сектор почти наполовину работает как международный поставщик энергоресурсов

да. Но уровень жизни в городах и промышленных центрах там сейчас примерно соответствует уровню Финляндии. В этом смысле закономерность проста: чем выше уровень жизни, тем больше возможности себя отопить. С ростом уровня жизни это вообще перестает быть проблемой.

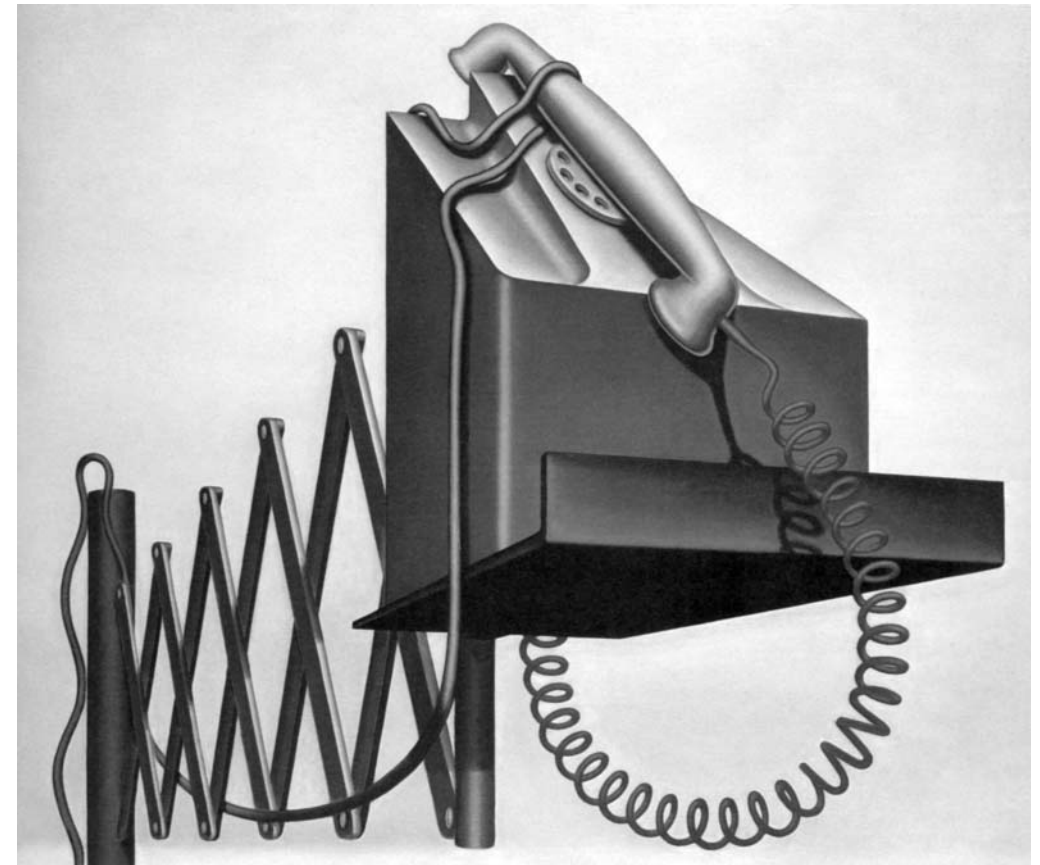
Между прочим, положение в странах с жарким климатом оказывается даже сложнее. Скажем, известный энергокризис в Калифорнии в 2000 году случился как раз в пик энергопотребления, который пришелся на июль. Резкий рост энергозатрат в таких регионах обычно приходится на лето. Отнюдь не доказано, что обеспечивать тепло в холодную погоду зимой более энергозатратное дело, чем дополнительные затраты на кондиционирование воздуха в жаркую погоду. И у нас в России могут начаться максимумы нагрузок летом. У РАО ЕЭС были известные проблемы в мае 2005 и в 2007 году в связи с жаркой погодой, по крайней мере в Москве и Московском регионе.

Если вычестить из всего внутреннего потребления энергоресурсов в России потребление тепла, то есть представить, что не надо топить вообще, то наша экономика все равно окажется далеко позади многих других экономик по показателю энергетической эффективности. Мы все равно будем потреблять примерно 350 граммов нефтяного эквивалента на доллар произведенного ВВП. Нас будет опережать Канада, даже если не вычитать из ее энергопотребления энергозатраты на тепло. Это явно свидетельствует, что наши проблемы высокой энергозатратности вообще связаны не с климатом, а определяются культурой энергопотребления, качеством оборудования, которое нужно менять и в промышленности, и на транспорте, и в быту.

Экономики постсоветских стран и экономики бывших социалистических стран в Восточной Европе, которые в отличие от нас прошли через рыночные реформы в энергетическом секторе, достаточно серьезно снизили свою энергоемкость и повысили эффективность использования энергоресурсов. Энергоемкость в Венгрии и Чехии снизилась за 15 лет на 20–30 процентов, примерно на 50 процентов — в Польше и Армении.

Кстати, наиболее высокий уровень жизни наблюдается в странах с самыми низкими температурами — все самые холодные страны мира, кроме России, входят в 15 стран с наивысшим ВВП на душу населения, а жаркие страны, равно как и внутрироссийские регионы с теплым климатом, имеют худшие показатели по экономическому развитию.

Второй миф, на мой взгляд, очень опасный для нас сегодня. Разговариваешь, скажем, с журналистами, и они с очень озабоченным выражением лица спрашивают: «Ну почему у нас такой перекося в энергетическом балансе? Мы используем так много газа...». Разговор на эту тему и о том, что надо переходить с газа на другие виды топлива, стал просто общим местом в нашей стране. Такая постановка вопроса, во-первых, несправедлива, то есть нет оснований утверждать, будто существует этот перекося. А во-вторых, попытка уйти от использования газа к другим видам топлива опасна во многих отношениях.

Конрад Клапек. Наместник. 1975

Сравним Россию с другими странами по степени доминирования одного энергоносителя при выработке электроэнергии. Даже многие серьезные вроде бы ученые начинают говорить, что в мировой практике существует правило диверсификации структуры энергетического баланса, предусматривающее, чтобы доли всех энергоресурсов в балансе были примерно одинаковыми. На самом деле, подобного нигде нет. В подавляющем большинстве стран доминирует какой-то один энергоресурс. Причем, как правило, тот, которым страна располагает. Например, 99 процентов в структуре выработки электричества в Норвегии занимает гидроэнергия, в Польше — уголь, 95 процентов, — вот это действительно перекося. На этом фоне 45 процентов, приходящиеся в России на долю газа в структуре выработки электричества, это совсем немного. Причем обратим внимание на трюк, который очень часто используется: говорят о 70 процентах газа. Но это касается только электростанций РАО ЕЭС. А это ведь далеко не вся российская энергетика. В европейской части у нас очень развита атомная энергетика, которая дает в нескольких основных энергозонах до 30 процентов и более производства электроэнергии. На Востоке страны у нас есть, например, «Иркутскэнерго» и Красноярская ГЭС, которые в РАО ЕЭС не входят,

а там основой выработки электричества являются гидроэнергия и уголь. К тому же мы-то как раз можем себе позволить, в отличие от других стран, расходовать природного газа столько, сколько хотим, потому что у нас самые большие в мире его ресурсы. Вопрос диверсификации энергетического баланса в других странах сводится чаще всего к снижению зависимости от импорта тех или иных энергоносителей. Россия ничего из них, кроме урана, в сколько-нибудь значимом объеме не импортирует.

И самое интересное: если мы посмотрим на картину того, как трансформировалось мировое потребление энергоресурсов в течение последних 15 лет, то увидим, что многие страны, кроме Соединенных Штатов, даже те, которые серьезно зависят от импорта газа, прежде всего Китай, Индия, Япония, Корея и Европа, несмотря на риски зависимости от импорта, наращивали потребление природного газа гораздо более высокими темпами, чем других видов энергоресурсов. Газ потихонечку вытесняет другие энергоносители, прежде всего нефть и в какой-то степени уголь.

Есть достаточно понятное объяснение, почему это происходит: у газа масса прямых и косвенных экономических и экологических преимуществ. Скажем, почему нельзя построить угольную электростанцию в Московском регионе? Потому что в отличие от газовой электростанции угольная требует отведения огромного количества земли под склады и под отвалы для золы. А земля в Московской области сейчас уже начинает цениться как ресурс, получать реальную стоимость.

Еще одно соображение: сооружение газовых, парогазовых, газотурбинных станций стоит примерно 500–600 долларов за киловатт установленной мощности против 1200–1400 в среднем за угольные блоки и против двух и более тысяч за гидроэлектростанции и новые атомные электростанции. Так что те, кто говорит, что России нужно уходить от газа и переходить на другие виды энергоносителей, просто толкают нас к более дорогому сценарию развития энергетики. Нам придется потратить минимум в 2–2,5 раза больше средств на строительство новых энергоустановок.

Что еще мы выигрываем оттого, что у нас резко выросла доля газа в энергетическом балансе за последнее время? Менее чем за 10 лет выбросы загрязняющих веществ в атмосферу от электроэнергетики снизились больше чем на 1,5 млн тонн в год, или больше чем на треть.

Последний миф о том, что приватизация в энергетическом секторе не удалась и активы надо возвращать под контроль государства. Все знают, что приватизация у нас была осуществлена нечестно, но вот для меня как секторального экономиста очень важно не просто констатировать этот факт, а разобраться в том, что было дальше. А дальше мы получили ряд очень позитивных результатов, которые, на мой взгляд, просто не позволяют говорить, что приватизация была безуспешной и государству надо возвращаться в энергетический сектор. Хотя граждане по этому поводу пребывают, как мне кажется, в некотором заблуждении.

Вот, например, результаты опроса фонда «Общественное мнение» в январе 2005 года, когда спрашивали об отношении людей к приватизации, показал, что у россиян просто полная каша в голове по поводу того, что произошло. Большинство опрошенных считает, что результаты приватизации нужно пересмотреть, причем такое же большинство убеждено, что вообще государственные крупные промышленные активы не должны находиться в частной собственности. Но при этом опять же больше 50 процентов считают, что в принципе приватизация была нужна, но она была проведена с нарушениями. То есть, с одной стороны, люди говорят, что все должно находиться в госсобственности, но с другой — приватизацию надо было проводить. Ключ к разгадке, почему возникла такая путаница в оценке ситуации, лежит в ответе на другой вопрос: «Как вы считаете, лучше работают частные или государственные предприятия?»

*Все самые холодные страны мира,
кроме России, входят в 15 стран
с наивысшим ВВП на душу населения*

И вот здесь выяснилось, что ясного представления у россиян на этот счет нет. Около 60 процентов опрошенных не смогли дать определенного ответа, только 27 процентов сказали, что лучше работают государственные предприятия. И при этом они ошиблись. Да, капитализм — это такая штука, за которой надо следить: чтобы капиталисты не нарушали общественных интересов, не посягали на права и интересы других лиц. Но в промышленной сфере, и прежде всего в энергетике, оказывается, что капитализм работает эффективно. За какой-то десяток лет частное предпринимательство смогло оздоровить целые сектора нашей экономики, находившиеся в состоянии тяжелой разрухи, в частности нашу нефтяную отрасль. Люди говорят о советском заделе в промышленности, мы сейчас, мол, эксплуатируем то, что было создано в советское время. Так вот, в нефтяной отрасли как раз советского задела не было. Там была полная разруха, до которой отрасль довели. Детально об этом будет написано в моей книжке. Для того чтобы выполнять и перевыполнять план по добыче нефти, на ранней стадии заводняли месторождения. Из-за этого много крупных, хороших месторождений погубили. Сейчас их частный сектор начинает реабилитировать с помощью современных технологий, но в 1995 году в правительстве всерьез обсуждался вопрос о том, что в 2000-м Россия будет зависеть от импорта нефти. Даже когда я пришел работать в Минэнерго советником министра, в конце 2001 года, у нас обсуждалось в качестве максимально возможного благоприятного сценария то, что мы будем добывать в 2020 году 370 млн тонн нефти. А сейчас мы вышли на уровень 500 млн, и он оказывается устойчивым, долгие годы сможем на нем держаться. Причем произошло это вовсе не за счет эксплуатации каких-то хороших стартовых возможностей — резко повысилась нефтеотдача и суточная производительность скважин — более чем на 30 процентов всего за 4 года. Второй пример — это реструктуризация и приватизация

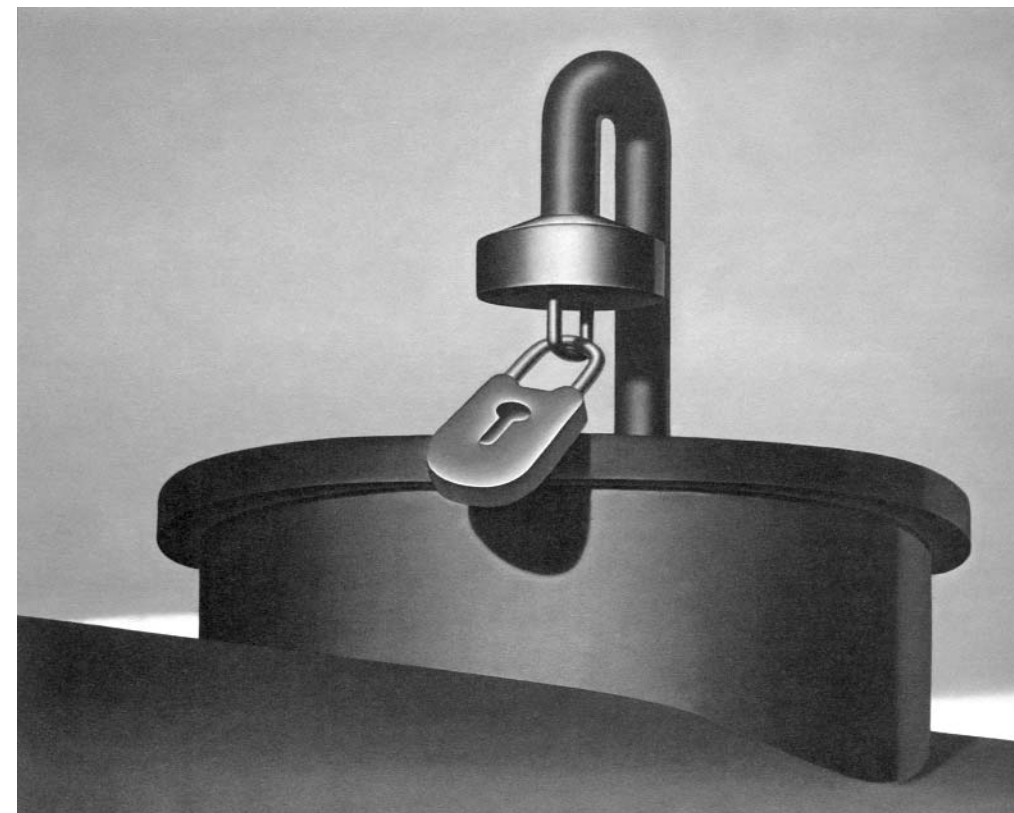
угольной промышленности, безнадежно больной, полностью зависимой от государственных дотаций, составлявших около 3 млрд долларов в год и очень быстро падавшей по объемам производства. Этот сектор смогли сделать здоровым, динамично развивающимся. За несколько лет в 2 раза выросла производительность труда, почти до нуля снизились бюджетные дотации, сегодня бюджетных денег на поддержку предприятиям не выделяется — только на социальные программы. Все это напрямую связано с приходом частного капитала в эту сферу. Впервые в своей истории Россия стала нетто-экспортером угля, а до этого мы его всегда ввозили (в советское время — из Украины и Казахстана). Более того, Россия вышла на 3-е место в мире по объему экспорта угля, скоро выйдем на второе и, думаю, обгоним Индонезию.

Последние трагические события, аварии на шахтах подняли волну разговоров о том, что это стало следствием передачи активов угольной отрасли в частные руки и невнимания новых хозяев к безопасности. На мой взгляд, происшедшее, скажем, на шахтах «Южкузбассугля», где сознательно снижались на датчиках настройки показаний по метану, — свидетельство того, что у нас отсутствует должная система контроля за соблюдением требований безопасности труда, что является виной прежде всего государства — такая система должна быть. Но в среднем, начиная с 2001 года, уровень смертности в угольной отрасли стал беспрецедентно низким. Очень трудно говорить эти слова применительно к человеческим жизням, но 100 погибших в среднем в год — это гораздо меньше, чем было в 90-е годы, а тем более в советское время.

В этой ситуации я не делал бы однозначных выводов о том, что такие трагедии и смертность связаны с приватизацией. На мой взгляд, такая вещь, как подземная выработка угля, — это очень опасное и неэффективное дело. Одним из позитивных явлений в ходе приватизации угольной отрасли стало то, что у нас резко выросла доля добычи угля открытым способом, на карьерах, а не в подземных шахтах. Проблема шахт заключается еще и в том, что необходимость постоянной вентиляции очень сильно удорожает добычу, примерно две трети затрат электроэнергии на добычу угля подземным способом связано с необходимостью вентиляции. На мой взгляд, если мы ставим вопрос о том, что надо замещать газ углем, стоит подумать еще и об этой стороне дела.

В завершение еще некоторые аргументы. Вот передо мной данные: там, где приватизация состоялась, наблюдались очень высокие темпы производственного роста, а в той части, которая осталась у государства, никакого роста практически не было. Особенно показательна история с Газпромом: среднегодовые темпы роста добычи с 1999 по 2006 год — 0,1 процента, то есть, считайте, ноль. Нефтяные компании основную часть, более 80 процентов тех сверхдоходов, которые они получали от роста мировых цен на нефть, реинвестировали в развитие нефтедобычи. А Газпром этого не делал. Он направлял средства совершенно в другие сферы.

А как рос тот сегмент газового сектора, который не был связан с Газпромом? Средние темпы роста — 12,5 процента в год. Независимые

Конрад Клапек. Демагогия в изгнании. 1979

российские производители газа, кстати, это вовсе не какой-то маленький сегмент, они в прошлом году добыли 106 млрд кубометров газа, что ставит их на 4-е место в мире. Они производят его больше, чем Норвегия, гораздо больше, чем Алжир, Туркмения или Иран. Это сектор, который более чем удвоился за последние 6–7 лет за счет частной инициативы и частного капитала. Можно привести еще много примеров более высокой эффективности частного сектора в сравнении с государственным.

И хотя у нас нет недостатка в нефти и угле, которые производятся в основном частными компаниями, зато наша энергетическая сверхдержава начала всерьез испытывать ограничения по электроэнергии и газу, производство которых контролирует государство. Немножко странная ситуация для богатой энергоресурсами России, но мы не уникальны в ряду стран, где государство пытается контролировать энергетику, и даже при больших ресурсах получается так, что на внутреннем рынке их не хватает — это также Иран, Венесуэла, Мексика. На мой взгляд, это наглядные примеры, показывающие, куда мы можем попасть, если пойдем по тому пути экономической политики в энергетике, пути прикрываемого мифотворчеством огосударствления, в сторону которого сегодня разворачивается ситуация.

Владимир Плигин,
председатель Комитета
по конституционному
законодательству и
государственному
строительству
Госдумы ФС РФ

«Старое» государство уходит. Как строить новое?

Проблема государственного строительства занимает сейчас умы и политиков, и ученых, что естественно накануне парламентских (2007 г.) и президентских (2008 г.) выборов. Последние месяцы много, как, может быть, никогда ранее, говорят о том, что предыдущее государство уходит. Уходят носители основных идей и ценностей этого государства. Причем это люди и политической сферы, и гражданского общества. Ушел из жизни Борис Николаевич Ельцин, фигура очень не однозначная. Ушли гениальный музыкант Мстислав Ростропович, великие актеры Михаил Ульянов и Кирилл Лавров... Это Граждане с большой буквы и носители высоких моральных ценностей. Уходит Эпоха. К управлению государством приходят новые люди, которые родились, если не в биологическом смысле, то как активные общественные деятели, уже в другое время, и они не пережили всех сложных перипетий предыдущего периода. В основном это люди примерно 60-х годов рождения, они напрямую не были связаны с предыдущим государством. При них еще случались военные конфликты и прочие потрясения, но в целом развитие государства было относительно стабильно. Это новое поколение, которое, возможно, не до конца понимает все сложности, с которыми им придется столкнуться.

Само по себе государственное строительство бессмысленно, если оно бесцельно, если не учитывает те вызовы, которые ему придется принять, проблемы, которые придется решать. Новым носителям государственного бремени и творцам политики нужно понимать, зачем существует это государство. ЧТО именно оно (именно в данный период) и ПОЧЕМУ должно избрать в качестве высших приоритетов.

Недавно мы пытались с моим американским коллегой в рамках семинара, связанного с вопросами геополитики и глобализации, дискутировать о роли государств, учитывая нередко высказываемое мнение, что как мировые игроки государства перестанут быть носителями политики в мире. Мне представляется,

что это далеко не так. Государства или, точнее, прежде всего мы с вами, в ближайшее время встретимся с целым рядом вызовов и угроз, и именно данный институт — государство окажется перед необходимостью поиска новых решений. Наиболее системно это предположение было изложено в двух недавних исследованиях. Одно — это исследование оксфордской группы по заказу министерства обороны Соединенных Штатов, второе было проведено министерством обороны Великобритании в рамках подготовки доклада о будущей оборонной стратегии. Склонен согласиться с тем, что вызовы, которые там обозначены, ожидают и нас, в расчете на работу с ними и необходимо выстраивать нашу государственную машину.

То, что мы называем вызовами, не обязательно предполагает их негативную оценку, это может быть просто констатация факта, который придется учитывать в государственном строительстве. Поэтому давайте относиться к ним частично нейтрально. Допустим, это глобализация экономики. Изменение положения Соединенных Штатов в мире. Мировая преступность и незаконная торговля. Приводятся, например, следующие данные. Международная преступность увеличится численно, возрастет в финансовом отношении и проникнет в новые регионы. Она будет использовать новые глобальные экономические возможности. В частности, это будет делать наркоторговля, объем которой в 2005 году достиг 322 млрд долларов. Цифра фантастическая. И это только наркоторговля.

Следующий момент — международный терроризм. Надо понимать, что он будет черпать свою энергию из проблем бедности или нерешенности неких актуальных вопросов управления миром. Например, неуправляемые террито-

рии. Число такого рода территорий будет, к сожалению, увеличиваться. Это неравенство. Не говорю уже о распространении оружия массового поражения, гуманитарных кризисах, сокращении доступа к природным ресурсам...

Сейчас у нас между гражданским обществом и государством существует разрыв и нет стройной модели связи

Очень серьезен этнический вопрос: к 2035 году население планеты составит 8,5 млрд человек, из которых в развивающихся странах, то есть сравнительно плохо обеспеченных, будет проживать 88 процентов населения. Проблема отношений бедных и богатых стран обострится. Миграция вместе с тем меняет соотношение числа коренных жителей Европы и иммигрантов, что не может не сказываться на характере государств и их политике. В основном, до 70–80 процентов населения планеты, прежде всего развивающихся стран, будут составлять молодые люди в возрасте до 25 лет, что тоже станет влиять на массовое сознание и ставить свои вопросы перед государствами, а также воздействовать на отношения между ними.

Вызовы, которые можно прогнозировать, предполагают, что государство, которое мы будем строить, должно быть сильным, способным ответить на эти вызовы, найти форму взаимодействия с ними и сохраниться. Возникает вопрос: а что такое сильное государство? На эту тему применительно к России писал в свое время Николай Бердяев в книге «Судьба России». «Сильное государство в России в принципе всегда подразумевало подчинение человека данному сильному государству». Бердяев анализировал эту проблему через призму понятия «пространство». Российское государство было настоль-

ко большим, что требовало от граждан постоянной самоотдачи ради его сохранения, поддержания, требовало известных ограничений. Между тем огромная, превратившаяся в самодовлеющую силу российская государственность боялась самодеятельности и активности человека. И она (государственность) возлагала на человека службу как основной смысл его существования.

Кстати, я сознательно не употребляю слово «русский» — русский человек, русское государство — хотя в работе Бердяева оно употреблялось. Просто тогда оно означало нечто иное, чем сейчас, подразумевало то, что теперь выражается термином «россиянин». Может быть, не очень удачным, но понятным. И Бердяев уже начинал признавать и отмечать (это работы примерно 1914–1915 годов), что нужно попытаться выстроить какое-то иное государство, чем есть, то есть сделать так, чтобы государственность не довлела над человеком. Если это происходит, если государство обязывает человека служить себе, то человек вполне может, попросту говоря, «спихнуть» на него ответственность за себя. И вот эта проблема, которая ощущалась уже в начале прошлого века, не была решена и в дальнейшем. Первая мировая война, революция, затем Великая Отечественная война — все это требовало вновь и вновь концентрации внимания на государственности, и не было возможности перенести ответственность на человека за свою судьбу.

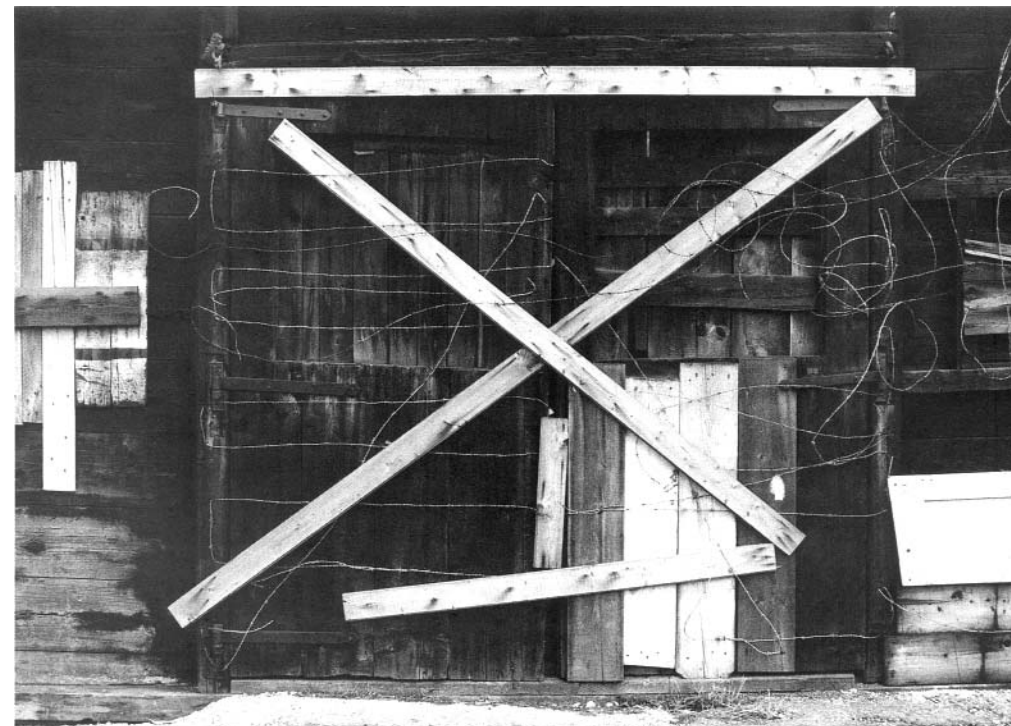
Кстати, любопытный факт: заместитель руководителя школы политических исследований им. Кеннеди Гарвардского университета рассказал мне, что был проведен опрос, в том числе людей, которые не устроены в жизни. Их спрашивали: кто виноват в этой неустроенности? Только 25 процентов респондентов ответили, что виноваты какие-то внешние силы. Основным

был ответ: мы сами. Вот трансформация, которая нам предстоит, трансформация ответственности человека за свою судьбу, перенос ее с общества и государства на себя.

И здесь мы встречаемся с этическим кризисом. Он заключается в том, что мы не можем предложить огромной части населения нашей страны взять ответственность на себя. Почему? Потому что это люди, которые спасали страну, в том числе и тогда, когда в тупик ее заводило государство, бездарное руководство страной. Они уже понесли эту ответственность, заплатив за пороки государства и заблуждения, просчеты властей своей кровью в годы войны, индустриализации, коллективизации, да по-своему и за немалые просчеты в наши новые времена. И теперь, когда они живут отнюдь не лучшим образом, не накопив за всю жизнь средств на достойное существование в старости, ты приходишь к ним и говоришь об их ответственности. Да еще после того, как долгие годы их от таковой целенаправленно отучали, их инициативе препятствовали, многих за нее и преследовали... Это будет абсолютно безнравственное действие.

Поэтому политика в области государственного строительства, встречаясь с этим явлением, встречаясь и с пониманием того, что нужно уходить от доминирования государства, часть ответственности перекладывая на человека, не может быть до конца последовательной. Эта политика одновременно должна быть, если угодно, левой политикой, связанной с социальной поддержкой значительной части населения. Сложнейшая проблема государственности — в необходимости разумного, взвешенного сочетания левой и правой политики.

И второй момент: в мире начинается ренессанс марксизма и ренессанс социализма. Это касается огромных масс населения Латинской Америки, это ка-

Гарри Сенгерс. Без названия. 1985

сается Азии, да и Европа отнюдь не в стороне. Мы будем испытывать влияние этих событий, даже понимая, что нам еще многое придется делать вопреки этой мировой тенденции.

Государственное устройство в России во многом развивается волнами. 1990 годы — волна снижения роли государства. Оно становилось мягким, условным, превращалось в конфедеративное, уходило из экономики, уходило из социальной жизни... И совершенно естественно, что, пройдя, как маятник, до крайней точки, все начало возвращаться в сторону сильной государственности. И здесь вновь возникли перекосы, на причины которых даже сложно найти ответы. Очень часто под сильной государственностью понимают возрождение сильного административного и правоохранительного аппарата. Не по качеству своему сильного, а по численности, по влиянию. Это еще одно из заблуждений, с которыми нам

нужно, скажем мягко, работать. Тенденция такого понимания сильного государства начинает действовать негативно на самую правую составляющую политики. Но, я думаю, что в целом государство выдерживает стандарты или нормы, которые установлены статьей 1 Конституции РФ, которая подразумевает строительство в России демократического федеративного правового государства. Да и, соответственно, государство способно в настоящее время выполнять свои важнейшие функции. Прежде всего связанные с безопасностью — внешней и внутренней, хотя и не идеально, не без издержек. Вторая функция — гарантия минимальных жизненных стандартов. Здесь сложностей едва ли не больше...

Возвращаясь к вызовам, с которыми нам долго придется иметь дело, замечу, что сейчас философия нашего общества нацелена в принципе на беспредельный успех — с точки зрения количест-

ва материальных благ, денег, удовольствий. Я не призываю от этого отказываться. Но это вступает в противоречие с тем, что называют обычно этническими проблемами, ставит вопросы о том, каким образом построить совместную жизнь 8,5 млрд населения планеты, возможно ли это сделать, ориентируясь только на сегодняшнее понимание успеха. Государственное устройство не включает только институты. Оно предполагает определенную философию, опору на нее. Следовательно, нам предстоит, если учитывать вызовы, о которых говорилось выше, вырабатывать новую философию. Без этого не может быть современного, учитывающего новизну ситуации государственного устройства.

Совершенствование российской государственности с учетом новых условий, вызовов и угроз, а также смещения акцентов в функциях государства, может быть успешным лишь при его взаимодействии с меняющимся и развивающимся гражданским обществом. Сейчас у нас между гражданским обществом и государством существует разрыв и нет стройной модели связи. Поэтому государственное строительство в широком смысле понятия подразумевает обновление российского общества во всех его ипостасях, касается партийного структурирования, государственного управления и местного самоуправления, неправительственных организаций, всех структур гражданского общества. В узком же смысле речь о выстраивании государственной машины, пока крайне громоздкой, недостаточно эффективной. Внутри государственной машины самыми важными звеньями, требующими особого внимания, являются правопорядок и суд. Я, наверное, был бы не прав, если бы не сказал еще об одной проблеме.

Согласно Конституции, у нас республиканская форма правления, а на самом деле образовалась суперпрезидентская республика — власть сконцентрировалась в институте Президента Российской Федерации. Считаю, что эта «волна» также должна пройти, власть президентских структур должна быть уравновешена большей ролью парламента, большим разделением властей. Мы в очередной раз будем пытаться преодолевать ту тенденцию, о которой говорил в свое время Бердяев. Государственность должна быть более полифонична, она не может ориентироваться на личность. В определенные исторические моменты это, видимо, необходимо, в частности для спасения самой государственности, но в конечном счете ее выстраивание и совершенствование должно происходить через демократические институты. Почему?

Потому что авторитарные режимы любого типа не могут выполнять функции государства во всем их объеме и с достаточной эффективностью. Это доказано всем опытом истории. Они могут концентрировать власть в течение определенного периода времени для решения какой-то задачи, но для выстраивания долгосрочно действующей модели государства такого рода режимы не пригодны. Более приспособлены для этого условия, когда власть разделена по многим ветвям, разложена по многим институтам, организациям граждан, в результате чего многие и многие люди являются участниками процесса принятия решений.

Категории, о которых идет речь, вроде бы абстрактны, однако, убежден, если им не придавать стратегического значения, мы будем безуспешно или малоэффективно решать тактические задачи государственной политики. А это тупиковый путь.

Россия и традиционный Запад

Поделюсь своими размышлениями об отношениях России с традиционным Западом, то есть с Соединенными Штатами Америки и Европой. Почему с традиционным? Потому что понятие «Запад» изменилось кардинально за последние 15 лет. Западные ценности, западная система победили или, во всяком случае, казались побеждающими в мире. Япония, Южная Корея, в какой-то мере уже и Китай, страны Восточной Азии, потихонечку Индия все больше становятся в этом смысле Западом, более того, начинают бороться с традиционным Западом за лидирующие позиции в мире, и весьма успешно. При этом они приняли основные базовые характеристики Запада, то есть капитализм и в той или иной степени — демократию, но, как правило, в ее менее либеральном, более авторитарном варианте.

Российская дилемма теперь не в том, прозападной или проазиатской страна является. Это, я бы сказал, подход не только устаревший, но и идиотский. Перед Россией стоит совершенно другая дилемма. Это выбор между разными моделями Запада, между вариантами своего собственного пути. Но совершенно понятно, что если раньше азиатский или евроазиатский пути развития подразумевали тенденцию к застою, к коллективизму, к тирании, то сейчас это путь наиболее эффективного и быстрого экономического развития. А коллективизм, хотя это уже отнюдь не тирания, — удел традиционной Европы, где в последние десятилетия побеждали социалистические идеи в их гуманном варианте и где медленно начинает назреть антисоциалистическая революция. Избрание Президентом Франции Саркози — это как раз пример попытки антисоциалистической революции, которая, конечно, провалится, но, может быть, продвинет Францию к более эффективной модели общества.

Говоря это, я основываюсь не только на собственных наблюдениях и догадках. Очень рекомендую посмотреть книжку, которая называется «Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего». Она «висит» в Интернете на сайте svop.ru (сайт Совета по

*Сергей Караганов,
председатель президиума
Совета по безопасности
и оборонной политике*

внешней и оборонной политике), на сайте globalaffairs.ru, на моем сайте karaganov.ru Это прогноз развития мира.

Несколько предварительных замечаний. Последние 7–8 лет характеризуются ракетобразным взлетом веса и влияния России в мире. Частично необоснованным, с моей точки зрения, но так бывает — нам наконец повезло. Повезло Путину, повезло России. У нас не понимают этого, считают, что так и должно было быть. Если принять, скажем, 1999 год за единицу, то сейчас влияние России характеризуется числом (условно) 20! Правда, в 1999 году у нас не было государства. Когда Игорь Иванов, бывший министр иностранных дел, говорил раз за разом: «Мы в России считаем...», то мы смеялись: «Что значит “мы в России”?...» Это максимум его секретарь, помощник или, может быть, жена, потому что больше никого за этим не было. России, в сущности, как государства не было.

Сейчас благодаря целому ряду факторов, о которых я скажу ниже, Россия чрезвычайно усилилась. Правда, мы сами вес России завышаем: мы не так сильны, какими кажемся себе. Предстоит, конечно, некоторая коррекция представления об этом весе и влиянии в сознании элит. Этот рост произошел по целому ряду реальных причин.

Первая заключается в том, что Европа (страны Европейского союза), создав новую великолепную цивилизацию, выполнив свое историческое предназначение, вползла в период длительного системного кризиса. Может быть, кризиса роста, но может быть, вообще кризиса. Я надеюсь, что кризиса роста, но кризис налицо. Европейцы не знают, что с ним делать, как развиваться дальше.

Второе — в какой-то момент, это было 12–14 лет назад, европейцы приняли стратегически неправильное решение (вопрос спорный, но я в своем выводе практически убежден) о создании квазифедеративного государства с единой внешней политикой. Единая внешняя политика в том виде, в каком она ныне существует, превратилась в политику по низшему общему знаменателю, который особенно очевиден после стремительного расширения Европейского союза, которое само по себе во многом явилось результатом того, что ЕС, не зная, что делать, решил пойти на экстенсивное развитие и таким образом создать себе новую цель. Политика общего знаменателя означает, что в Европе сейчас решения должны в принципе приниматься единогласно. А европейские национальные государства в значительной степени лишены инициативы и возможности вести независимую внешнюю политику. В результате действует формула, в которой, условно говоря, Берлин+Рим+Париж+Мадрид+Лондон=Люксембургу — в хорошем или в плохом смысле. Если Люксембургу, то — в хорошем, а если — Таллину или Варшаве, то в плохом, с нашей, конечно, точки зрения. Однако это ведет, или уже привело, к резкому ослаблению политического влияния Европы. К тому же Европа в последние десятилетия сильно отстает в темпах экономического роста от других центров силы — Соединенных Штатов Америки и в первую очередь, конечно, от Азии. Существует прогноз, согласно которому при развитии нынешних тенденций, даже при небольшой их коррекции, доля Европы в мировом ВВП в течение ближайших 20–25 лет сократится почти вдвое — с нынешних 20 с лишним процентов до 12 процентов.

В этой ситуации европейцы, видимо (этот вопрос еще недостаточно исследован), чувствуют себя неуверенными, слабыми. На этом фоне

взлет России выглядит особенно вызывающим для соседей. Но российское руководство не скрывает своей новой мощи и даже упивается ею. Это можно было в какой-то мере предвидеть. Что предвидеть было совершенно невозможно, это феерическую ошибку американского политического класса — Ирак. Из гиперсверхдержавы США превратились в страну, над которой издеваются все, хотя Америка по-прежнему остается самой сильной экономической державой мира, имеет самую развитую, мощнейшую и привлекательнейшую политическую систему. Ныне Америка и для нас, и для всех — это поражение в Ираке, сотни тысяч убитых иракцев, тысячи потерянных солдат.

Американцы катастрофически потеряли моральное лидерство в мире, подорвали доверие к своей способности сдерживать чужую или навязывать свою волю.

Третье — произошло и будет продолжаться дестабилизация на Ближнем Востоке. Это тоже усиливает позиции России, которая имеет там возможность играть роль, практически не сравнимую ни с одной страной мира, кроме США, влияние которых в регионе, повторяю, подорвано.

Четвертое — Россия очень сильно укрепляет свое влияние благодаря тому, что Китай и Соединенные Штаты борются за ее благосклонность. Американцы боятся, что мы блокируемся с Китаем, поэтому вынуждены идти на очень многие решения, на которые не хотели бы идти. А китайцы ведут в отношении нас просто потрясающе дружественную политику, прекрасно понимая, что тем самым держат нас поближе к себе и таким образом повышают капитализацию страны в диалоге с США. Тем более что они не хотят, чтобы мы при каких-либо обстоятельствах вошли в блок с их конкурентами.

Пятое — конечно, нефть и газ. Это результат в том числе и Ирака. Результат экономического подъема восточного капитализма, ну и многих иных причин.

В итоге мы находимся в удивительно сильной позиции. Повторяю, нашему президенту повезло, хотя и он, конечно, успешен. Кроме всего прочего, восстановлены управляемость в стране, чиновничий аппарат, хотя это, к сожалению, во многих областях имеет очень негативные последствия. Засилье чиновничьего аппарата может обернуться большими неприятностями.

Что касается собственно отношений с Соединенными Штатами, то они ухудшаются, но ухудшаются в очень рациональных и понятных рамках. Американцы недовольны нашим усилением, это им мешает. Мы отыгрываемся за старые унижения и пытаемся использовать американские проблемы, но без особого экстремизма. То есть мы не лезем в проблему Ирака, чтобы создать новые трудности американцам. Мы играем с американцами, в общем, в одну игру в Иране, потому что там наши интересы параллельны. Но, где можно, устраиваем им неприятности, например нашей позицией по Косово.

Казалось бы, что нам Косово. Но мы это объясняем, в общем, очень красиво, логично: мы не проголосуем за признание косовской независимости, потому что это создаст прецедент для непризнанных территорий — Приднестровья, Абхазии, других... Это резонный аргумент. Но есть, думаю, и более глубокая причина. Она, с моей точки зрения,

заключается в том, что очень сильно желание показать: зря вы без нашего согласия отбомбили Сербию и Косово — вот теперь платите.

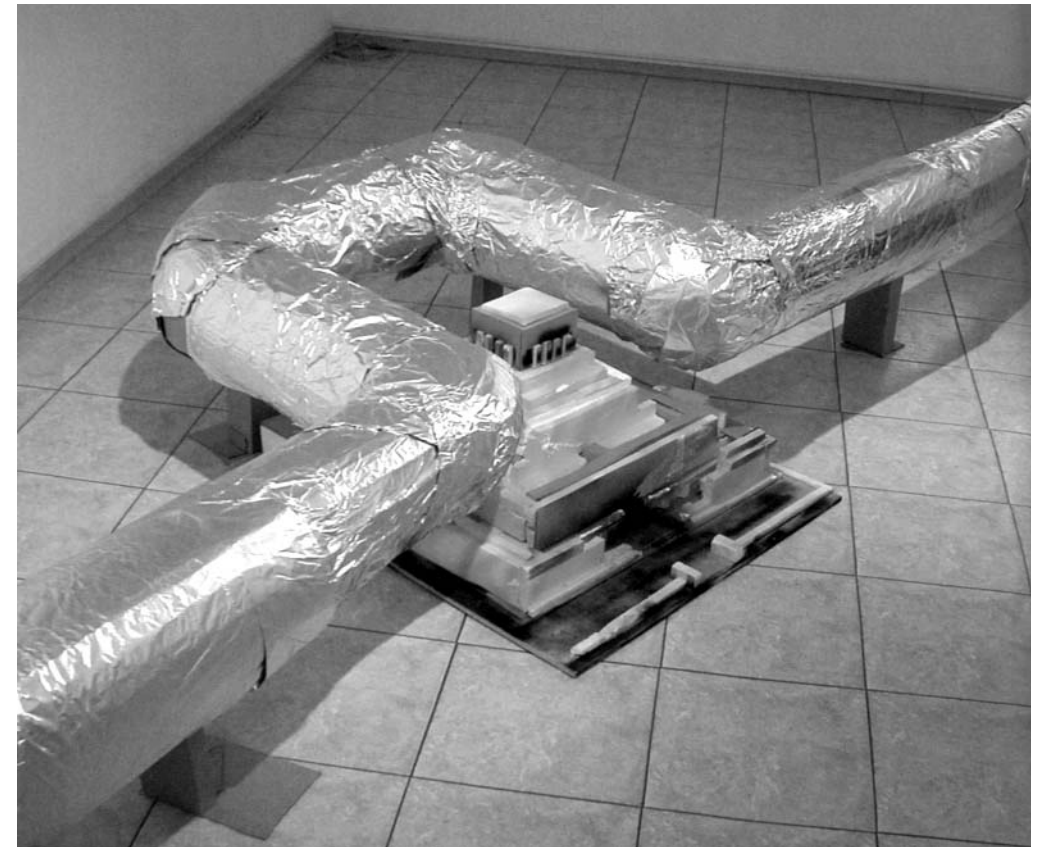
Но в принципе отношения с Соединенными Штатами не настолько плохие, и американцы все-таки заинтересованы в сотрудничестве с Россией по крупнейшим проблемам — Китай, Иран, расширенный Ближний Восток, которые не дают этим отношениям сойти совсем глубоко вниз и дойти до того, чтобы Соединенные Штаты стали проводить откровенно враждебную России политику. Наоборот, обе стороны стараются показать, что, несмотря на разногласия, мы на правильном пути. Возможно, так оно и есть.

Что касается Европы, то здесь ситуация хуже, несмотря на то, что на официальном уровне мы говорим, будто все очень хорошо. Я считаю на самом деле: то, что плохо, тоже хорошо, потому что надо все-таки и нам, и европейцам понять, что заниматься тем, чем в последнее время занимались, — мелким кусочничеством в отношении друг друга, и не решать крупных проблем — больше нельзя. Нужно понять, чего мы хотим от Европы, чего Европа хочет от нас.

В Европе действительно очень сильные антироссийские настроения, и притом не только среди общественности, которая не приемлет тех внутренних явлений, которые у нас есть — разгона демонстраций, зажима прессы, им это неприятно. Но это настроения и на уровне политической элиты. Среди значительной ее части существует острое ощущение, что Россия усиливается, а значит «давит». И понимание своей собственной слабости усугубляет эту почти что враждебность. К тому же растет зависимость Европы от российских энергопоставок, и она будет нарастать, потому что альтернативных источников энергии нет. Страх европейцев налагается на понимание того, что Россия может в принципе диктовать Европе свои условия, и мы иногда достаточно искусно показываем свою мощь. Однако надо сказать, что обвинения, будто Россия напрямую использует энергетическое давление на Европу, с моей точки зрения, являются ложными.

Ситуация для Европы усугубляется тем, что в мире происходят мало-заметные, но очень существенные изменения в области энергетики — так называемая энергетическая революция. Но это, к сожалению, не та революция, когда на смену нефти, газу, углю и атомной энергии приходят «зеленые» технологии. Эта революция сводится к тому, что контроль над энергоресурсами захватывают государства. Если 10 лет назад около 60-80 процентов мировых энергоресурсов контролировалось крупными нефтяными частными компаниями, прежде всего западными, то сейчас картина прямо противоположная: до 80 процентов энергетических ресурсов контролируется государствами — Нигерией, Венесуэлой, Алжиром, ну и Россией. И это, конечно, делает европейцев особенно уязвимыми и опасаящимися будущего.

На этом фоне различия в ценностях, которые выводятся на первый план, едва ли являются реальной причиной взрыва недоверия между Россией и Европой. Я начинаю склоняться к очень неприятному для себя, как человека крайне правых либеральных убеждений, выводу, что ценностные параметры не играют в этих отношениях никакой или почти никакой роли и используются лишь для прикрытия реальных конфликтов. Надеюсь, что я ошибаюсь, но все больше мне кажется,

Валерий Кошляков. Мавзолей. 2005

что это все-таки разногласия в интересах или в понимании интересов. Означает ли это, что мы обречены на жесткое соперничество? Нет, не означает. С Америкой мы будем нормально соперничать в той или иной мере всю жизнь. Америка скоро восстановится и будет спокойнее смотреть на свои потери и на нас тоже. В Европе на уровне операционном, то есть на уровне компаний, торговли отношения великолепные. Но на политическом уровне и на уровне интеллектуальной политической элиты проблемы есть. Будут ли они разрешены? Я надеюсь, что да. На какой основе?

Первое условие заключается в нашем развитии, но уж не совсем в направлении дикости. Тогда придет со временем понимание: вот она, новая Россия, с ней нужно считаться. Плюс к этому надеюсь, что когда-нибудь, может быть очень скоро, европейцы начнут выходить из своего собственного кризиса, потому что ощущение психологической слабости, это очень плохое ощущение. Мы подобное пережили. Будем надеяться, что и европейцы это переживут.

Что касается реального разрыва в ценностях, который существует и который конечно мешает, то, повторяю, он не очень, видимо, существен, но он останется. По той простой причине, что Россия находится на политическом, культурном уровне Европы 50–70-летней

давности. Мы пока избежали европейского фашизма 50–70-летней давности, но контролируемой коррумпированной демократии Европы 20–30-х годов не избежали. Полуавторитарной европейской демократии 50-х годов — тоже. Разрыв между нами будет нивелироваться, но мы никогда не окажемся в одной политико-этической, культурно-этической колыбели с Европой. Никогда не окажемся на одном уровне, потому что Европа во многом переросла свои собственные прежние ценности. Напомню, что в Европе отказываются от индивидуализма в пользу коллективизма, отказываются от национального государства в пользу наднационального, отказываются от капитализма в пользу своего, не нашего, конечно, социализма — сейчас идет борьба вокруг этого. Пытаются изменить традиционные гендерные отношения, не в том смысле, что меньшинства выдвигают вперед, хотя и это тоже есть, а в смысле политической корректности в отношении женщин, чего, к сожалению или к счастью, у нас нет. Вот так: мы просто другие. Когда мы мечтали в конце 80-х или в начале 90-х, что наконец-то станем европейцами, вернемся в свою европейскую колыбель, то видели Европу, которая была описана во времена Гюго, политические времена де Голля, а пришли-то в Европу новой политической корректности, пересмотра многих традиционных ценностей. Поэтому я смеюсь, разговаривая с моими европейскими друзьями, которые еще сохранили чувство юмора, что мы-то как раз и являемся носителями традиционных европейских ценностей: опора на силу во внешней политике, опора на национальное государство... Наше национальное государство в том виде, в котором оно есть, рождено в Европе. Наши гендерные отношения — это в чистом виде, так сказать, европейская традиция прошедших десятилетий. Подумайте, что бы было, если бы на улицы Парижа 50 лет назад вышли демонстрировать геи — побили бы еще почище, чем у нас, и полиция даже не вмешалась бы, как вмешалась у нас.

Серьезно беспокоит то, что мы переоцениваем свои возможности. Говорить об этом трудно, призыв ограничить себя не очень приветствуется, но, повторяю: переоценивая свои возможности, можно «влипнуть» во что-нибудь, как «влипли», скажем, американцы, переоценив себя. Меня беспокоит девальвация у российской элиты, части правящей элиты, так называемых европейских ценностей. Причем эти ценности и американские в известной мере. Это толерантность, демократия, народолюбие, уважение к правам человека. Это нам все очень нужно, чтобы страна развивалась нормально. Одако если сами носители этих ценностей ведут негодную политику, соответственно девальвируется привлекательность этих ценностей. Это очень неприятно для меня как для человека, стремящегося к модернизации России, к тому, чтобы мы жили благополучно и свободно. Не потому, что я считаю, будто нам нужно строить такое же общество, как в Европе и в США, — это невозможно. Но нам нужно строить гораздо более совершенное, чем у нас есть, общество. Без «якорей», без каких-то ориентиров это очень трудно. В 90-е годы такие «якоря» были или нам казалось, что были, сейчас их нет. Поэтому Россия — как корабль, у которого нет «якорей», а ветер дует с фантастической силой в его паруса. Хотелось бы думать, что нас несет не на мель.

«Ооновский проект прав человека» — зачем он?*

Универсальные права и свободы личности, изложенные во Всеобщей декларации прав человека, всего лишь идеологический и политический проект, предложенный миру неевропейской цивилизацией. Красивый, высокий проект, но проект.

Ооновская Всеобщая декларация прав человека и производные от нее международные конвенции основываются на антропологическом универсализме: у всех людей во всем мире от рождения одинаковый набор прав. В то же время социально-экономические и политические реалии XX века, в том числе и в западных странах, доказали, что равенство в правах — такая же утопия, как социалистическое имущественное равенство. Другое дело, что либерализм, социализм, а с ними вместе и фашизм продемонстрировали миру, на что способен утопический проект, поддержанный государством. Великие идеологические проекты XX века предстали как эффективнейшие инструменты выхода из системных национальных и цивилизационных кризисов. Они не достигли своих великих целей, но придали людям энергии, стимулировали преобразования, на тот ли иной срок обеспечили социальную стабильность, ввели в государственную политику «проектную культуру». Социалистический, либеральный и фашистский идеологические проекты подняли знамя духовной эволюции из рук деградировавших религий. Но утопии не перестали быть утопиями. Наукообразность великих идеологий не сняла их утопической сути.

«Ооновская парадигма прав человека» стоит на либеральном фундаменте, хотя, конечно, имеет в себе и значительные социалистические вкрапления. Обычная история XX века. Либерализм и социализм — духовные однояйцевые близнецы. Кровное модернизированное родство позволяло им на протяжении 200 лет обмениваться ценностями, «проектными находками», «спикерами». Вопреки Фукуяме даже умерли они в один «исторический день». Социализм покинул мировую сцену не один, просто в отличие от не

Игорь Аверкиев,
председатель Пермской
гражданской палаты

*Будущее прав человека в России: Альманах / Вып. 1. — Пермь, 2006. — С. 221–225.

менее дряхлого либерализма у него это шумнее и заметнее получилось.

Каковы особенности «ооновского («западного», «североатлантического») проекта прав человека»?

1. Привязанность прав человека к ооновскому мироустройству. Нет ООН — нет ооновских прав человека. В западной парадигме прав человека образца второй половины XX века ООН играет роль трансцендентного обоснования и источника прав человека. ООН с ее конвенциями, генеральными ассамблеями, гуманитарными миссиями так же величественна, непонятна, недоступна и «авторитетна» для «простого человека», как Бог, Природа, «естественный закон» и прочие надчеловеческие источники предыдущих парадигм прав человека. ООН переживает глубочайший кризис — переживают кризис и ооновские стандарты прав человека (раздвоение стандартов, публичный саботаж их исполнения, даже со стороны прежних апологетов).
2. Антропологический универсализм и проистекающий из него экспансионизм ооновской парадигмы прав человека. Любое провозглашенное ООН право человека по определению считается универсальным для всех представителей вида *Homo sapiens*, что дает «всем людям доброй воли» полное моральное право требовать их соблюдения на всей планете. Еще никогда в истории человечества политики не имели такого добропорядочного повода вмешиваться в дела других стран. При этом у «мирового сообщества» всякий раз не доходят руки до предотвращения настоящих «правочеловечных» катастроф (достаточно вспомнить кампунжийский и угандийский геноцид).
3. Юрицизм (правовой позитивизм). Права человека в ооновской парадигме — это прежде всего нормы позитивного права. Есть законы о правах человека — есть права человека. Нет

законов — нет прав человека. Ооновская гуманитарная бюрократия забыла о естественности прав человека. Ведь естественность прав человека опрокидывает идею универсальности.

4. Сверхполитизация ооновских прав человека. Политики быстро оценили экспансионистский потенциал «универсальных прав человека». Гуманитарная концепция прав человека стала обоснованием многих политических доктрин, поводом для блокад, революций, интервенций.
5. Привязанность прав человека к государству, то есть негативное и позитивное огосударствление этих прав. Права человека и защищают человеческое достоинство только от государства, и реализуются только через государство (и через квазигосударственные институты самой ООН). Иных форм публичной власти, иных источников угрозы человеческому достоинству, иных инструментов обеспечения прав человека для «ооновской парадигмы» не существует. В итоге отвечающее за права человека государство — апофеоз двойных стандартов.
6. Идеологическая привязанность ооновской парадигмы прав человека к либерализму. В то время как либерально-социалистический способ объяснения общества с каждым днем теряет свою актуальность.

Общественная роль прав человека в конце XX — начале XXI века была политически гипертрофирована, извращена. Естественные общественные конвенции в защиту человеческого достоинства были переформатированы в политические доктрины, «приватизированы» международными бюрократическими институтами, опредмечены, отчуждены в «гуманитарных интервенциях» и «оранжевых революциях». С этой точки зрения вполне уместен «южный» и «восточный» взгляды на «ооновскую парадигму прав человека» как на последнюю и самую изощрен-

Конрад Клапек. Домашний дракон. 1984

ную упаковку колониализма, способ через идеологию контролировать политику и экономику незападных стран.

Европейцы открыли для человечества «права человека», как открыли Америку, законы механики, эксплуатацию человека человеком и многое другое. Именно открыли, дали название тому, что уже было, но оставалось непознанным. Европейцы назвали «правами человека» некие безымянные до того спе-

цифические моральные нормы, особые традиции, «гуманитарные обычаи», которые естественным образом складывались в мире. Эти особые моральные нормы призваны были защищать достоинство личности от произвола и безответственного эгоизма власти и нередко заключались в древних правовых системах: от законов вавилонского царя Хаммурапи и Римского права до уложений средневековых европейских городов. Благодаря европейцам эти ес-

тественно существовавшие в человеческих сообществах общественные конвенции в защиту человеческого достоинства стали предметом идеологического осмысления и политического проектирования. Благодаря английским философам, французским просветителям, а потом и американским революционерам эти специфические общественные конвенции стали называться «правами человека», превратились из социальной «вещи в себе» в предмет политики и идеологической борьбы. Европейцы объяснили себе и миру «права человека» в логике либерального взгляда на мир и представлений о естественном праве. В середине XX века, после ужасов Второй мировой войны, в рамках «ооновского проекта» права человека были объяснены всечеловеческой гуманитарной идеологией и стали одной из идейных опор нового «глобалистского» мира.

Или все было не так. В XVII—XVIII веках, в рамках модернизационного осмысления европейцами социальной действительности, в головах английских философов, французских просветителей и американских революционеров родился «идеологический проект», который постепенно обрел название «права человека». Смысл «правочеловеческого проекта» — в идеологическом и правовом примирении сословий и классов, в смягчении социального неравенства через идею равенства в правах. Со временем «права человека» предстали либеральным гуманистическим ответом социализму и фашизму — идеологиям, черпавшим свою силу в социальной и этнической вражде, в естественной человеческой ксенофобии и социальном протесте. Уравняв в правах бедных и богатых, белых и цветных, «права человека» обеспечили послевоенному Западу социальный и расовый мир. На волне этого успеха в 70-е годы прошлого века «права человека» были включены в модернизационный и вес-

тернизационный пакет, который Запад предложил Востоку и Югу как средство для решения их проблем.

Или так: в человеческих сообществах спокон веку существуют неформальные (моральные по своей сути) общественные конвенции в защиту человеческого достоинства от произвола власти, но эти конвенции всегда защищали человеческое достоинство только «своих», всегда был кто-то «чужой», кто не поддавался под действие этих конвенций (рабы, женщины, инородцы, иноверцы, безземельные и т.д., и т.п.). Но однажды появились «права Человека» и зафиксировали принципиально новое качество этих общественных конвенций. Поначалу это произошло в Европе с ее традициями веротерпимости и социальной толерантности. Именно в Европе впервые в человеческой истории, сначала в идеологии, а затем и на практике, моральные и юридические права, защищающие достоинство личности, были распространены абсолютно на всех белых и цветных. Впервые в истории человечества именно в североатлантическом мире исчезло разделение людей на свободных и лично зависимых (рабов, крепостных и т.п.). И если предположить, что западный мир действительно является авангардом человечества в том лишь смысле, что он первым проходит те ступени цивилизационного развития, которые потом проходит все остальное человечество, то это означает, что «права Человека» рано или поздно приведут все человечество к реальному равенству всех людей в правах независимо «от расы, цвета кожи, пола, языка, происхождения, имущественного, сословного или иного положения». Нужно лишь содействовать этому процессу через подвижничество «людей доброй воли», через поощряющую универсальные права человека деятельность международных гуманитарных институтов и национальных демократических правительств.

Или еще так: «права человека» продолжают собой величественный ряд утопических европейских идеологем, призванных вселить в мир надежду. В «либеральной утопии» права человека исполняют ту же функцию, что и общественная собственность в «социалистической утопии», — функцию обеспечения всеобщего равенства как универсального ключа к дверям, ведущим к справедливости. В «социалистическом проекте» общественная собственность призвана была обеспечивать имущественное и социальное равенство людей и тем самым ликвидировать главное социальное зло: эксплуатацию человека человеком. В «либеральном проекте» права человека и верховенство закона призваны были обеспечить всеобщее равенство в правах и тем самым избавить людей от произвола власти и несправедливости, вызванной дискриминацией, неравным правовым статусом различных социальных групп. Однако реального равенства ни в правах, ни в имуществе ни в одной стране мира так и не случилось. В XX веке и общественная собственность, и права человека действительно продемонстрировали миру свою эффективность как стабилизационные инструменты, но, естественно, не сняли базовых социальных противоречий, не сделали мир справедливее, а жизнь людей — счастливее, правда, сделали мир и жизнь сложнее и современнее.

Или даже так: западные элиты продвигают права человека как наиболее выгодную для себя идеологию социального протеста, призванную вытеснить с идеологического поля слишком конфликтные левые протестные проекты (не случайно идейные левые презирают права человека и правозащитников). Правозащитная активность западных политических элит — это глобальный отвлекающий маневр постиндустриальных эксплуататоров. Права человека индивидуальны, они направляют естественное челове-

ское недовольство произволом в русло правового преследования конкретного «произвольщика». Сохраняя пафос борьбы за справедливость, права человека не ставят вопрос о власти как таковой, не посягают на естественное социально-экономическое неравенство. Права человека не посягают на собственность и власть элит. Не говоря уже об упомянутой реинкарнации колониализма в упаковке обязательных к исполнению политических стандартов прав человека, когда, например, даже простое сомнение в соблюдении избирательных прав становится универсальной отмычкой к власти в любой стране с неустойчивой политической системой.

Существуют ли права человека среди людей сами по себе, без ООН, без североатлантического цивилизационного нажима? Есть ли в правах человека естественное начало? Права человека — это только правовые нормы в декларациях, конвенциях и конституциях или это нечто большее, чем «воля законодателя»? Права человека — это европейский подарок миру или исконный человеческий способ морального обуздания разрушительной активности доминантных особей? Политическая мода на права человека в последние 50 лет — это то, что усиливает людскую активность в защите достоинства личности от произвола и безответственности власти или то, что создает эту активность? Права человека — это продукт либерального осмысления человеческих отношений или конвенциональное творчество масс в защиту человеческого достоинства?

Судьба самих прав человека от ответов на эти вопросы, конечно, не зависит. От ответов на эти вопросы зависит судьба конкретных людей, считающих своим долгом защищать права человека. Ответами на эти вопросы определяется эффективность их деятельности.

Энджела Стент,
директор Центра
евразийских, российских
и восточноевропейских
исследований
Джорджтаунского
университета
(г. Вашингтон, США)

Американо-российские отношения и предвыборная кампания в США

Кампания по выборам в Конгресс и президентским выборам 2008 года стартовала рано, и ставки в ней высоки. Америка ведет все более непопулярную войну в Ираке, а сами выборы наиболее открытые за все время с конца Второй мировой войны, при этом ни у одной партии нет очевидного главного кандидата. Как правило, в американских предвыборных кампаниях вопросы внешней политики значительного места не занимают, однако на этот раз из-за Ирака дело обстоит по-другому. Хотя отношения с Россией и не будут играть основную роль в дебатах между кандидатами, так как более насущными являются проблемы на Ближнем Востоке, тем не менее Россия является ключевым глобальным действующим лицом, которое может поддержать американские усилия по преодолению вызовов в Ираке, Иране, Афганистане и Палестине или препятствовать им. Таким образом, отношения с Россией образуют важный элемент любого решения нынешних международных проблем.

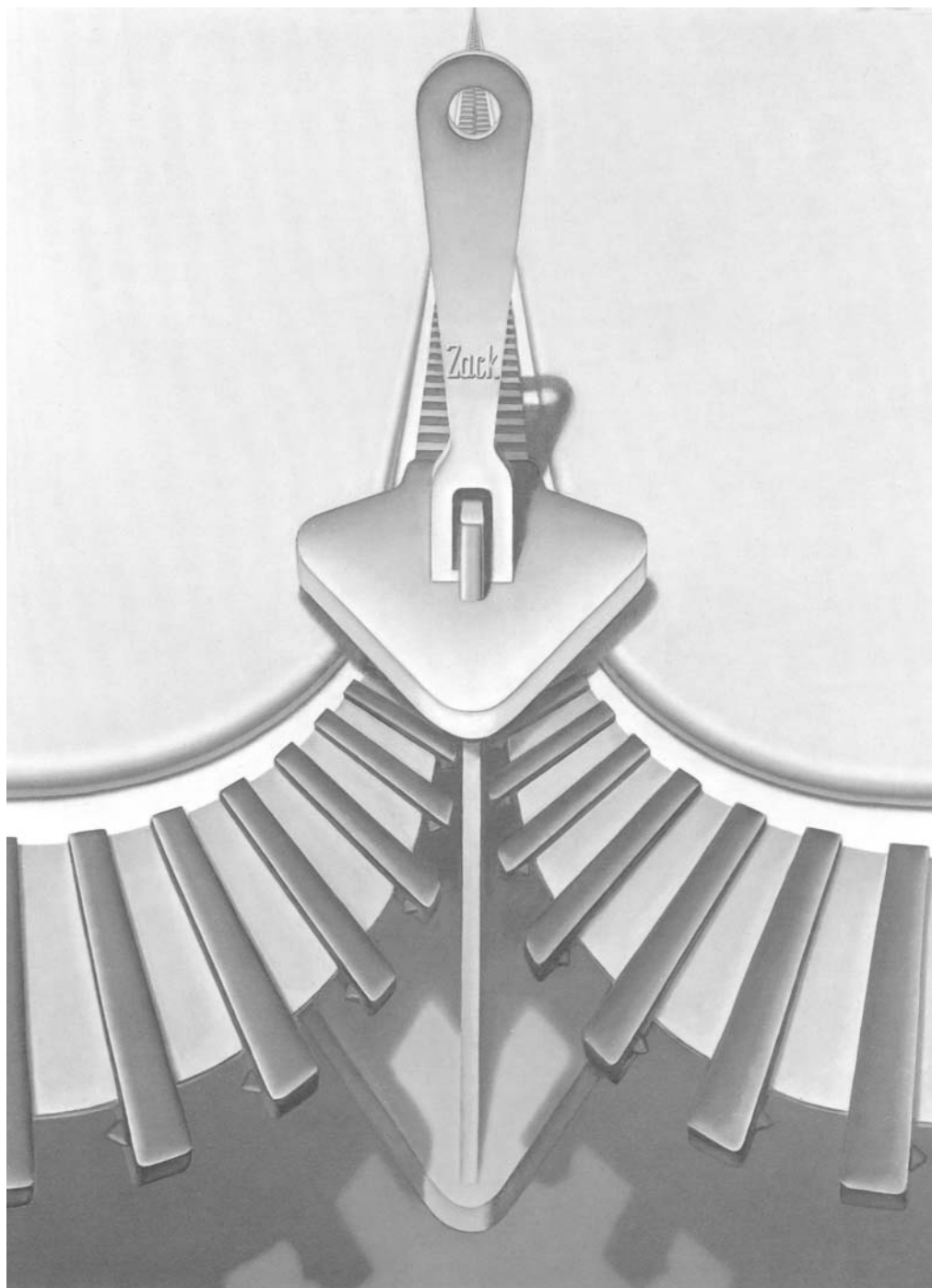
Противоположные точки зрения на российско-американские отношения

В отличие от времен холодной войны, когда СССР воспринимался как угроза американским интересам, сегодня в США нет консенсуса в отношении России. В частном секторе есть значительная группа людей, весьма положительно рассматривающих Россию и желающих углубления отношений с ней. В целом деловое сообщество заинтересовано в российском фондовом рынке, потребительском секторе и недвижимости. Оно также заинтересовано и в энергетическом секторе, хотя недавние действия российских властей по пересмотру условий сделок с международными нефтяными и газовыми компаниями плюс отсутствие правовой базы, обеспечивающей права иностранного бизнеса, стали причиной того, что компании, работающие в энергетике, стали подходить к российскому рынку с большей осторожностью. Тем не менее Россия со своими огромными запасами нефти и газа является одним из немногих мест в мире, где все еще мож-

но обнаружить новые запасы, поэтому компании хотят остаться в стране, что мы и видим на примере ТНК-ВР. На июньском экономическом форуме в Санкт-Петербурге, посвященном экономическим достижениям России, зарубежное деловое сообщество проявило энтузиазм по поводу ее экономических перспектив. Таким образом, наступление капитализма в России изменило восприятие страны на Западе. Кроме того, мнение делового сообщества о ситуации в России отличается от мнения того же экспертного сообщества, которое сосредоточилось только на политике. Частный сектор смотрит на внутривнутриполитическую траекторию развития России в долгосрочной перспективе и полагает, что процесс модернизации и, в конечном счете, демократизации уже пошел.

В то время как частный сектор выступает за более тесные связи с Россией и уже адаптировался к ведению бизнеса в стране, политическое сообщество более разобщено, что и найдет свое отражение в предвыборных дебатах. Эти дебаты, в свою очередь, являются составной частью более широкой дискуссии о вкладе администрации президента Буша в отношения с Россией и в более широкую проблему глобальной демократизации. И хотя было бы преувеличением утверждать, как это делают американские и российские эксперты, что отношения между США и Россией находятся сейчас «на самой низкой точке со времени окончания холодной войны», нельзя отрицать, что отношения за последние два года ухудшились. Отношения между нашими двумя странами, у которых имеются разнообразные международные интересы, всегда были подвержены колебаниям. Но сегодня в США понимают, что в России возникла новая реальность: при президенте Путине процветающая и уверенная в себе Россия стремится пересмотреть договоренности 90-х годов, когда после окончания холодной войны она была слабее и принимала повестку дня, в основном определенную Западом. Сегодня Россия ищет новые правила игры в своих политических, экономических и военных отношениях с Западом. К тому же, притом что США, занятые войной с Ираком, непопулярны во многих регионах мира, Россия чувствует, что ей и карты в руки. Как сказал Дмитрий Тренин: «Россия на подъеме, США на спаде, а Европа пролетела». Недавняя встреча в Кеннебанкпорте была задумана для улучшения двусторонних отношений, но неясно, что именно было там достигнуто. Таким образом, американо-российские отношения остаются избирательным партнерством, в основе которого лежат две весьма различающиеся точки зрения на произошедшее в двусторонних отношениях после 11 сентября 2001 года. Похоже, оба партнера чувствуют, что противоположная сторона не оценила по достоинству его вклад во взаимоотношения.

Россия считает, что она не получила по заслугам за то, что поддержала Америку в войне в Афганистане после 11 сентября. Россия ожидала, что Вашингтон признает ее сферу влияния в Евразии, а вместо этого получила расширение НАТО и ЕС с включением Прибалтийских государств, «цветные революции» в Грузии и на Украине и активизацию США по соседству с Россией. Мало того, США аннулировали договор по ПРО, отказались участвовать в серьезных переговорах по контролю над вооружениями и вторглись в Ирак, минуя Совет Безопасности

Конрад Клапек. Охотник. 1974

ООН — один из немногих международных органов, где Россия имеет равный голос с Соединенными Штатами. Точка зрения Соединенных Штатов, конечно же, совершенно другая. С позиции Вашингтона начальный разгром Талибана был в интересах России, поскольку устранял серьезную угрозу ее безопасности на южных рубежах. Кроме того, США полагают, что Россия причастна к выдворению их в 2005 году с военной базы в Узбекистане, ключевой для противотеррористических операций. Америка с озабоченностью наблюдает за захватом государством командных высот в российской экономике и спадом политической конкуренции.

Вопросы на будущее

Для многих советников кандидатов в президенты ключевой вопрос состоит в том, как добиться более продуктивных отношений с Россией без ущемления основных интересов США. Однако и среди американской общественности идут споры о том, в чем заключаются основные интересы, кроме необходимости бороться с терроризмом, стабилизировать Ирак и обуздать ядерные амбиции Ирана. Причем точки зрения на эти проблемы не обязательно обусловлены партийной принадлежностью. По некоторым международным вопросам умеренные республиканцы и демократы-центристы имеют между собой больше общего, чем с правым крылом в Республиканской партии или левым крылом в Демократической партии.

- *Иран.* Все кандидаты согласны с тем, что основной задачей является помешать Ирану получить ядерное оружие. Одни призывают к серьезному диалогу с Ираном, другие противятся ему и выступают за жесткие действия. Россию обычно воспринимают как страну, которая все чаще вместе с ЕС и США выступает в ООН за санкции против Ирана. Но некоторые задают вопрос, отчего Россия не выражает большую озабоченность ядерными амбициями Ирана? Определенно, что с американской точки зрения, Россия видится как часть решения иранской проблемы.
- *Косово.* До недавнего времени США и Европа полагали, что могут договориться с Россией по окончательному статусу Косово, но теперь достижение компромисса представляется менее вероятным. Конечно, можно задаваться вопросом, что же надо было сделать в 1999 году, теперь ситуация такова как есть и нужны какие-то действия. С точки зрения Вашингтона, возможны три варианта: продолжать поиск решения, приемлемого как для Запада, так и для России и Сербии; ничего не делать и сохранять status quo; принять одностороннее признание независимости Косово Соединенными Штатами и некоторыми странами ЕС, со специальным статусом сербской Митровицы. Для большинства американцев сохранение status quo не подходит из-за вероятности новой вспышки насилия между сербами и косовскими албанцами, а в случае невозможности достичь соглашения с Россией больше шансов у одностороннего признания независимости сербской провинции, хотя этот вариант также не является желательным.

Конечно же, признание может иметь последствия для статуса Абхазии и Приднестровья, хотя на Западе и не считают, что Косово станет прецедентом для какого-либо другого конфликта.

- *Противоракетная оборона.* Эта проблема вызывает неоднозначную реакцию и в самих США, где демократы ставят под вопрос эффективность и стоимость системы. На сегодняшний день большинство групп приветствуют предложение президента Путина о сотрудничестве в создании совместной американо-российской противоракетной обороны в Азербайджане и на юге России, однако некоторые официальные лица в США утверждают, что эти меры должны дополнить, а не заменить размещение установок в Польше и Чешской республике. В этой проблеме есть и внутривнутриполитический предвыборный аспект из-за присутствия на среднем западе США значительного сегмента избирателей — выходцев из стран Восточной Европы, склонных оказывать поддержку развертыванию системы ПРО в Центральной Европе.
- *Обычные вооружения в Европе.* Заявление Кремля о приостановке членства России в Договоре об обычных вооружениях в Европе (и о возможном выходе в будущем из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД)) вызвало озабоченность США, но вопрос этот слишком сложен, чтобы привлечь к себе внимание широкой общественности. В целом, большинство демократов и республиканцев реалистов критикуют администрацию Буша за игнорирование ключевого аспекта американо-российских взаимоотношений, а именно вопросов контроля за ядерными и обычными вооружениями. В связи с близящимся окончанием срока действия Договора о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений демократы и некоторые республиканцы вероятно выскажутся в пользу возобновления взаимодействия с Россией по ключевым вопросам контроля над вооружениями. Некоторые политики будут выступать за радикальное сокращение ядерных арсеналов, за расширение программы Нанна — Лугара* и за углубление сотрудничества в гражданском использовании атомной энергии, которое поддерживает администрация Буша.
- *СНГ.* Этот главный вопрос, вызывающий напряженность между США и Россией, представляет собой несколько ключевых аспектов. До какой степени следует учитывать особые интересы и чувствительность России при проведении американской политики в отношении постсоветских государств? Некоторые политики в обеих партиях утверждают, что основные интересы Америки заключаются прежде всего в продуктивных отношениях с Россией и что США должны учитывать это в своей политике в Евразии. Другие же считают, что необходимо поддерживать независимость и суверенитет государств

* Закон, принятый конгрессом США в 1991 году по представлению сенаторов С. Нанна и Р. Лугара. В соответствии с законом России и другим постсоветским странам предоставляется помощь на реализацию мер по уничтожению и безопасному хранению запасов оружия массового поражения и материалов, пригодных для их создания. — Прим. ред.

СНГ и поощрять их стремление к интеграции в евроатлантические структуры, без оглядки на российские интересы. Мнение большинства находится где-то в спектре между этими двумя позициями. Вопросы политического развития Евразии переплетены с озабоченностью в отношении ключевых политических и энергетических проблем. Проблема, стоящая перед кандидатами на пост президента, состоит в том, чтобы сформулировать внятное представление об американских интересах в их нынешнем виде и о том, какими они должны быть, чтобы вписать их в продуктивные взаимоотношения с Россией и как находить баланс между внешнеполитическими и энергетическими интересами и вопросами продвижения демократии.

- *Энергоносители.* Эта тема станет ключевой на американских выборах, однако в основном по внутривнутриполитическим причинам. Два вопроса будут доминировать в дебатах: действительно ли американские нефтяные компании раздувают цены, что приводит к подорожанию бензина, и что делать с глобальным изменением климата, которое Ал Гор вынес во главу угла на дебатах. Россия также вписывается в дискуссию об энергоносителях, поскольку обладает крупнейшими в мире запасами природного газа и громадными запасами нефти и играет ключевую роль в глобальных поставках энергоносителей. Россия рассматривается как конкурент за среднеазиатский газ, в целом выигрывающий в конкурентной борьбе. Существует также некая обеспокоенность о растущей зависимости Европы от импорта природного газа из России. Тем не менее мы должны признать, что зависимость эта обоюдная. США по-прежнему будут сосредоточены на энергетической безопасности, понимая ее как обеспечение поставок, в то время как для России энергетическая безопасность означает обеспечение спроса и безопасности маршрутов транспортировки. Тем не менее США также желают более интенсивно сотрудничать с Россией по вопросам энергоресурсов, в особенности, использования атомной энергии в гражданской сфере.
- *Продвижение демократии.* Принимая во внимание приверженность администрации Буша идее глобальной демократизации, эта тема обязательно будет обсуждаться в предвыборной кампании и может стать источником трений между США и Россией. Необходимо помнить, что дебаты на эту тему являются циклическими. Во время предвыборной кампании 2000 года республиканцы обвиняли администрацию президента Клинтона в тесных связях с, как они его называли, “коррупцированным ельцинским режимом” и обещали установить более “нормальные” отношения с Россией. Пару лет назад Совет по международным отношениям под сопредседательством сенатора Джона Эдвардса, ныне кандидата на пост президента от демократов, подготовил доклад, в котором администрация Буша подвергнута критике за недостаточные усилия по продвижению демократии в России. Раздаются и другие голоса, призывающие США сосредоточиться в отношениях с Россией не на ценностях, а на своих интересах. Дебаты о демократизации будут широкими и сосредоточатся на глобальной дискуссии, где Россия составляет только часть проблемы, а большее внимание будет уделено Ближнему Востоку.

Выводы

Когда политика администрации Буша в отношении России подвергнется критической оценке, мы также услышим утверждения, что администрация, занятая Ираком и Афганистаном, не уделяла России достаточного внимания. Сегодня в американо-российских взаимоотношениях мало участников. Между президентами сложились продуктивные отношения, они регулярно общаются друг с другом, в различных ведомствах обеих стран есть совместно работающие официальные лица, но в целом было бы желательно создать на официальном и неофициальном уровнях широкую сеть взаимодействия.

Конгресс США также является ключевым игроком в этих взаимоотношениях, в той мере, в какой он контролирует законодательство. Например, как только Россия вступит в ВТО, американский бизнес окажется в невыгодном положении, если Конгресс не предоставит России постоянный нормальный торговый статус. Для этого требуется отменить принятую 30 лет назад поправку Джексона-Вэника, согласно которой статус наиболее благоприятной нации увязывается с правом на эмиграцию. С этой поправкой нужно разобраться в скором времени, но так как с ней были увязаны более широкие вопросы американо-российских отношений, заниматься ею до 2009 года не будут.

Принимая во внимание предстоящие выборы в законодательные органы и выборы президентов в России и в США, возможность значительного улучшения взаимоотношений представляется маловероятной, потому что обе страны заняты своими предвыборными кампаниями. Из-за улучшения международного положения России, ее экономической мощи и растущей уверенности в себе характер отношений между странами должен быть пересмотрен после 2008 года с учетом новой реальности. Новая администрация США, особенно если это будут демократы, примет новые инициативы по Ираку и будет стремиться провести их таким образом, чтобы дать Вашингтону возможность продвигаться и на других участках внешней политики, включая Россию. Для этого необходимо, чтобы в России был президент, заинтересованный в оживлении диалога. Для нового хозяина Белого дома задача будет состоять в переосмыслении двусторонних отношений в новых условиях, когда Россия больше не нуждается в Западе, как прежде, а нужна международная повестка дня на ее условиях. Реалистичная американская политика должна взаимодействовать с Россией, чьи ценности и интересы порой совпадают с нашими, но часто и расходятся с ними. Тем не менее сотрудничество между нашими странами по ряду вопросов, являющихся ключевыми для глобальной безопасности, жизненно необходимо. США и Россия должны открыть диалог о том, как двигаться вперед в ситуации, когда мы не являемся ни союзниками, ни врагами, а можем одновременно сотрудничать и конкурировать друг с другом.

*Перевод с английского
Натальи Петровой*

О месте интеллектуалов в социальном пространстве

*Даниил Горецкий,
философ (Украина)*

*Андрей Юров, секретарь Общественного совета
международного Молодежного правозащитного
движения (Воронеж)*

Интеллектуалы: альтернативы и утопии

Создание альтернативных социальных пространств всегда занимало интеллектуалов и как «литературная утопия» и как социальная практика. Это не только Академия Платона (и как ее отблеск — Академия во Флоренции), или университеты и школы в средневековых городах. Это не только независимые учебные, научные и даже религиозные организации. XIX и XX века предложили интеллектуалам совершенно новые типы **альтернатив** — вне власти и бизнеса, так называемые некоммерческие/неправительственные организации (НКО/НПО) и «социальные движения». Или, если хотите, независимые «гражданские группы», иногда — локальные и региональные, иногда — принципиально международные и даже всемирные. Речь идет о принципиально НЕ партиях или других политических организациях и НЕ о религиозных организациях, ибо те и другие во многом являются формой власти — в широком смысле «репрессивного подавления индивида», а о группах, противостоящих любым посягательствам со стороны власти и осуществляющих не только «благотворительность и культурные инициативы»,

сколько *сопротивление* экспансии власти в отношении отдельной личности, и гражданский контроль за отдельными структурами власти — от тюрем до школ, от спецслужб до корпораций.

Именно интеллектуалы породили концепцию «гражданских групп и организаций» и идею «независимых структур гражданского общества» как неких систем, способных вносить хоть какой-то элемент справедливости и прозрачности в омут, где государственная власть, окончательно перемешавшись с властью корпоративно-коммерческой, сделала пространство мутным, затхлым и дурно пахнущим.

И именно интеллектуалы стали первыми диссидентами и правозащитниками, а также «революционерами нового типа», заявив о необходимости защиты любого разнообразия и любой «инаковости» от тотальных претензий власти государств и власти толпы подчинить себе любую социальную, интимную и интеллектуальную жизнь, подавив достоинство отдельной личности и утвердить так называемую демократию как способ при помощи манипуляций большинством растаптывать любое меньшинство.

Права человека и идея правозащитной организации возникли как инструмент, способный уберечь меньшинство

и отдельную суверенную личность от возможностей большинства делать с ней все, что большинству захочется. И эта идея, в принципе, как бы праволберальная, так хорошо легла на идеилевых интеллектуалов, что смогла объединить независимых интеллектуалов всех политических ориентаций, защищающих суверенитет личности, на единой платформе прав человека, позволила оставить где-то в стороне социально-политические разногласия и сформировать не только интеллектуальную платформу для размышлений о Праве и о Человеке, но и энергию для действий в современном мире, где в ином случае уже почти и не осталось бы места ни для справедливости, ни для свободного интеллектуального поиска.

Именно интеллектуалы — и Востока, и Запада — сделали правозащитную идеологию действенной силой, которую уже потом научились использовать политики, государства и прочие официальные структуры (иногда — в своих целях), именно поэтому тем важнее, чтобы интеллектуалы не отдали это поле действующим политическим силам, не оставили его, но продолжили его развитие в направлении свободы, права и уважения к человеческому достоинству.

Задача интеллектуалов XXI века — выдвинуть **новые альтернативы**, но — одновременно — не потерять старые, не забыть о них, не позволить им превратиться в собственную противоположность благодаря воздействию тотального всепроникающего поля власти.

Интеллектуалы между фундаментализмом и гуманизмом

Мир, как и в прошлые века, по-прежнему пребывает в состоянии войн. Но главной из этих войн является не битва

коммунизма с капитализмом, антифашизма с фашизмом, Востока с Западом.

На рубеже второго и третьего тысячелетия, как никогда прежде, обозначились противостояние вовсе не персон — фундаменталистов и гуманистов — наоборот (!) — люди вдруг почти перестали быть носителями какой-то одной позиции: и силы гуманизма, и силы фундаментализма, проходя через каждого человека, каждую семью, каждую социальную структуру, каждую страну, обозначили эту невидимую битву взрывом невероятной энергии. И если в происходящем мы можем увидеть прежде всего всплеск пробуждающихся фундаментализмов невероятной силы и агрессии, то этому же всплеску все-таки соответствовало и некоторое пробуждение гуманизма, которое станет всем заметно несколько позже.

Если вспомнить книги и западных и восточных фантастов 1950–60-х и сравнить их описания рубежа тысячелетий с тем, что мы видим сейчас, может показаться, что человечество куда-то свернуло с дороги развития и заехало в чудовищный тупик. Никто не хотел и не мог тогда предполагать, что в начале нового тысячелетия будут вестись фанатические религиозные войны, политики будут осуществлять свою власть столь же примитивным и жестоким способом, как в прошлые века, люди перестанут читать, а Космос станет не новым домом человечества, а исключительно сферой военных и коммерческих интересов.

Что это значит? Гуманизм проиграл? Нет.

Потому что гуманизм — это не идеология. Это очень своеобразный способ подхода к миру, тип мышления, который вовсе не предполагает отказа от четких и очень определенных принципов, и даже знания истины, — он лишь отказывается от монополии на эту истину и на готовность утверждать эту исти-

ну всеми возможными средствами. Гуманизм — это очень простой отказ принимать простые и понятные ответы, доступные любому представителю толпы, на сложные запросы сверхсложного современного мира. «Если вы знаете простой ответ на вопрос об очень сложной системе, знайте — он изначально неверен». Но принять, что в современном мире нет простых решений, что мир стал (да и всегда был!) столь сложен, что грубые и простые решения уже давно не применимы, на это нужно истинное мужество. Как нужно истинное мужество, чтобы принять, что рядом с нами живут не простейшие существа с элементарным набором желаний, инстинктов и простых интересов, а люди с богатым внутренним миром, способные на глубокое переживание и совершенно неожиданные поступки. Видимо, гуманизм действительно смешон и старомоден, но... только он способен привести нас к системному мышлению, то есть к попытке найти сложные ответы на сложные вызовы, а значит, только он способен дать нам шанс выжить.

Фундаментализм это не глобальное зло, и в каком-то смысле вообще не зло. Это всего лишь желание искать простые ответы на сложные вопросы. Это когда у нас заранее есть ответ на все вопросы и монополия на истину. А те, кто не готов эту истину признать, пусть пожалеет об этом: при «мягком» фундаментализме они становятся маргиналами и диссидентами, при жестком — узниками и мертвецами. Сложностью гуманизма является еще и то, что он сам балансирует между всемирностью и всеприемлимостью (чуть ли не отказом от любой принципиальной позиции) и определенным интеллектуальным фанатизмом (готовностью защищать свои идеи — порой да-

же ценой собственной жизни) — своеобразной разновидностью «принципиального фундаментализма». Но именно в этом балансе, в этой его внутренней сложности — еще один залог его силы. Сегодня именно интеллектуалы, как

Видимо, гуманизм действительно смешон и старомоден, но только он способен дать нам шанс выжить

никто иной, чувствуют, что гуманизм потихоньку сдает свои позиции и одновременно изо всех сил пытается сопротивляться наступлению всеобщего фундаментализма — религиозного, расового, политического, милитаристского, идеологического.

Именно интеллектуалы, несмотря ни на что, пытаются совершенно бессистемно, разрозненно и спонтанно формировать это новое движение Сопротивления, способное противостоять фундаментализму, помня при этом, что сами не свободны от этого вируса, а потому их попытки кажутся им самим еще более безнадежными.

Интеллектуалы на пути к гуманитаризму

Социальные движущие силы истории меняются. На смену рыцарям и духовенству приходят городские сообщества, цивилизации. Появляется буржуазия. На некоторое время ее сменит пролетариат. Затем — технократия и менеджерократия (и во власти, и в бизнесе, и в псевдоавтономных структурах). Отчасти — «информариат», контролирующий информационные пространства и сети — от компьютерных программ и баз данных до Интернета и массмедиа.

Кто может прийти следом? Есть ли кто-то, чья картина будущего покажет-

ся более-менее привлекательной хотя бы для наиболее активной и образованной части общества? Может ли эта программа будущего также учитывать интересы меньшинств и всех остальных общественных групп?

У интеллектуалов нет выбора: они либо окончательно маргинализируются, либо смогут организовать и начать активно действовать

Да. Это — гуманитарият. Это не просто гуманитарии, не просто интеллектуалы (независимые производители интеллектуального). Кто, во-первых, остался независимым интеллектуалом. Кто, во-вторых, является носителем не только знаний, но духа поиска истины, а значит — гуманизма, определенных и достаточно четких гуманитарных принципов, которые он не готов променять на социальные статусы, но также и не готов позволить им начать тотально захватывать социум, превращаясь в собственные противоположные фундаменталистского типа. И в-третьих — те, кто отчасти готов преодолеть то самое «во-первых» и немножко пожертвовать своей независимостью ради контактов друг с другом, ради совместного создания утопий и альтернатив, ради попытки начать альтернативное социальное строительство — с одной стороны — «вне» (вне этих правил игры), но с другой стороны — не «уходя» из социального мегапространства.

Кстати, несколько слов об интеллигенции. А что это за зверь, так долго живший в России и в Союзе? И какое он имеет отношение к интеллектуалам? Прямое — и почти никакого. Сама по себе интеллигенция не может выступать в роли интеллектуалов — она скорее является постоянным и верным потребителем и транслятором продукта,

созданного интеллектуалами. Но именно она, ее остатки, способны помочь интеллектуалам выжить и даже вернуть себе роль лидирующей группы. Если, конечно, она еще жива и способна на это...

Сможет ли возникнуть гуманитарият? Способны ли независимые интеллектуалы к взаимодействию? Могут ли они предложить нам альтернативы, показывая возможности социального развития человечества? Да, безусловно. Это уже начало происходит. Слишком медленно. Незаметно. С большими отступлениями и грандиозными поражениями.

Возвращаясь к самому началу наших рассуждений, можно снова поставить вопрос: а остались ли эти самые интеллектуалы, которые должны сформировать гуманитарият? Мы, многие из нас пока (или уже) не интеллектуалы. Мы полуинтеллектуалы и даже четвертьинтеллектуалы. Но других-то у нас нет. И в этом смысле нам предстоит выбор. И не один.

Но есть одна простая вещь, которая делает формирование гуманитарията неизбежным — у интеллектуалов нет выбора: они либо окончательно маргинализируются и вымрут в условиях современной структуры власти в социуме, либо — просто в силу законов самоорганизации сложных систем смогут организовать и начать активно действовать.

Сама история человечества делает этот процесс неизбежным — иначе само человечество перестанет быть тем, чем оно вроде бы пытается являться. Иначе утратятся сами важные и самые ценные приметы Человека.

Но у нас нет времени ждать. Мы уже сегодня должны осознать свою роль и стать тем, кем мы еще, быть может, не являемся, — гуманитариятом.

Мы продолжаем знакомить читателя с нашими изданиями, публикуя короткие аннотации и характерные отрывки, дающие представление о выходящей в свет книге, а также сведения об авторах.

БИБЛИОТЕКА МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Интеллектуалы и политика. Под редакцией Р. дель Агилы. Перевод с испанского языка.

Сумеет ли российская интеллигенция когда-нибудь преодолеть двухвековую ангажированность либо революцией, либо прислужничеством власти, перейти от социальных утопий, официозных доктрин или социального эскапизма к независимому анализу реалий, к активной общественной роли, выработке новых принципов социальной и политической жизни? — ставит вопрос Владимир Рыжков в своем предисловии к русскому изданию книги. В этом коллективном труде ведущих испанских политологов, философов, историков прослеживается эволюция миссии интеллектуалов в качестве носителей знаний и критиков режимов, анализируются их взаимоотношения с властью и обществом, а также возможности и роль в решении национальных и глобальных проблем.

**Критика ангажированного интеллектуала.
Дело Сократа сегодня***

[...] Шел туда, где мог частным образом оказать всякому величайшее благодеяние... стараясь убедить каждого не заботиться о своих делах раньше и больше, чем о себе самом, и о том, чтобы самому стать как можно лучше и разумнее, и не пещся о городских делах раньше, чем о самом городе.

«Апология Сократа»** (выделено мной. — Р.А.)

Название этой статьи, не буду отрицать, звучит несколько странно, ибо очевидно, что сегодня никакого «дела Сократа» быть не может. И речь, конечно, пойдет не о самом «деле», а о новом его прочтении. На мой

* *Rafael del Àguila. Una crítica al intelectual comprometido. El caso de Sócrates hoy. — In: Los intelectuales y la política. — Madrid: EPI, 2003. — P. 3–22. Печатается с незначительными сокращениями.*

** *Платон. Апология Сократа, 36с. (Пер. с древнегреческого М.С. Соловьева)*

взгляд, традиционная фигура твердо стоящего на своих позициях интеллектуала заслуживает сегодня критики и переосмысления, хотя добиться этого нелегко, потому что интеллектуалы всегда были привержены ценностям, которые считаются позитивными. При этом под интеллектуалами я имею в виду тех, кто отстаивал истину, справедливость, разумность, защищал тех, кто слаб или оказался жертвой. Это была верность чему-то «хорошему», безукоризненному, безупречная преданность высоким идеалам. Так что нелегко, повторяю, критиковать тех, кто отождествляет себя с несомненными ценностями. Однако известно, что интеллектуал, преданный подобным ценностям, нередко бывал обманут верой в собственную непогрешимость и в итоге начинал поддерживать «зло» во имя «добра», угнетение как путь к свободе, ложь как путь к истине, несправедливость в настоящем во имя грядущей справедливости, безучастность к боли жертв, если они не были «политически корректными» (то есть не соответствовали представлению о том, какой должна быть жертва) и т.п. Ангажированный интеллектуал поддержал сталинизм, культурную революцию, направленную против интеллигенции в Китае, отрицал существование ГУЛАГа, молчал, наблюдая убийства от имени народа, пожимал плечами, если разоблачение не вписывалось в сложившееся соотношение сил. Слишком большое число ошибок и немало трагедий требуют от нас пересмотра как самого образа интеллектуала, так и его убеждений, взглядов, обязательств.

В попытке преодолеть возникающее в связи со сказанным замешательство рассмотрим отдельные главные проблемы, поставленные первым интеллектуалом нашей западной традиции, его подходы к мыслительной деятельности, характер его диалогов, его метафоры, чтобы лучше понять, как он мыслил, учил, общался с оппонентами.

Начну с некоторой иронии. Сократ был в определенной степени святым человеком. Я говорю «святым», имея в виду, что вряд ли найдется в европейской истории личность, способная вызвать столь поразительное доверие, какое пробуждал этот старый ироничный афинянин на протяжении разных исторических эпох, когда его идеям справедливости и истины находили обоснование в совершенно непохожих ситуациях. Перевоплощаясь и меняясь, Сократ шествовал во времени, являя удивительное величие и способность быть воспринимаемым. В античном мире Сократ предстал своего рода мучеником философии и мышления, противостоящего враждебному городу. С торжеством христианства он вновь становится героем совести (христианской?) в ее высших проявлениях. «Sancte Socrates, ora pro nobis» («Святой Сократ, молись о нас»), говорил Эразм Роттердамский и, разумеется, не он один. Когда спустя столетия век Просвещения озарил (и омрачил) Европу, Сократ вновь видоизменился, став примером человеческого разума в борьбе с предрассудками и притеснением. «Конец истории» и эпоха постмодернизма превратили его в символ критической иронии перед лицом установленного порядка, в стойкого борца с угрозой единообразия. При всех оговорках такой результат трудно превзойти.

Тем не менее, ныне что-то нас все же беспокоит. В нашем мире, где торжествуют ценности либеральной демократии, Сократ едва ли может претендовать на звание демократа, если учесть, и нам это извест-

но, что именно *демократические* Афины вынесли ему смертный приговор, положив начало преданию о мудреце и бесстрашном мученике мысли. Правда, Афины осуждают его по обвинению, звучащему сегодня несколько экстравагантно: не чтит богов и развращал юношей. Поэтому не буду вдаваться в подробности этих обвинений, остановлюсь лишь на некоторых из них.

Во-первых, речь шла о политически серьезных обвинениях, согласно которым учение Сократа представляло опасность для *полиса* (античного города), его устойчивости и основных ценностей. Во-вторых, нашего героя судили в эпоху, когда демократия была в опасности, потому что в течение нескольких лет подверглась испытаниям во время устроенных олигархами государственных переворотов. Причем путчи эти, потерпевшие в конце концов поражение, отличались крайней жестокостью по отношению к гражданам-демократам. А Алкивиад, возлюбленный нашего философа, бесспорный и превозносимый всеми лидер, сдал свой город спартанцам и персам. Если кому-то подобные сведения покажутся скудными (что совсем не так, поскольку эти обстоятельства мало известны даже специалистам), есть кое-что еще. Когда мы знакомимся с источниками сведений о процессе, нас не покидает недоумение. И это притом, что источники вполне благосклонны к Сократу: ведь речь идет об апологии его ученика Платона и его почитателя Ксенофонта. А тот и другой повествуют, что линия защиты, принятая философом, представлялась почти самоубийственной. Рассмотрим поэтому ситуацию подробнее — настолько она удивительна.

По афинскому обычаю, выслушав обвинителей и обвиняемого, присяжные сначала голосовали за вердикт о виновности или невиновности подсудимого. Затем, после нового тура выступлений, в ходе которого предлагались различные варианты наказания в случае вынесения приговора о виновности, проходило голосование о налагаемом наказании. Так вот, в ходе суда над Сократом, при первом голосовании 218 присяжных сочли мыслителя «виновным», а 220 — «невиновным» («220 философов», по предположению Вольтера). Как пояснил сам Сократ, при перевесе немногим более чем в тридцать голосов все обстояло бы иначе. Но обращает на себя внимание тот факт, что при голосовании о наказании за штраф в размере 30 мин (сумма вполне внушительная) голосует лишь 141 присяжный против 360, высказавшихся за смертный приговор. Иными словами, 79 присяжных, ранее сказавших «невиновен», проголосовали за смертный приговор. Чем это объяснялось?

Обычно этот поразительный факт объясняют тем, что философ не захотел унижаться перед судом, признавая себя виновным, и даже отказался «привести в суд своих малолетних детей», чтобы «разжалобить судей» (Ап., 34с). Эта его мужественная и непреклонная позиция, которая ныне приводит нас в восхищение, видимо, и явилась причиной столь странного поведения присяжных.

После вынесения приговора Сократа спросили о том, какой кары он заслуживает. И его ответ слушали граждане, которые, по мнению Перикла, считали никчемными глупцами всякого, кто не занимался общественными делами и ничего не делал для блага города. И они же внимали словам софиста Протагора, когда тот утверждал, что людей, никак не причастных к делам государства, Зевс считает достойными уничтоже-

ния как «язвы общества» (Протагор, 322d). Представ перед судом присяжных в составе таких граждан (гордых своей миссией, активных и политически включенных), добровольно явившихся в тот год для исполнения своего гражданского долга и участия в управлении городом, Сократ в свою очередь спрашивает их: «Что по заслугам надо сделать со мной, или какой штраф должен я уплатить за то, что сознательно всю свою жизнь не давал себе покоя и пренебрег всем тем, о чем заботится большинство, — корыстью, домашними делами, военными чинами, речами в Народном собрании, участием в управлении, в заговорах, в восстаниях, какие бывают в нашем городе, — ибо считал себя, право же, *слишком порядочным*, чтобы уцелеть, участвуя во всем этом? [...]»

Если бы я попробовал заниматься государственными делами, то уже давно бы погиб [...] [ибо] *нет такого человека, который мог бы уцелеть, если бы стал откровенно противиться вам* или какому-нибудь другому большинству и хотел бы предотвратить все то множество несправедливостей и беззаконий, которые совершаются в государстве [...] Хотя я почти уверен, что тем самым вызываю ненависть, но как раз это и служит доказательством, что я говорю правду». (Ап., 36b-с, 31e–32a, 24a, курсив мой. — P.A.).

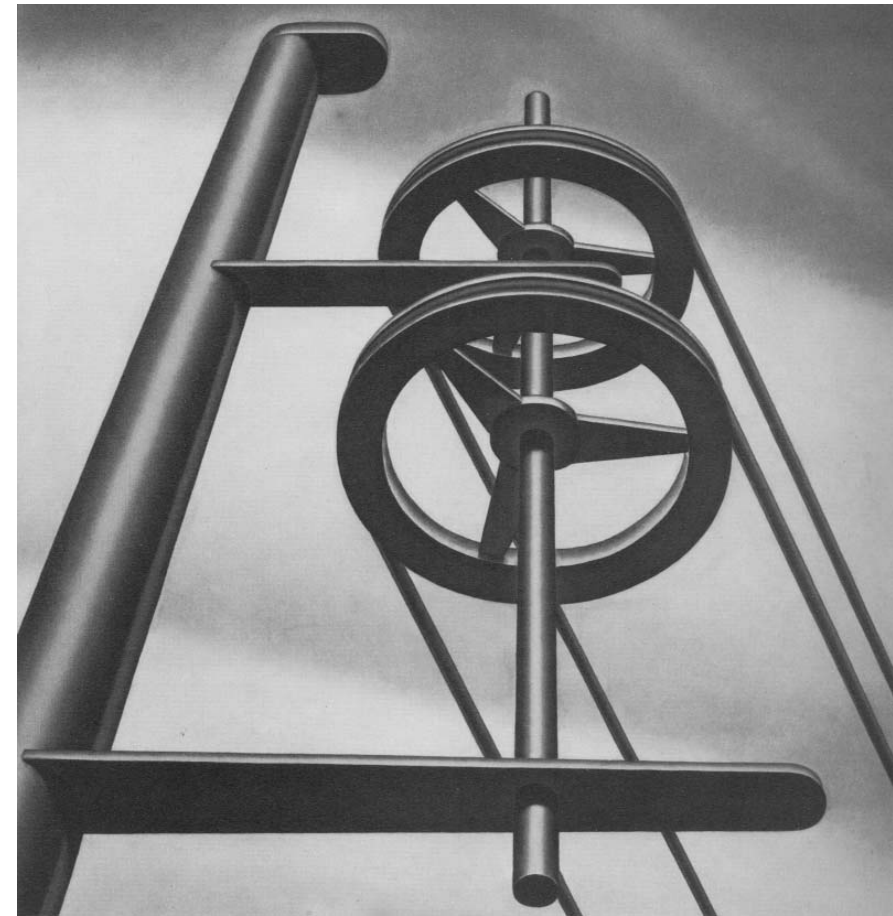
Эта объемная цитата говорит о многом. Благодаря ей Сократ и заслуживает искренних аплодисментов. Совершенно прав Грегорио Лури, когда он пишет, что именно те слова, которые вызвали гнев трибунала, ныне пробуждают наши самые живые симпатии, так как «перед нами и перед афинским судом присяжных предстают два разных Сократа»*.

Но действительно ли Сократ презирал политику, как это следует из приведенной цитаты? Отличалась ли его точка зрения на политику от общепринятой? Для ответа на эти вопросы рассмотрим некоторые аспекты его опыта мыслителя и некоторые стороны его деятельности, а также, возможно, и его политические ошибки.

Чем занимался Сократ? Это общеизвестно: Сократ провел свою жизнь в беседах, он беседовал с кем угодно на площадях, на рынках, в домах, на пирах, повсюду. Его жена пребывала в полном отчаянии, ведь он никогда не бывал дома, не зарабатывал на жизнь и вел из рук вон плохо собственные дела, не заботясь о своих интересах. Однако этот человек вызывал всеобщее воодушевление, будучи великим собеседником; он вел беседы постоянно и непрерывно, поражая всех и каждого своей иронией и парадоксальностью суждений. И эти беседы проясняют основу его политических устремлений, как он их понимал, когда «шел туда, где мог частным образом всякому оказать величайшее благодеяние [...] стараясь убедить каждого не заботиться о своих делах раньше и больше, чем о себе самом, и о том, чтобы самому стать как можно лучше и разумнее, и не печась о городских делах раньше, чем о самом городе».

Таким образом, хотя Сократ и возражает афинянам, утверждая, что никогда не участвовал в политике, на деле политикой занимается. Просто он практикует иную политику, сегодня мы бы ее назвали не общепринятой, не институциональной. Он действительно избегал собраний с участием граждан, считая их бесполезными и опасными для се-

* G. Luri Medrano. *El proceso de Sócrates*. — Madrid: Trotta, 1998. — P. 22–23.

Конрад Клапек. Карьера. 1975

бя. А также не вмешивался в борьбу различных группировок и мелких фракций, но в то же время вел политическую деятельность, непосредственно связанную с преобразованием индивидов, с их воспитанием.

Итак, нам известно, что Сократ ведет беседы и что именно его слова оказывают воспитательное воздействие и вместе с тем рожают политический эффект. Как ведет Сократ свои диалоги? Что он говорит нам? Он сообщает нам истину? Определяет смысл справедливости? Учит нас тому, как следует мыслить, к каким ценностям стремиться? Он предлагает нам поддержку, основы, убежденность; вселяет в нас уважение, встает на сторону нашего дела, нашей борьбы, говорит, как мы должны действовать? На все эти вопросы ответ один — нет! Для объяснения сути этого отрицания обратимся к метафоре, которой он наглядно иллюстрирует свою мыслительную деятельность, свои диалоги: эта метафора — образ повитухи.

В беседе с Теэтетом (Теэт., 149a–150e) Сократ спрашивает, известно ли тому, что он сын повитухи, очень опытной и строгой женщины, и продолжает: «А не слышал ли ты, что и я промышляю тем же ремеслом?». Несколько удивленный оборотом, который принимает разговор, Теэтет

приходит в замешательство, и тогда Сократ заявляет: рассказывают, тем не менее, что «я вздорнейший человек и люблю всех людей ставить в тупик». Наш философ подразумевает отрицательное мнение о своей персоне, ставшее разменной монетой среди людей, которые считают его человеком насмешливым, только и мечтающим о том, чтобы вызвать недоумение и поставить в тупик слушателей. Но это еще не все.

Если мы продолжим чтение диалога, то увидим, что наш мыслитель отмечает шесть важных характерных особенностей в деятельности повитухи и указывает на их общность с его занятием:

1. Повитухи лучше других могут установить беременность.
2. Они готовят зелья и знают заговоры, чтобы успокоить родовые схватки или замедлить их.
3. Помогают тем, кто рождает трудно.
4. Если сочтут нужным, помогут избавиться от незрелого плода.
5. Они горазды сватать, поскольку умудрены в том, какой женщине с каким мужем следует сойтись, чтобы зачать наилучших детей.
6. Повитухи бесплодны и помогают другим женщинам, когда сами уже не способны родить.

С учетом сказанного мы, пожалуй, можем провести следующие параллели: как повитухи могут установить беременность, так и мыслитель способен определить разницу между теми, кто готов принести что-то в мир, и теми, кто бесплоден. Однако философ не всем способен помочь в поисках того, что в них заложено, дабы явить это миру. С другой стороны, если повитуха помогает с помощью зелья и заговоров течению родов, особенно тех, что проходят тяжело, мыслитель все же не способен смягчить муки или трудности у тех, кто мыслит по его подсказке, он может лишь ослабить некоторые последствия, прибегая к определенным приемам, которыми он, вероятно, владеет благодаря своему многолетнему опыту. Кроме того, подобно тому как повитуха порой советует прибегнуть к выкидышу, зная, что плод нежизнеспособен, так и теоретик обязан установить некие пределы в мышлении, например «различие между истинным и ложным» и наверняка посоветует отместить ложное ради истинного. Точно так же, если повитуха занимается сватовством ради доброго потомства, мыслитель, вероятно, может предугадать последствия столкновения одной концепции с другой, результат сочетания разных идей или куда заведет нас отрицание одной и утверждение другой и, таким образом, даже не советуя, о чем нам следует мыслить, он все же способен помочь, дабы мы поупражнялись в мышлении и проверили результаты этого процесса («если ты назовешь это справедливостью, то не сможешь назвать справедливостью иное...»; «если ты хочешь жить свободно, то не позволяй себе того-то и того-то», и так далее). Наконец, и это не менее важно, — бесплодие общее для повитухи и мыслителя. Об этом аспекте сопоставления Сократ говорит: «Сам я в мудрости уже неплоден [...] бог понуждает меня принимать роды [души], роды же [плоти] мне воспрещает. Так что сам я не такой уж особенный мудрец, и самому мне не выпадала удача произвести на свет настоящий плод — плод моей души. Те же, что приходят ко мне... от меня они ничему не могут научиться, просто сами в себе они открывают много прекрасного, если, конечно, имели, и производят его на

свет. Повитуха же этого виновники — бог и я». (Там же, 150с-е, курсив мой. — Р.А.)

Сократ-повитуха не поработает, не убеждает, не давит, не сковывает, не читает морали, не декламирует истины, которые следует принимать на веру, не владеет чем-то непостижимым, «преподавая» его остальным, ничего не навязывает другим, ни к чему не принуждает силой. Сократ-повитуха содействует свободе другого, помогает ему отыскать то, что уже и так заложено в нем. Его бесплодие заключается в том, что у него нет ответа на все вопросы, даже на самые существенные, а есть лишь метод, средство, обстоятельства, дисциплина, порождающие одновременно и *смысл*, и острое осознание отсутствия знания*.

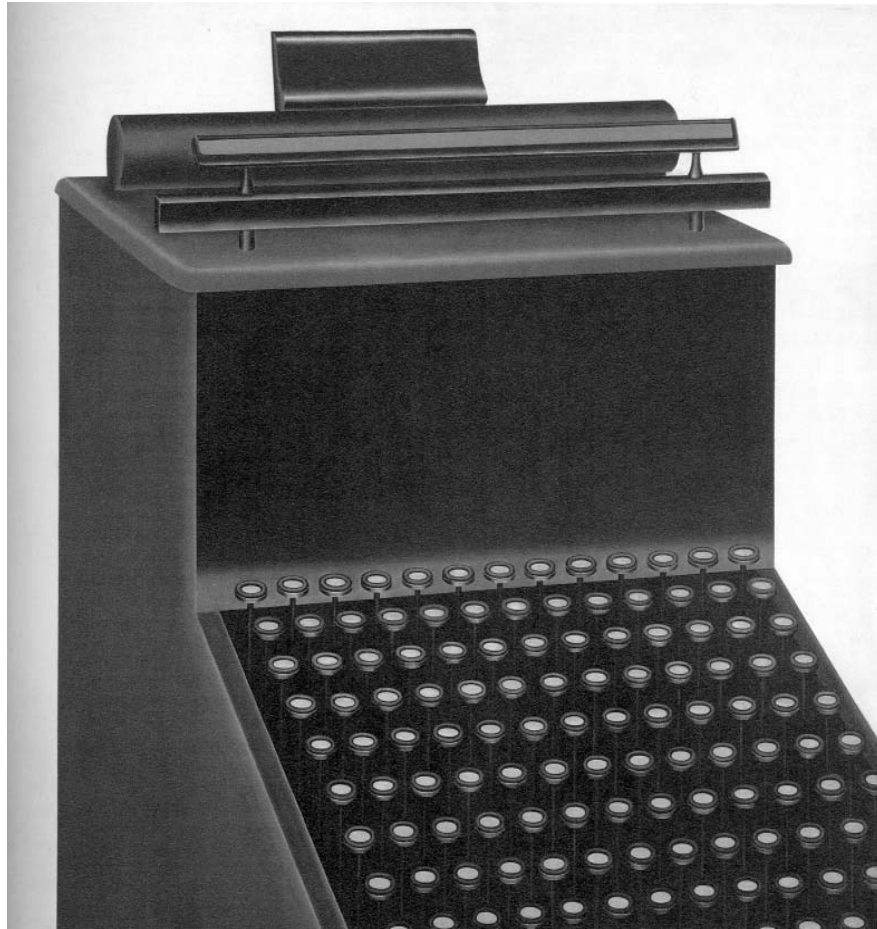
В действительности Сократ говорил, что размышление и воспитательный диалог — вот то единственное, что может придать смысл нашей жизни и нашему миру. Жизнь, прожитая без осмысления, бессмысленна. Жизнь без размышления, без обдумывания, без сомнения в данности, без мыслительного творчества, без творческого воображения, — такую жизнь не стоит и проживать. Только *пайдейя* (воспитание, культура) может подвинуть нас к росту; только она приближает к достойной политической деятельности.

Примечательно, что учение Сократа, по обыкновению, толкуется в нравственном ключе (сделать нас лучше, добрее...). Таким образом, явно упускается из виду политический аспект, который сопутствует реализации воспитательной задачи. Ведь мыслительная деятельность наделяет индивидов силой. Вместо того чтобы внушать: «Дети мои, вы должны быть хорошими», она наделяет их созидательной силой, позволяющей добиться блага для себя. Сам Сократ, связывая познание себя с благом для себя, уверен, что познать себя — значит уметь действовать, знать, кто ты есть, к чему стремишься, что хочешь совершить. Повитуха, следовательно, передает опыт власти не только над собой, но и над ситуацией и, в конечном итоге, развивает способность убеждать других силой слова.

Все это означает, что Сократ может позволить себе не предлагать технических решений политических проблем, а ограничивается тем, что предлагает решать их через диалог, побуждая собеседника к размышлению. Он не уповаet на научные истины, дабы оправдать наш выбор, а предлагает критически смотреть на вещи и не забывать использовать собственное чувство иронии.

Политически ориентированный сократовский дух в свои лучшие моменты наделяет человека словом, если позволите выразить это с некоторой педантичностью. Он учит использовать слово, совершенствоваться в мастерстве владения словом и тем самым дает возможности шанс стать реальностью, а от собеседников, в том числе и от нас с вами, требует использовать данные нам способности разумно и с пониманием. Размышления, постоянные упражнения в самостоятельности мышления, в диалоге, взаимной критике, совместном обсуждении всего, что нас окружает, — вот чему мы должны учиться. Речь идет не о правилах, а о качествах, а это сопряжено с серьезными последствиями.

* Для меня явился приятным сюрпризом тот факт, что почти все авторы текстов, составляющих данный труд, приняли точку зрения, близкую к изложенной в заповедях сократовской повитухи.

Конрад Клапек. Воля к власти. 1959

Мыслить, беседовать, обсуждать вовсе не означает упорствовать в предрассудках, повторять избитые истины, подлаживаться под стереотипы. Это не значит и восстанавливать суть, следовать традиции, адаптироваться к неумолимым законам; не означает это обрести безопасность, а с ней отраду, покой и уверенность. Повитуха помогает родить, но не устраняет (ей это не под силу) ни рисков, ни мук роженицы. Она ей помогает, учит ее, держит за руку, но не располагает средствами анестезии, которые позволили бы ничего не чувствовать. Мыслить — неминуемо болезненный и опасный процесс, который создает проблемы, расшатывает устои мира и самого мыслящего, изменяет нас, заставляет противостоять переменам и связанным с ними трагедиям.

Идея о том, что мыслить опасно, болезненно, разрушительно в наихудшем смысле этого слова, потому что это выбивает нас из колеи, принуждает к изменениям, и есть то, что отличает Сократа от ангажированных интеллектуалов прошедшего столетия. Ведь для них, для самой идеи ангажированности, для современной эпохи в целом (а в немалой степени и для эпохи постмодернизма) мыслить — значит открывать за-

коны, которые уже существуют. Законы истории, законы прогресса, эмансипации, разума, самоутверждения... По мнению ангажированных, мыслить — значит становиться ближе к миру. И когда мы мыслим, мы действительно приближаемся к сущему, вооруженные решениями, которые чудесным образом стали нам доступны. Ну, а если это не так? Если мышление запускало бы в действие процесс, в котором нам бы пришлось столкнуться с неизбежным человеческим разнообразием (Исайя Берлин), противостоять неминуемым рискам (Ханна Арендт), подвергаться опасностям, которые мы не в силах одолеть никаким очевидным способом (Мишель Фуко)? А если бы нас воспитывали, не предлагая окончательных, надежных и стабильных решений каких-либо проблем, а давали лишь метод, путь, подход для противостояния превратностям мира? Могло бы это привести к благим результатам, рождая гражданскую добродетель, критический настрой, самостоятельность мысли, гражданскую смелость, а не прочные и незыблемые основы, не вечные законы, не застывший разум? На мой взгляд, нечто подобное витало в голове у нашего Сократа, когда он заявлял: «Я таков, каким меня дал этому городу бог [...] вам нелегко будет найти еще такого человека, который... приставлен богом к нашему городу, как к коню, большому и благородному, но обленившемуся от тучности и нуждающемуся в том, чтобы его подгонял какой-нибудь овод. Вот, по-моему, бог и послал меня в этот город, чтобы я, целый день носясь повсюду, каждого из вас будил, уговаривал, упрекал непрестанно. Другого такого вам нелегко будет найти, афиняне» (Ап., 30e–31b, курсив мой. — Р.А.).

Таковы задачи овода, овода-интеллектуала: он жалит, критикует, иронизирует, насмехается, заставляет сомневаться, ниспровергает, предлагает альтернативы. Он выполняет эти задачи, подвижимый неукротимым демоном, этим божком, который, по собственному признанию Сократа, заставлял его без усталости мыслить, вступать в беседы, критиковать окружающее и тем самым выводить из равновесия то, что установлено.

Вероятно, теперь мы можем дать ему определение, которое порадовало бы старого учителя, то есть — не без иронии. Это демон духа заставляет нас мыслить, не давая ничему «закрыться» и превратиться в нечто незыблемое и законченное в нашей умственной и практической жизни. Именно он побуждает нас мыслить, а не заявлять, что задача выполнена, действия обоснованы, а основа бесспорна. То есть предстает не в виде некоего предмета или существа, а как занятие, исключительно состоящее в том, чтобы мыслить и вновь мыслить. И тем самым его связь с мышлением, анализом и критикой становится очевидной (Ап., 28e, 29e–30a, 30e и т.д.). И тогда отчетливее проявляется вероятная опасность самого мыслителя — ведь полис неизменно будет расценивать его присутствие как мало созидательное, дестабилизирующее. Следовательно, мысль, как любой *pharmakon* (снадобье), одновременно обладает и целебными и губительными свойствами, а демон, приводящий ее в действие и поддерживающий в ней жизнь, — это не бог, не судьба, не моральный дух, не какая-то религия, а умственная деятельность в чистом виде. Это потребность человека мыслить, отказавшись от заманчивости устоявшегося и незыблемого. Сократ, принуждаемый своими об-

винителями, сознается в неспособности следовать таким путем: «жить спокойно и в молчании» (там же, 37e). Жизнь безрассудная, беспутная, отвергающая критику, скользящая по прочным рельсам единожды установленного, обоснованного, застывшего, следующая стереотипам и избитым истинам, выдаваемым за мысль, отвергающая дискуссии и стоящая на неоспоримых убеждениях и унаследованных традициях, свободных от малейшей критики, не только скудна и глупа. В конце концов, она даже невозможна... по меньшей мере, для Сократа.

Обязательство Сократа перед *демоном* носит личный и одновременно политический характер. Оно связано с размышлением, с постоянными переменами и нововведениями, созидаящими (порядок) на зыбком и шатком основании и использующими иронию и диалектику как средства и руководство к действию. Даже в самые благоприятные моменты обязательство, или долг, встает на пути примирения (вечно желанного и заведомо недостижимого) между мыслью и сутью вещей. Отсюда возникает трагедия: мышление открывает нам путь к истине, но именно оно непрестанно подвергает ее сомнению. Такова природа мышления, таково его предназначение, в этом заключена его *telos* (цель): «в самокритике разума состоит его подлинная нравственность»*.

Если мы и можем сделать какой-то вывод из «дела Сократа», то он состоит в наличии глубокого недоверия между мыслителем и миром, в пропасти «взаимного» непонимания, антипатии, явного презрения. Мышление вносит разлад в мир, побуждает его к открытости, изменению, мутации. Мысль наделена такой силой, такой жизненной энергией, что неизбежно толкает к отчуждению: она вырывает нас из заурядности, из уюта привычного, общепринятого и традиционного. Данность, наследие, порядок служат для мысли опорой, но она использует их, чтобы бросить им вызов, изменяя направления и сферы приложения. В силу присущего мысли непостоянства она несовместима как с фанатизмом, так и с догматизмом. Она неизменно выталкивает за их пределы. Если фанатик заключает нас в сферу неоспоримого, а догматик — в сферу несомненного, то мысль не признает каких-либо пределов. Тут и там она потрясает существующий порядок и во имя добра, и для зла.

Образы повитухи и овода олицетворяют постоянное напряжение между мышлением и социумом, между заботой о себе и заботой о других, заботой о самой мыслительной деятельности и заботой о мире. Кстати, эта напряженность как раз и оставляет обширное пространство для выработки в *неопределенных* условиях основ общежития. И поэтому многие сочли это пространство чересчур ненадежным. И из-за его ненадежности, из-за боязни внезапного помрачения рассудка возникла обнадеживающая аргументация, с помощью которой сначала наш философ, а затем и другие пытались доказать, что работа мысли в любом случае полезна и может обеспечить «согласие» критики и полиса, интересов города и преимуществ мышления, мыслящей аристократии и политической демократии.

И именно Сократ заложил основу такой аргументации. Основу отдаленную, но составляющую суть наших нынешних политических ценно-

стей. Назову эту аргументацию *сократовской хитростью* и приведу ее как довод для примирения мысли и мира, мыслителя и общества: добро всегда порождает добро, а зло — только зло; добро никогда не порождает зла, а зло — добра. Иначе говоря: мышление является добродетелью, добродетель тождественна счастью, никто не творит зла по своей воле, зло — результат невежества, познание добра состоит в его выборе, единственное подлинное зло — это несправедливость, забота о себе означает заботу о том, чтобы не творить зла, и она тождественна заботе о других, забота о себе и о других — благо для общества и так далее. Более того: справедливое всегда полезно, всегда хорошо, всегда прекрасно.

Эта «хитрость» породила на Западе по меньшей мере три мечты. Во-первых, мечту о всеобщей родине, об отчизне без стен, о городе для всех, где не будет места неудобствам общежития. Город мудрецов, космополис разума, где мирское несовершенство исчезает вместе с границами и стенами и восторжествует жизнь под сенью вселенской справедливости: мечта о городе, который уже и не город вовсе.

Вторая мечта великолепно выражена Хорхе Луисом Борхесом: в один прекрасный день мы удостоимся чести жить без управления. Разумеется, отсутствие дисциплины, командующих... — вещь неплохая. И для тех, кто пережил политический опыт, подобный аргентинскому (или испанскому), она вовсе не кажется абсурдом. Но отсутствие собственного порядка, установленного отчасти силой дисциплины, нам неведомо... Отсутствие правления означает отказ от политического порядка и жите в некоей Аркадии полной транспарентности, в которой «я» и «мы» пересекаются в горизонте совершенства мечтаний.

Третья мечта заключается в идее о том, что осуществление первых двух возможно лишь при посредстве святого мудреца. Только он может одолеть силой своего разума мировое зло. Платон, в частности, будучи человеком далеко не наивным, предлагал в этой связи следующее: коль скоро зло в человеке невозможно искоренить, остается возможность бегства от него — «это посильное уподобление богу, а уподобиться богу — значит стать разумно справедливым и разумно благочестивым» (Теэт., 176b). Преодоление зла силой разума, справедливости и благочестия являлось в течение долгих веков почтенной традицией.

Эти три мечты не должны уводить нас от цели. Мы не можем жить в городе без политики, не можем жить без правления, не можем разрешить дилеммы только религиозным или нравственным способом. Мы должны взять *на себя* ответственность за нарастающие проблемы совместного общежития и тем самым признать их существующими. Мы обязаны подходить к ним с помощью мысли, разума и совместного обсуждения, как бы ни были ограничены эти инструменты и менее, пожалуй, удовлетворительными, чем мораль или религия. Нам стоит по-прежнему полагаться на развитие политической среды под водительством повитух и оводов и воссоздавать основы «полиса» посредством вольной мысли и разума, с помощью «пайдеи», творящей добродетельных граждан...

Перевод с испанского
Александра Казачкова

* T.W. Adorno. *Minima Moralia*. — Madrid: Taurus, 1998. — P. 125.

Права человека как философия нового глобализма

К 80-летию Людмилы Михайловны Алексеевой*

Александр Даниэль, руководитель программы «История инакомыслия в СССР: 1954–1987»
Научно-информационного и просветительского центра «Мемориал»

Я знаю, что для всех выступающих обозначен жесткий лимит: имя Людмилы Михайловны Алексеевой может быть упомянуто не более чем один раз в каждом выступлении. Я подчиняюсь этому правилу, установленному юбиларом, и намерен вообще ни разу не произнести эти три запретных слова.

21 год назад, в мае 1976-го в Москве было объявлено о создании Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений — диссидентской ассоциации, которую для краткости очень скоро стали именовать просто Московской Хельсинкской группой (МХГ). Основной ее задачей должен был стать мониторинг нарушений положений «третьей корзины» Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, систематизация полученных данных и представление результатов общественности и правительствам стран, подписавших в Хельсинки в августе 1975 года Заключительный акт. Сама идея представляется сегодня простой и почти очевидной, но весной 1976 года она отнюдь не казалась таковой. Советская независимая общественность, которую в те годы было принято называть диссидентским сообществом, шла к этой идее в течение, по меньшей мере, десяти лет. Первым и решающим шагом в этом направлении стало само возникнове-

ние независимой общественности в полутоталитарной сверхдержаве. Это случилось еще на волне протестных кампаний, поднявшихся вокруг судебных расправ с инакомыслящими в 1966–1968 годах. Сами по себе протестные кампании не были в то время каким-то уникальным, специфически советским явлением: в 1968-м бунтовал весь мир, от Сорбонны и Иеля до Кракова и Варшавы. Однако в советском протесте был ряд специфических черт. Одной из них было то, что у нас протестовали против системы не столько бунтари-маргиналы из среды учащейся молодежи, сколько 35–40-летние успешные представители среднего и даже иногда высшего советского истеблишмента. Я долго думал, уместно ли это слово в применении к докторам физико-математических наук, жившим в коммунальных квартирах на восемь семей, к членам Союза писателей, находившимся в перманентной конфронтации с государственной цензурой или, скажем, к редактору научной литературы, который хотя и являлся членом КПСС и имел довольно приличный партийный стаж, но в ни в какую номенклатуру даже близко не входил. И все-таки, подумав, решил настаивать на слове «истеблишмент»: с точки зрения необъятной российской провинции все мы, вся столичная интеллигенция — жители коммуналок и счастливые обладатели отдельных квартир, нищие изда-

Фото А. Карцюка

тельские работники и члены-корреспонденты Академии наук, получавшие вполне приличные по тем временам оклады и привилегии, конечно же, были истеблишментом, советским хай миддл классом, если угодно. Не столько по уровню благосостояния, в любом случае весьма и весьма относительного, сколько по тем позициям, неформальным и не вписывающимся в рамки номенклатурной иерархии, но признаваемым даже властями, которые эта группа или страта интеллигенции занимала в интеллектуальной и культурной жизни страны. Заметьте, не в подпольной, не в маргинально-диссидентской, а во вполне официальной, так сказать, подцензурной жизни. Протестные кампании 1966 и 1968 года показали, что это место, эта социально-культурная роль многих из этих людей глубоко не устраивали, что они без особых терзаний и даже с некоторым удовольствием и об-

легчением переходили в диссидентство, которое тем самым перестало быть явлением полуподпольным и маргинальным. В некотором смысле в этих кампаниях проявился назревавший бунт системы против себя самой, не атака извне, как у юных ниспровергателей основ с площади Маяковского, а внутренний взрыв. Конечно, у каждого участника тех протестных кампаний был собственный опыт самоосвобождения, собственный путь, но мне все-таки чудится, что при всей уникальности любого из этих опытов появившиеся диссидентские мемуары представляют нам некий типичный путь. К таким мемуарам относится, в частности, замечательная книга «Поколение оттепели», которая в прошлом году вышла наконец на русском языке*. Жизненный опыт, представленный в этой книге типичен. Не в том смысле, что точно такой же путь прошло заметное число представителей

*Выступление 20 июля с.г. в гостинице «Космос» на юбилейном вечере.

*Алексеева Л., Голдберг П. Поколение оттепели / Пер. с англ. З.Е. Самойловой. — М.: Захаров, 2006. См. также: Алексеева Л. История инакомыслия в СССР: новейший период. — М.: МХГ, 2006; Орлов Ю. Опасные мысли. Мемуары из русской жизни. — М.: МХГ, 2006. — Прим. ред.

данного поколения диссидентов, а в том, что в этих мемуарах представлен редкий случай отсутствия каких-либо значимых особенностей биографии. Это обычная биография обычного советского человека, в 1950-е пришедшего без каких-то специфических обстоятельств жизни, а исключительно под влиянием так называемой советской действительности к обычному инакомыслию, а в 1960-е ставшего обычным диссидентом. Именно в этой обычности уникальность и бесконечная ценность упомянутых мемуаров.

Но я отвлекся. Разумеется, бунтарей, которые, к немалому изумлению властей предержавших, внезапно завелись внутри системы в товарном количестве, она система более или менее систематически — простите за тавтологию — из себя извергала. Ученые лишались своих лабораторий (точнее — лаборатории лишались своих ученых), литераторам перекрывали публикации, обладателей партийных билетов изгоняли из «рядов ВКП золотых», к немалому их — не рядов, конечно, а изгоняемых — облегчению и душевному комфорту. (Забавно и характерно, что автор упомянутого мною «Поколения оттепели», будучи изгнанным из партии в апреле 1968 года, в течение многих лет скрывал этот факт, но отнюдь не от начальства или знакомых, а от одного-единственного человека — собственной мамы: чтобы не огорчать ее.) Эти полурепрессии достигли лишь одного: диссидентское сообщество оформилось, сплотилось, обрело четко ощущаемые контуры, выработало собственное самосознание и собственный модус вивенди.

Общеизвестно, что в основе этого самосознания лежала концепция прав человека. Однако далеко не все отдают себе отчет в том, что эта концепция отнюдь не была западным заимствованием, равно как и не была поздним воспоминанием о слабых опытах российского либерализма второй половины XIX и на-

чала XX века. Она явилась на советской почве автохтонно и внезапно, в те годы, когда основная стратегия западной пропаганды по расшатыванию устоев советского общества сводилась к передачам по радио современной легкой музыки. Железный занавес, хотя и изрядно пообветшавший, стоял (или висел?) на своем месте, и советская интеллигенция слыхом не слыхивала о Жаке Маритене, а о Кавелине и Кистяковском давно забыла. Идея прав человека родилась из опыта отечественной истории XX столетия как идеология антисталинизма, как формализация коренной русской идеи свободы и справедливости, как язык независимой общественной активности. Отцом этой идеи на советской почве часто называют замечательного человека, математика, философа и поэта Александра Есенина-Вольпина, одного из главных персонажей «Поколения оттепели», близкого друга автора. На самом деле здесь есть некоторое недоразумение. Учительная проповедь Алика Вольпина состояла отнюдь не в утверждении идеи прав человека. Алик — последовательный и крайний правовой позитивист, и его учение — тоже не заимствованное, а оригинальное, возникшее из его занятий математикой и философией — это апология права и правовой процедуры, а совсем не прав человека. В русском языке разница между этими двумя понятиями трудноуловима, попробуйте, переведите эту мою фразу, например, на английский язык, и вы сразу поймете, что я имею в виду. Тот факт, что ультрапозитивистские математико-правовые построения Вольпина были восприняты диссидентской интеллигенцией как пропаганда концепции прав человека, концепции по своей сути натурфилософской и, стало быть, в определенном смысле противоположной позитивизму, говорит о том, какой из двух подходов был на самом деле востребован обществом в середине 1960-х годов.

Я позволю себе здесь некоторое отступление философского характера.

Почему именно эта концепция оказалась в тот момент настолько востребованной? Почему именно она стала базовой идеей советского правозащитного движения, которое в свою очередь явилось стержнем и ядром классического советского диссидентства (в то время как правовой позитивизм Вольпина успешно и в охотку использовался на уровне тактики, для «бодания» с властями)? Один ответ очевиден: социуму, досыта наевшемуся грязной и кровавой политики первой половины XX века, сравнительно недавно обжегшемуся (мягко говоря!) на революционаризме и подпольщине, испытывавшему тяжелую идиосинкразию от самого слова «политика», позарез необходима была идея открытого гражданского неполитического действия, такого действия, которое не привело бы ни к революции, ни к тяжелым политическим потрясениям, ни к неразрывно сопряженному в современном русском сознании с политикой перерождению благих намерений в новую кровь, новые грязь и ложь. Права человека казались подходящей для этого базой, не подверженной отчуждению и перерождению.

Это объяснение правильное, но недостаточное. Ведь права человека — не единственная концепция, обладающая требуемыми свойствами; такой неотчуждаемой базой могло стать, например, религиозное возрождение, или толстовские концепции нравственного самосовершенствования и ненасилия, или стратегия гражданского неповиновения à la Махатма Ганди. Почему все-таки именно права человека? Именно в России и именно права человека?

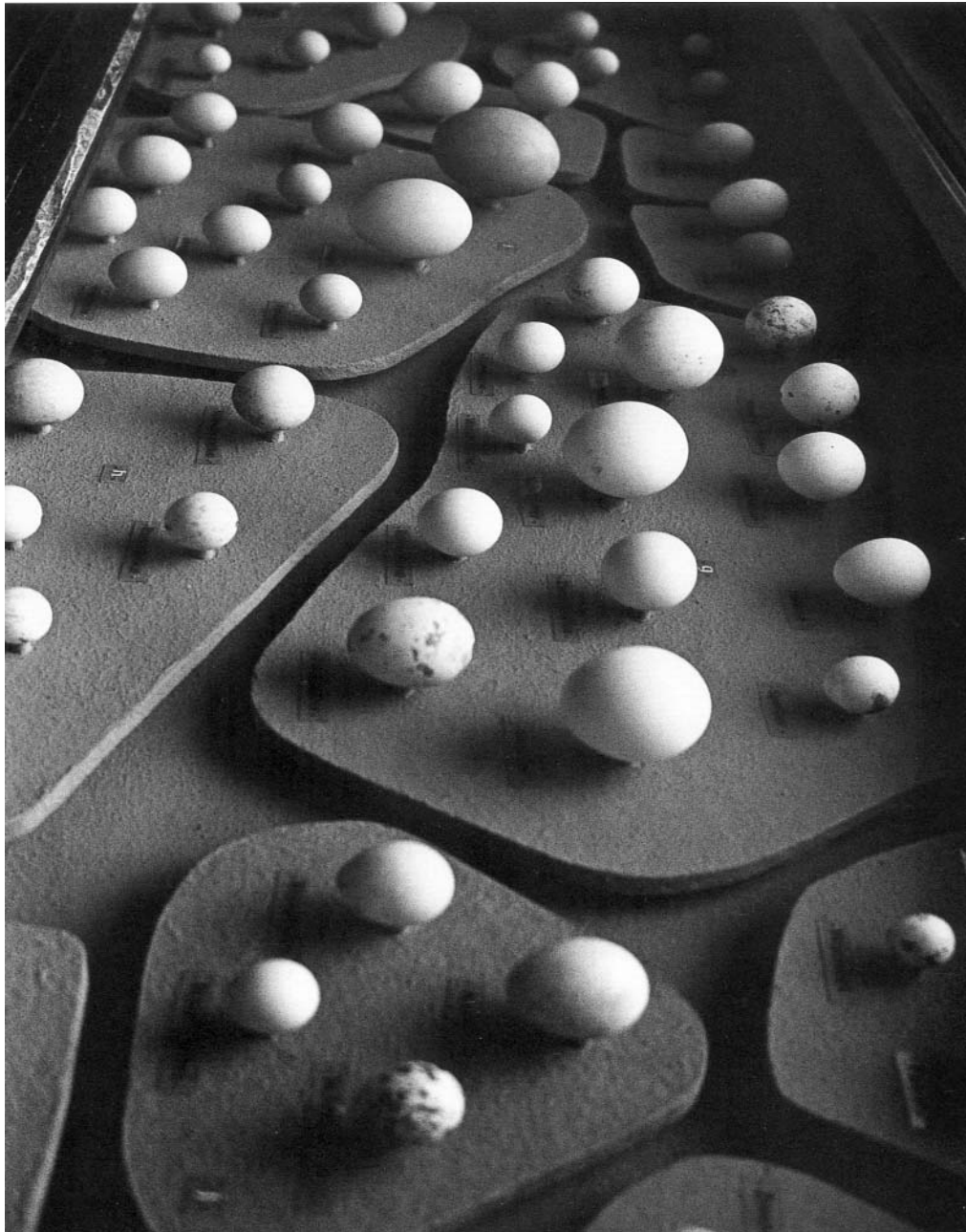
Мне кажется, что дело вот в чем. Уникальность российско-советского исто-

рического опыта состоит в том, что именно в СССР и только в СССР было до основания разрушено, в пыль стерто гражданское общество, уничтожены все его институции, прерваны или ослабле-

А ведь более коллективистского, более объединяющего мировоззрения, чем мировоззрение, основанное на правах человека, не существует в природе

ны все неподконтрольные власти коммуникативные отношения между людьми, вплоть до семейных, поставлена под строжайший запрет любая независимая коллективная инициатива. Под ударами молота сталинского террора общество в нашей стране исчезло, осталось население — толпа одиночек-полузекков, разобщенных, разъединенных, разрозненных, толпа в которой нет места гражданской ответственности и человеческой солидарности, где каждый за себя и никто — за всех. Одна из самых пронзительных и ярких тем «Поколения оттепели», многожды повторенная автором в ряде интервью, данных им исследователям из общества «Мемориал» и хранящимся в нашем архиве, это тема коммуникационного голода сталинской эпохи и жадного его утоления в годы оттепели. Межличностные, человеческие отношения худо-бедно восстанавливались в 1950-е, после сталинских разрушений; общественные, гражданские связи так и оставались в руинах.

Поэтому мировоззрение гражданского возрождения в Советском Союзе не могло не быть обостренно коллективистским — в противовес советскому атомарному индивидуализму. А ведь более коллективистского, более объединяющего мировоззрения, чем мировоззрение, основанное на правах человека, не существует в природе — лишь по недоразумению права человека принято

Сеичи Фуруйя. Без названия

рассматривать как продукт «западного индивидуализма». На самом деле права человека — это предельное, концентрированное выражение великой мысли о принципиальном единстве всего человеческого рода, всего человече-

ва, без каких бы то ни было изъятий. Некто обладает определенным набором прав не потому, что он член какой-то группы, этноса, класса, не потому что он умен или образован, не в силу своих выдающихся моральных качеств,

не потому, что он хороший гражданин и полезный член общества, а просто в силу того факта, что он — человек. Права человека не разъединяют, а объединяют людей. Я не знаю, я не специалист по части разных общественных философий, может быть, я изобретаю велосипед, но единственный источник, в котором я нашел именно такое, коллективистское толкование прав человека, это труды русского философа Владимира Соловьева. Философия прав человека — это философия свободы, философия самосогласованного общества, где индивидуальная активность каждого естественным образом, при минимальном внешнем регулировании, сопрягается с активностью всех остальных участников общественного процесса, а личные цели автоматически оказываются органической частью общего движения. Ничего более противоположного предельно разобщенному, предельно индивидуалистическому и предельно зарегулированному советскому общественному устройству придумать невозможно.

«Диссидентство как личный опыт» (если пользоваться формулой Андрея Синявского), диссидентство как индивидуальный акт открытого самовыражения существовало всегда, и в самые страшные годы террора тоже. Диссидентство как исторический феномен возникло в тот момент, когда индивидуальные акты начали перерастать в коллективные общественные инициативы — петиции, демонстрации, позднее — в независимые гражданские ассоциации. В социологии диссидентского сообщества этому соответствует процесс установления связей между различными компаниями, кружками, салонами свободомыслящей интеллигенции, полуподпольными интеллектуальными, литературными и художественными группами и слияния их в единую, как минимум, на информационном уровне, среду. Единство инфор-

мационного поля обеспечивало с весны 1968 года такое издание, как машинописный информационный бюллетень «Хроника текущих событий», к подготовке и распространению которого имел отношение и автор «Поколения оттепели» — это была тоже коллективная общественная инициатива и одновременно колоссальный шаг вперед к преодолению разобщенности. И, наверное, не случайно, что такие коллективные инициативы начали возникать именно в тот момент, когда диссидентское сообщество приняло концепцию прав человека.

Я вовсе не хочу, чтобы вы заподозрили меня в абсурдной мысли, что концепция прав человека как таковая — наше отечественное изобретение, что Россия — родина не только слонов, но и прав человека. В любом учебнике написано, как возникла эта концепция из недр европейского гуманизма, из остроумных по тем временам, но оказавшимся научно несостоятельными историсофских построений века Просвещения, как в ходе евроатлантических революций она превратилась в решающий политический фактор возникновения современных национальных государств, как легла она в основу современных конституций (и в основу сталинской конституции, кстати, тоже), какой бешеной и во многом справедливой критике подвергались ее мировоззренческие основы в течение всего XIX столетия, через какой тяжелый кризис она прошла в первой половине века XX-го, — этот кризис начался серией консервативных революций, неслыханных ранее революций, чей пафос был не в утверждении свободы, а в ее тоталитарном отрицании, и завершился Второй мировой войной, холокостом и Хиросимой, — и как, наконец, в 1948 году процесс модернизации либерализма и демократии нашел свое концентрированное выражение во Всеобщей декларации прав человека

ООН. Учебники не врут, это все правда. Я всего лишь хотел сказать, что в закрытом советском обществе эта идея возникала и развивалась автохтонно, исходя из собственно советского исторического опыта и вне прямой зависимости от опыта мирового. Что в этом отдельно взятом обществе права человека воспринимались не как данность, а как проблема, общественная и интеллектуальная. И что все это, очень не исключено, несло в себе зачатки новых возможностей, Западу не известных. Эти возможности обозначил все в том же 1968 году Андрей Сахаров, физик, написавший эссе «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». В этом эссе, написанном в духе Римского клуба, но при этом в полном согласии с гипотезой Владимира Соловьева о глобалистском, коллективистском и универсальном характере концепции прав человека (подозреваю, впрочем, что с этой гипотезой Андрей Дмитриевич не был знаком), свобода — прежде всего интеллектуальная свобода, то есть, попросту, гражданские права, — рассматривается как универсальный ключ и необходимое условие для ответа на глобальные вызовы, стоящие перед человечеством: политическая разобщенность, угроза ядерного апокалипсиса, культурные, экономические и экологические проблемы и т.д. Не будь слово «солидаризм» политически маркировано, я бы рискнул назвать это эссе манифестом нового солидаризма, основанного на правах человека. Сахаров только обозначил эти возможности; долгий и трудный путь к их реализации был начат другим физиком, профессором Юрием Орловым, историком, публицистом и литератором Андреем Амальриком и другими, обсуждавшими зимой 1975–1976 года идею создания независимой группы, которая осуществляла бы общественный

контроль за выполнением гуманитарных статей Хельсинкского акта. В мае 1976-го эти обсуждения вылились в создание Московской Хельсинкской группы.

Я вернулся к тому, с чего начал. Но, поскольку лимит времени еще не исчерпан, позвольте мне продолжить.

Это ключевое и переломное событие в истории советского правозащитного движения может трактоваться самыми разными способами, в зависимости от контекста, в который это событие помещается.

Его можно рассматривать как эпизод в информационной и пропагандистской войне «Запада» против СССР. Так его трактовали советские спецслужбы. Но это скучно и к тому же неправда.

Его можно рассматривать в контексте развития советского правозащитного движения как такового, как начало нового этапа: этапа специализации и профессионализации этого движения, превращение его из экзистенциального по своей сути движения общественного протеста в движение, осуществляющее — скорее, пожалуй, моделирующее — новую гражданскую политику, по выражению чехословацкого философа-диссидента Яна Паточки, «неполитическую политику». МХГ интегрировала опыт предыдущих диссидентских экспериментов в области общественной самоорганизации: в ее работе соединились правозащитные традиции Инициативной группы по защите прав человека в СССР и заявка Комитета прав человека в СССР на профессиональный уровень аналитической работы. МХГ, таким образом, стала первой профессиональной правозащитной организацией в СССР. Зимой 1976–1977 года при МХГ возникли две специализированные правозащитные организации: Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях и Христианский комитет защиты прав

верующих в СССР. В тесном партнерстве с МХГ работала первая в стране независимая организация, нацеленная на решение конкретных социальных проблем, — Инициативная группа защиты прав инвалидов. То есть создание МХГ послужило стартовым сигналом к формированию в стране гражданского общества уже не на уровне протестных деклараций, а на уровне реальных социально значимых коллективных инициатив. Так рассматривает возникновение МХГ и все, что за этим последовало, автор фундаментальной монографии «История инакомыслия в СССР: новейший период», единственного и до сих пор непревзойденного обзорного труда по истории советского инакомыслия, основательница научного изучения этого общественного явления — лицо, по счастливому совпадению являющееся одновременно автором мемуаров «Поколение оттепели». Так рассматривал его, вслед за автором «Истории инакомыслия», и ваш покорный слуга в ряде своих публикаций. Это правда и потому это менее скучно, чем предыдущая версия. Но это не единственный возможный контекст.

Мне хотелось бы коротко рассмотреть феномен МХГ в контексте общемирового развития идеи прав человека и в связи с этим — пусть это звучит несколько неожиданно — внести свои три копейки в вечный спор российских славянофилов и российских западников.

Напомню, что из искры, зажженной в Москве профессором Орловым и его товарищами, и в самом деле разгорелось пламя. Менее чем за год возникли аналогичные группы на Украине, в Литве, Грузии и Армении. В Чехословакии, по всей видимости не без влия-

ния советского опыта, создается «Хартия-77». Активисты КОС-Кор в Польше берут на вооружение правозащитный пафос МХГ. За рубежом, в Европе и США, были созданы наблюдательные группы и комитеты поддержки

Идея прав человека была переосмыслена русской культурой и русской общественной мыслью, превратившими ее в философию нового глобализма

советских хельсинкских групп; впоследствии эти группы расширили свою деятельность, занявшись сбором информации о нарушениях прав человека не только в СССР, но и в других странах, и объединились в Международную Хельсинкскую федерацию, ныне — одну из наиболее влиятельных и авторитетных правозащитных ассоциаций в мире. Деятельность всех этих групп, по мнению ряда исследователей, заметно повлияла как на развитие так называемой доктрины Картера (заявление президента США, что проблемы прав человека не являются внутренним делом отдельных стран, а предметом международных усилий, и что внешняя политика Соединенных Штатов будет исходить из приоритета прав человека над «национальными интересами» во всем мире). Начался общемировой процесс нового осмысления концепции прав человека и ее места в международной политике.

Я хотел бы особо подчеркнуть этот факт: до этого и на Востоке, и на Западе правозащитная активность де-факто рассматривалась скорее как досадная помеха межправительственным дипломатическим играм. Именно деятельность МХГ и все, что за этим последовало, превратила проблему прав человека в новый и действенный фактор международной политики. Этому фак-

тору суждено было во многом определить ход событий в мире в течение ближайших тридцати лет.

За это время современная западноевропейская мысль настолько привыкла к новому взгляду на права человека, что его «русские» корни слегка забылись. Но если мы говорим о соотношении между современной Россией и современной Европой, нельзя забывать, что в конечном счете и Россия, и Европа — это прежде всего люди и идеи. И что решающий вклад в модернизацию европейского политического мировоззрения внесли русские.

Это, в свою очередь, позволяет несколько по-иному взглянуть на старую дискуссию о том, следует ли России заимствовать западный политический опыт или продолжать гордо идти своим особым путем. Для меня сомнительна основная исходная посылка, которая молчаливо принимается и российскими «западниками», и российскими «почвенниками», и внешними наблюдателями. Я не уверен, что модернизация как раз и состоит в том, чтобы перенести концепции и идеалы, выработанные в Западной Европе и Северной Америке, на доселе чуждую им русскую почву. В сегодняшнем мире позиционирование народа и его культуры определяется не тем, **откуда** он заимствует идеи и принципы, а тем, **куда** он вносит собственные достижения, **частью чего** эти достижения становятся. Идея прав человека не просто была переоткрыта российскими диссидентами заново. Она была переосмыслена русской культурой и русской общественной мыслью, превратившись в ее из правовой концепции в философию нового глобализма. В России она приобрела важные новые измерения — как на интеллектуальном, так и на практическом уровне.

Не скрою: лично я думаю, что сегодня и эта новая, условно говоря, российская по происхождению концепция ис-

пытывает серьезный кризис, в ходе которого она должна или опять выйти обновленной, или рухнуть. Это путь любой глобально значимой общественной идеи: обновление через кризисы. Для того чтобы пояснить природу нынешнего кризиса, достаточно лишь произнести несколько названий: Ирак, Сомали, Балканы. Чаще всего этой политике бросают упрек в применении «двойных стандартов». Но это как раз не самый серьезный вопрос: что до меня, то я с ужасом представляю себе хаос, в который погрузился бы мир в случае всеобщего отказа от этих самых двойных стандартов. Впрочем, и с ними не сладко.

Это ведь еще наше счастье, что нынешнее российское руководство так заиклено на имперско-державных идеях. Ну-ка, если бы «антитеррористическая операция» в Чечне обосновывалась им как необходимость обеспечить соблюдение в Чечне прав человека. Между прочим, во время первой чеченской эта песня хоть и под сурдинку, но звучала. Конечно, можно сказать, что Буш в Ираке, по крайней мере, был искренним, а наши власти, говоря об обеспечении прав человека в Чечне как цели военных и карательных действий, непременно лицемерили бы. Но, во-первых, многие американцы не согласятся с этим утверждением в части, касающейся Буша; во-вторых же, дело не в лицемерии властей, а в принципиальной сути вопроса.

Возможно ли принуждение к добру, принуждение к демократии, принуждение к свободе, к соблюдению прав человека? Желательно ли оно? Сопрягается ли концепция прав человека с какими бы то ни было формами насилия? Каковы перспективы завтрашнего мира и завтрашней России в свете теперь уже необратимой глобализации концепции прав человека?

Это открытая и актуальная тема для размышлений.

Почему и как СМИ искажают действительность

Многие, в том числе социологи, считают, что СМИ создают ложное представление об обществе. И когда мне задали вопрос, почему и как они это делают, я думал об этом и, чем больше думал, тем меньше понимал, как на такой вопрос отвечать. Поскольку, с одной стороны, они, на мой взгляд, только этим и занимаются, но, с другой, — и в этом я тоже отчасти уверен — делают это не нарочно. Почему?

Потому что люди, которые пишут или рассуждают на ту или иную тему, не разбираются в ней достаточно глубоко, а писать, комментируя некое событие, или высказываться приходится чаще всего срочно. Нередко заимствуют сюжеты из того, что кем-то уже было написано, произнесено, размышляют по аналогии. Порой доходит до того, что какая-то ошибка, допущенная одним изданием, повторяется и тиражируется во многих других.

Есть, конечно, люди, которые разбираются в исследуемом предмете, но тоже искажают действительность, поскольку предвзяты, скажем, в отношении к Западу, к США, к конкретным политикам. В них крепко сидит набор штампов, и они оценивают даже новое явление с этих уже застолбленных позиций, даже в привычных выражениях. Это у нас. А, скажем, среди европейских и американских журналистов мы тоже без труда обнаружим таких комментаторов, предвзятых, например, по отношению к Северной Корее или Ирану. К сожалению, порой и к России. Они тоже соответствующим образом подают материал.

Я даже не трогаю пропаганду. Пропаганда — вещь намеренная, рассчитанная, но она не входит в нашу тему. Есть у нас сегодня пропаганда? Ну, разумеется, есть, она есть у всех, не только в российских СМИ. Я же говорю о том, что делается почти автоматически.

Следовательно, все сказанное тесно связано с проблемой профессионализма. Что такое профессионализм в печати и на телевидении? Прежде всего, на

Владимир Познер,
президент Академии
российского телевидения

мой взгляд, — объективность. Стремление дать возможность зрителю, читателю, слушателю узнать, как минимум, о двух точках зрения на то или иное событие, а лучше больше, чтобы сама аудитория, сравнив разные взгляды и оценки, сделала свой вывод.

Вот этот подход у нас, к сожалению, практически отсутствует. Причем, хочу заметить, отсутствовал всегда. Некоторые с ностальгией вспоминают прежнее НТВ, какое было замечательное НТВ! Действительно, во многом замечательное. Но описанного подхода там не было, хотя он порой хорошо имитировался. Фактически тоже была одна точка зрения. Как правило. Ну, а что касается сегодняшнего дня, то давайте согласимся с тем, что есть довольно изощренный подход со стороны властей к средствам массовой информации. Те СМИ, которые ни на кого не влияют, не меняют общественное мнение, они довольно свободны. Ну, конечно, когда региональная газета задевает губернатора или мэра, начинаются неприятности. Но, в принципе, чем меньше ваша аудитория, тем вы свободнее. Если вы дома будете вывешивать стенгазету, то можете ничего не бояться.

Подход именно такой: «газета? — и черт с ней». Если она не сделает чего-то такого, как, скажем, «Известия», опубликовавшие в свое время фотографии, которые шокировали общество, редактор может спать спокойно. В России наибольшим влиянием пользуется телевидение, хотя доверие к нему падает. Причем не просто телевидение, а то, что у нас называется «федеральные каналы». Я бы предпочел называть их «общенациональные каналы». То есть первый, второй («Россия») и четвертый (НТВ). Все опросы общественного мнения показывают, что именно на этих каналах очень жесткий контроль за информацией. Многие люди, политики и ученые, на этом телевидении не появляются. Именно потому, что власть этого не хочет. Владимир Рыжков, например, Людмила Алексеева «мелькают» лишь время от времени.

После просмотра нескольких каналов, где говорят, по сути, одно и то же, у зрителя, довольно неискушенного, складывается картина совершенно не та, что возникла бы при сопоставлении точек зрения, а вполне определенная... Определенная кем-то, кому это нужно, навязанная, по существу, картина. Человек может, чаще всего, как я говорю, мозжечком ощутить: что-то там не так, и поэтому падает уровень доверия. Но поскольку у него другого источника нет, и все-таки он в значительной степени верит говорящим с экрана, не всем, но многим, то у него и складывается то ощущение, которое сейчас есть.

Откуда это стремление контролировать основное средство массовой информации? Вспомните 1996 год. Борис Николаевич Ельцин накануне президентских выборов имел рейтинг 5 процентов, а Геннадий Андреевич Зюганов, председатель КПРФ, — 30 процентов. Было ясно, кто будет следующим президентом. Понятно, что очень многие, в том числе и люди, работавшие в СМИ, не хотели Зюганова, потому что мы все помнили, что такое работать при коммунистах. Но в связи с этим в Давосе состоялся некий договор между людьми, которые тогда управ-

ляли телевидением России, — Гусинским, Березовским, а также целым рядом людей, которых тогда называли олигархами. Сегодня олигархов нет, я на этом настаиваю, потому что у нынешних богатых людей нет политической власти. Все-таки понятие «олигарх» предполагает политическую власть плюс, разумеется, деньги. Так вот, эти люди договорились, что они будут всячески поднимать образ Ельцина и «мочить» Зюганова. Что и было сделано. Результат всем известен.

Люди, которые это сделали, и особенно те, которые наблюдали за этим политическим процес-

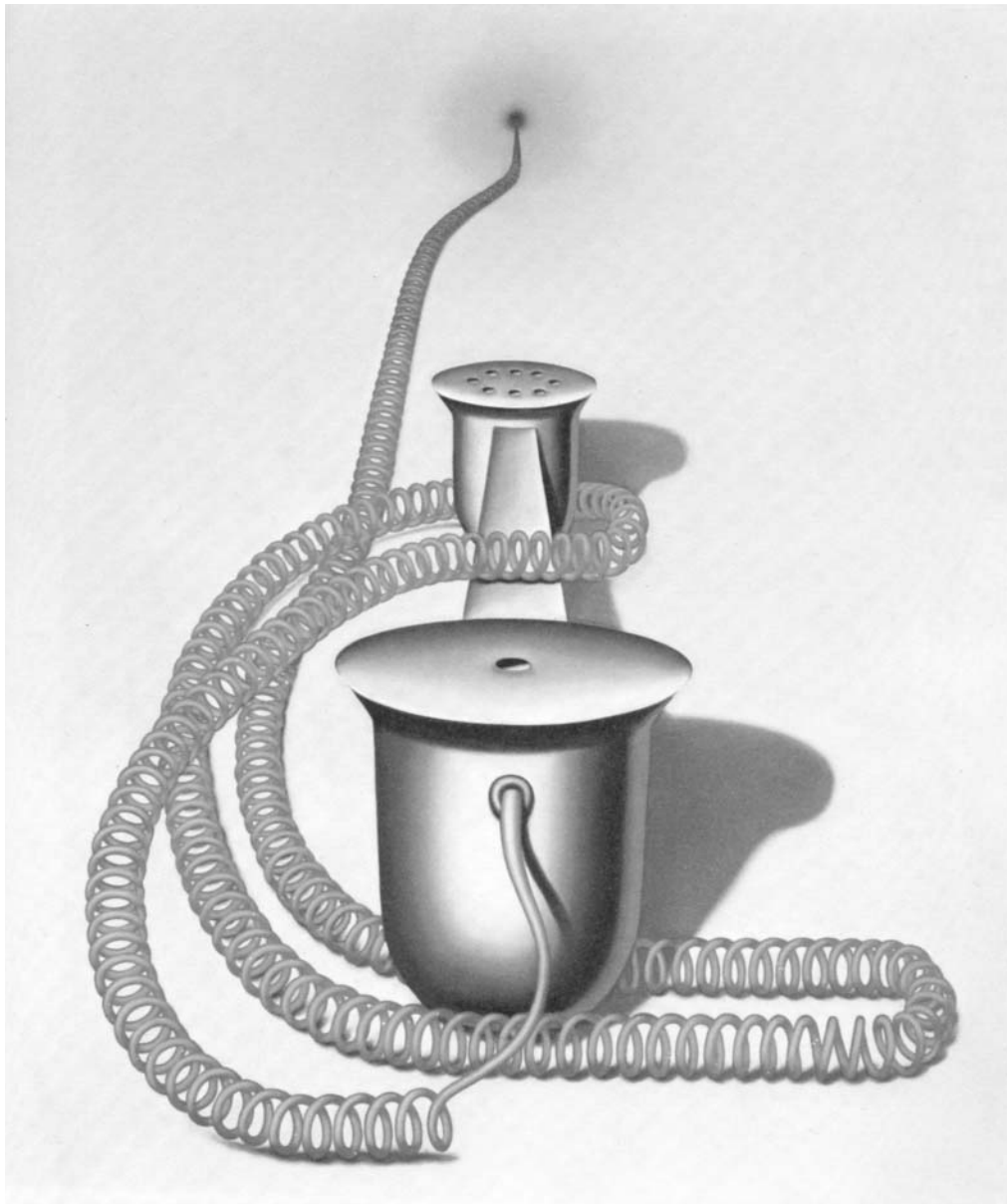
сом, тогда очень четко поняли, что можно делать с помощью телевидения. Очень предметный был урок. Это совсем другой опыт, которого в Советском Союзе не было. Кого велели, того и выбирали, голосование было без выбора. Этот новый опыт, с одной стороны, конечно, позитивен, как всякий опыт. Но, с другой стороны, он привел к тому, что отношение к телевидению как инструменту политического влияния стало совершенно иным. Каждый, кто у власти, разумеется, в силу своих возможностей, своего статуса и рычагов влияния стремится использовать телевидение в своих интересах.

Поэтому сегодня у подавляющей части населения нет отчетливого представления, в каком обществе оно живет. И этому напрямую способствует телевидение как главное СМИ, но делают это и другие средства массовой информации. То есть и в каждом отдельно взятом случае превращаются в инструмент влияния.

Но это только один внешний фактор, воздействующий на СМИ. В принципе совершенно непозволительно, чтобы газета или радио или телевизионная станция были частью более крупного бизнеса. Ведь если это часть того или иного бизнеса, то она и используется для этого бизнеса, в его интересах, а кроме того, и сама рассматривается как бизнес. То есть это уже не средство массовой информации, а средство продвижения бренда, средство зарабатывания денег. Такое происходит не в одной стране. Произошло, к моему большому сожалению, и в Соединенных Штатах.

Там все крупные телевизионные компании когда-то были созданы людьми, занимавшимися только телевидением, и это были, так сказать, золотые дни телевидения. Тогда появлялись выдающиеся мастера в информационной сфере, такие, как Роберт Мэрроу и другие. Потом телекомпании были куплены: «СBS» стала принадлежать «Вестинхаузу», «ABC» — «Диснею», «NBC» — «Дженерал Электрик», и все прежнее кончилось. Появилось другое телевидение. Ведь очевидно: если вы работаете на «NBC», то не можете критиковать «Дженерал Электрик», председателя правления компании, а также какие-то ее интересы, в том числе и политические. Могут возразить, мол, зато можно критиковать главу «Диснея». Да, можете критико-

*Каждый, кто у власти,
стремится использовать телевидение
в своих интересах*

Конрад Клапек. Избранник. 1981

вать, если у него не работаете. Но если вы просто телевидение, не подчиняющееся никакой корпорации, то у вас совершенно другие возможности.

Так вот, на путь развития, когда средство массовой информации превращается в часть более крупного бизнеса, стали уже и мы. Что такое «холдинг»? Газпром имеет сколько телекомпаний? НТВ — это Газпром, «Эхо Москвы» — тоже, сколько-то газет... В других случаях это может быть Потанин и еще какие-то корпорации. Но вот средство

массовой информации, независимое от других компаний, такого уже давно нет.

Это еще одна из причин искажения представлений о нашем обществе. Эти люди сегодня не стремятся сделать так, чтобы рядовой гражданин понимал общество, в котором живет. У них другой интерес. У нас ведь какое телевидение? Целиком и полностью коммерческое. Даже так называемый государственный канал «Россия», который получает очень хорошие деньги из бюджета, живет за счет рекламы. Ее здесь ничуть не меньше, чем на первом канале или на НТВ. Значит, если это коммерческие каналы, если они стремятся получить максимум дорогой рекламы, их интересует прежде всего одно — рейтинг.

Как добиться того, чтобы наибольшее число людей их смотрело? Идет поиск «общего знаменателя», то есть выкристаллизовывается тематика, подходы, которые пригодны для всех, должны понравиться всем или почти всем, а это значит, что уровень, не качество даже, а уровень требований к зрителю падает. Надо, чтобы попроще все было, чтоб зрителю не требовалось размышлять. Пусть сидит на диване и всасывает то и вот это, и канал превращается в развлекательное телевидение, где entertainment, развлечение, занимает основное место.

А в новостях не entertainment, а infotainment — знаменитое слово, которое у нас впервые произнес, хотя не он это придумал, Леонид Парфенов, — то есть развлечение информацией. У нас с Леонидом Геннадьевичем, с которым у меня самые лучшие отношения, был принципиальный спор на эту тему.

Несколько лет назад многие реки в Европе вышли из берегов, затопили города. Влтава в Праге разлилась так, что под водой оказался знаменитый Карлов мост, построенный в XII веке, а также утонул слон в Пражском зоопарке. Леонид Геннадьевич говорит: начинать новости надо со слона. То есть надо всадить гарпун в зрителя, потому что ему это интересно, а потом он уже будет схвачен нами, и дальше можно рассказывать остальное. Моя точка зрения была иная: если это правило, если каждый раз начинать новости со слона, то, в конце концов, зритель начнет думать, что утонувший слон — это куда важнее, чем погибающий памятник XII века Карлов мост. И тогда мозги у него смещаются, они у многих уже сместились, и шкала ценностей совершенно меняется, соответственно меняется и отношение к обществу.

Наверняка среди читателей есть и почитатели газеты «Коммерсантъ». Почитайте-ка в нем заголовки. Когда погибли шахтеры в Кузбассе, сообщение об огромных жертвах озаглавили: «Забойная трагедия». Ничего? И таких вещей много. Наши газеты будто взяли за образец опыт одесского бульварного издания начала века, сообщившего о массовом отравлении рабочих под заголовком «Рыбки захотелось».

Есть, наверное, две школы журналистики — англо-американская и, скажем так, германо-российская. Англо-американская считает: вот факт, а вот мнение, и давайте их никогда не путать, это разные вещи. У нас, и не только у нас, все перемешивается. Где факт? Где мнение?

Очень трудно разобраться. В одном случае говорят: человек, который ведет новости, не имеет права высказывать собственное мнение по поводу события. Он сообщает: сегодня произошло то-то и то-то — это англо-американский стиль. Наш стиль — обязательно дать понять, хорошая это новость или плохая. Два принципиально разных подхода к информации.

Я как зритель не хочу, чтобы мне ведущий сообщал, хорошая это или плохая новость. Дайте мне самому разобраться. Мнение мне не нужно. Вот когда будет круглый стол, когда будут спорить эксперты, я послушаю. Ответ на вопрос, как СМИ создают ложное представление об обществе, тут и заложен — да, вот так, навязывая мнение, и создают. Причем «ложное» здесь слово слишком сильное, предполагающее, что это делается преднамеренно. Отчасти преднамеренно, но далеко не всегда.

Я глубоко убежден, что люди, которые придумывают заголовки для «Коммерсанта», абсолютно не стремятся кого-то обманывать. Просто они хотят «себя показать», какие, мол, мы остроумные. Если вы возьмете газеты солидные, принятые в мире — «Нью-Йорк Таймс», «Лондон Таймс» и прочие, заголовок там выполняет свою естественную функцию. Ведь он зачем нужен? Чтобы сказать вам, что произошло, о чем пойдет разговор. Потом, за заголовком, идет лид — это очень лаконичное введение в тему. Оно тоже нужно, потому что все люди занятые и хотят сразу знать, стоит это читать или нет. А когда видишь шутовской заголовок, вообще не поймешь, о чем речь. То есть думают не обо мне, читателе, а о чем-то другом.

Состояние средств массовой информации в России сегодня, на мой взгляд, довольно незавидное. Из-за нескольких причин.

Первая — отсутствие понимания того, что есть журналистика. Этому не учат, в том числе и на факультетах журналистики. Я вообще против того, чтобы человек со школьной скамьи шел в журналистику, ибо это, скорее, не профессия, а образ жизни. Нужно иметь некоторый опыт, прежде чем туда идти, и понимать, для чего ты туда идешь. Расхожее представление, что, мол, все меня будут знать, это романтика, много денег — не тот мотив.

Второе — контроль, осуществляемый властью, как федеральной, так и местной, который тоже искажает картину жизни.

И, может быть, третье — отсутствие понимания, что есть свобода слова. Был такой председатель Верховного суда Соединенных Штатов Америки в 20-х — начале 30-х годов, его звали Оливер Вэндал Холмс-младший. Он сказал такую вещь: человек не имеет права кричать «Пожар!» в битком набитом кинотеатре только потому, что он *хочет* кричать «Пожар!». Последствия могут быть очень тяжелыми. Это ограничение свободы слова? Да. Это ограничение называется ответственностью. Свобода и ответственность абсолютно сопряжены. Чем свободнее человек, тем он ответственнее. А у нас понятие свободы — это, скорее всего, воля: что хочу, то и ворочу. Если мне этого не дают делать, значит, у меня нет свободы слова. У нас поразительная безот-

ветственность перед аудиторией. Мы называем факты, не проверив их, мы распространяем слухи, мы считаем возможным сказать «как говорят», «быть может», что в журналистике вообще недопустимо. Если нам скажут: «нельзя так!» — следует возражение: а как же свобода слова? Но это не свобода, это безответственность.

Есть, конечно, и неоправданные ограничения свободы слова. На мой взгляд, перспективы СМИ в России очень тесно связаны с тем, как у нас формируется и будет развиваться гражданское общество. В общем-то, у нас его пока нет.

*Контроль, осуществляемый властью,
как федеральной, так и местной,
искажает картину жизни*

Вот приняли непродуманный, ущемляющий интересы граждан закон о монетизации льгот. Кто вышел на улицы с протестом? Только те, кого это касалось. Если меня не касается — да пропади все пропадом. Более того, когда пару лет назад в одном из крупных российских городов зимой что-то случилось с отоплением, жители стали мерзнуть и, после бесполезных обращений в разные инстанции, люди вышли на улицу, перекрыли движение, из машин стали выскакивать водители и бить их! Такая вот у нас пока солидарность.

А что можно сделать, чтобы изменить положение? Каждый делает, что может, прежде всего, своим примером. Сейчас водители в Москве стали все же друг друга пропускать. Делаешь так ручкой: спасибо! Не во всех городах это происходит, но в Москве — да. А почему? Не потому, что закон приняли. А потому, что кто-то начал это делать. Один, второй, третий, двадцатый — и стали понимать: он меня пропустил сегодня, завтра я его пропустил. В стране, где не было гражданского общества, потому что все решал дядя, должно возникнуть чувство собственной ответственности и солидарности. Кто может этому способствовать? Конечно, средства массовой информации. Но кто там работает? Да те же самые люди, у которых нет пока ощущения, что они граждане. Потребуется время...

Нас иногда называют Четвертой властью, но мы никогда ею не были. Мы далеко не едины в каких-то своих принципах. Даже когда убили одного журналиста, другого, много ли коллег выступили с протестом и возмущением? Мы призываем к созданию гражданского общества, но сами, как часть его, как журналистское сообщество, ведем ли себя так, чтобы с нас брали пример?

Среди всех политических деятелей всех времен и народов мой любимый — 16-й Президент Соединенных Штатов Америки Авраам Линкольн, который как-то написал: «Я буду делать все, что я могу, пока я могу. И если в итоге окажется, что я прав, то все слова моих хулителей и критиков не будут означать ничего. А если окажется иначе, то даже 10 ангелов, поющих мне славу, ничего не изменят». Я обожаю эти слова и, если угодно, пытаюсь ими руководствоваться.

Новый публичный менеджмент*

Публичный менеджмент и администрирование

Проблема реформирования публичной администрации так же стара, как и сама администрация, но размах и последствия реформ, ведущихся на протяжении последних десятилетий, исключительны. Современные реформы обычно объединяют определением “новый публичный менеджмент” (НПМ), используемым с 1980-х годов (Hood in: Smelser and Baltes, 2001) для описания совокупности перемен в публичном секторе, восходящих к концу 1970-х. Хотя за этим выражением скрывается весьма разнообразное содержание (Hood, 1991; Peters, 2000), различные концепции НПМ образуют идеологию правильного управления публичным сектором. Вероятно, элемент, объединяющий их в наибольшей степени, — это решающее значение управления процессами в публичной сфере, а не ее администрирование в традиционном толковании. Кроме того, согласно НПМ, значительная часть ответственности за результаты публичного управления и правильного управления вообще лежит на менеджерах в большей степени, чем на политических лидерах. НПМ основывается также на убеждении, что наилучший способ управления состоит в предоставлении менеджерам существенной самостоятельности.

Различия между менеджментом и администрированием в области публичного управления, может быть, не столь очевидны, но они существуют. Наиболее фундаментальное изменение, связанное с реформами НПМ, состоит в более широком использо-

вании идей, заимствованных из частного сектора. В самом деле, НПМ часто воспринимается как “общий менеджмент” (*generic management*). Это понятие предполагает, что публичный и частный менеджменты в основе своей схожи (см. Allison in: Shafritz and Hyde, 1987). В этом контексте вопросы ответственности (*accountability*) или реагирования (по отношению к политическим лидерам или к населению), находящиеся в центре забот публичной администрации, становятся существенно менее значимыми. Вместо этого в основе НПМ — увеличение управленческих возможностей путем использования техник управления, заимствованных из частного сектора. Таким образом, акцент переносится на управленческий аспект за счет аспекта политического.

Воздействие НПМ на администрацию

Использование в управлении публичным сектором идей, заимствованных из рыночной сферы, обусловило весьма разнообразные перемены. Хотя такие значительные перевороты в политической экономии, как приватизация или экономическое дерегулирование, осуществлялись в тот же период, что и НПМ, новый публичный менеджмент как идеология сосредоточен более на том, каким образом правительство выполняет свои задачи, чем на существовании самих задач. Рыночные идеи, содержащиеся в НПМ, оказали тем не менее влияние и на административную структуру, и на управление персоналом и организациями, и на выбор инструментов публичной политики. В структурном плане реформы имели целью разрушить правительственную монополию в

некоторых областях, создавая автономные или полуавтономные организации в публичном секторе (Pollit and Talbot, 2003), организуя внутренние рынки товаров и услуг, ранее распределявшихся посредством иерархических механизмов, или более широко включая частный сектор в распределение услуг.

Некоторые из самых важных перемен в соответствии с установками НПМ были осуществлены в области управления персоналом. Во-первых, традиционные системы оплаты и аттестации чиновников были отменены или изменены для стимулирования личной заинтересованности в достижении результатов. Во многих странах этот принцип получил расширительное толкование: штатное место чиновника может быть поставлено под вопрос или аннулировано в случае его несоответствия должности или плохих результатов. Более того, поскольку менеджмент теперь рассматривался как общий для публичного и частного секторов, руководящие функции в административных органах могли быть предоставлены лицам, вышедшим из частного сектора, что разрушало закрытый характер некоторых карьерных систем. Все эти изменения были задуманы с целью ввести конкуренцию между индивидами в публичном секторе и, следовательно, тем самым увеличить его эффективность. Это ослабление влияния административных способов управления персоналом чиновников вписывается в общий процесс дерегулирования административного аппарата, что является еще одной особенностью нового публичного менеджмента. Обычный упрек в адрес классической административной системы состоит в том, что правила и регламенты управления (в отношении персонала, бюджета, снабжения) мешают компетентному менеджеру реализовать свои таланты. Необходимость утверждать все действия *ex ante* (заранее) замедляют работу администрации. Поэтому сторонники НПМ предлагают

устранить большинство контролирующих инстанций и сделать так, чтобы предупреждение погрешностей в действиях основывалось не на правилах, а на оценке *ex post* (по окончании) результатов работы и компетенции менеджеров. НПМ подразумевает также более тесное взаимодействие между публичным и частным секторами. Помимо того, что он способствует мобильности менеджеров между двумя секторами, новый публичный менеджмент предполагает привлечение частного сектора для публичного обслуживания (с помощью организаций, как коммерческого, так и некоммерческого характера). Эти принципы расширили практику контрактов и партнерства между публичными и частными секторами и применения многих видов инструментов для привлечения частных акторов в сферу публичных услуг. В некоторых версиях НПМ потребителям услуг отводится место для активного участия в определении политических приоритетов и в оценке работы организаций. В этой логике некоторые версии НПМ поощряют вовлечение чиновников нижнего звена в общественные организации. Увеличение полномочий (*empowerment*) потребителей и чиновников является положительным вкладом НПМ в функционирование публичных организаций.

Наконец, новый публичный менеджмент оценивает эффективность администрации исходя скорее из критериев успешности, чем из процедурных критериев: в то время как традиционная публичная администрация опирается главным образом на процедуры установления неукоснительных правил работы своих служб, НПМ учитывает непосредственно то, что реально сделано организациями. При отсутствии четких норм (каковыми в области рынка является прибыль) акцент на категорию успешности потребовал разработки объективных и субъективных показателей для ее оценки, а также повышенного

* Статья из готовящегося к изданию Словаря публичных политик (*Dictionnaire des politiques publiques*. Laurie Boussaguet, Sophie Jacquot, Pauline Ravinet (dir). — Paris: Presses des Sciences Po, 2004. — 520 p. (Перевод с французского В.И. Божовича.)

внимания к определению отдачи (*outputs*) от действий в публичном секторе. Меры в этом направлении далеко не всегда безупречны, но они, по крайней мере, предлагают некую форму оценки деятельности администрации.

Пределы НПМ

Новый публичный менеджмент, безусловно, принес пользу государствам и их административным аппаратам: почти во всех индустриальных демократиях публичный сектор стал более эффективным и деятельным, чем до этих реформ. Большинство администраций публичного сектора теперь привлекают меньше людей для оказания тех же услуг; услуги оказываются быстрее и вызывают меньше жалоб. Но, несмотря на эти положительные сдвиги, изменения, осуществляемые благодаря НПМ, имеют и негативные последствия.

1) Самое серьезное негативное последствие состоит в отказе от традиционных форм ответственности. С превращением менеджеров в центральные фигуры управления публичной сферой и с предоставлением им большей автономии в осуществлении их собственных организационных задач механизмы ответственности, предполагающие известное подчинение публичных администраторов целям, зафиксированным избираемыми представителями власти, теряют свою роль.

2) НПМ обострил извечную проблему координации, разделяя администрацию на более или менее автономные организации и наделяя руководителей этих организаций все более широкими полномочиями.

3) Модификация карьерной системы вызвала потерю значительной части «организационной памяти» в публичном секторе. Публичные программы, возможно, страдают также от руководства людьми, плохо знакомыми с особыми обязанностями и ответственностью,

налагаемыми публичным сектором. Наконец, поскольку большинство менеджеров частного сектора не усвоило ценностей, необходимых для ответственного управления в публичном секторе, изменение карьерной структуры способно увеличить возможность коррупции и злоупотреблений.

4) Возросшее вторжение частного сектора в администрацию усложнило предоставление публичных услуг и контроль за соответствующими службами. В некоторых случаях обнаруживается, что это не только увеличивает, но и снижает эффективность предоставления услуг. Например, обязанности поставщиков услуг могут быть слишком жестко зафиксированы в контракте, что препятствует необходимой гибкости в ответ на запросы клиентов.

Новый публичный менеджмент не показал всех преимуществ, обещанных его сторонниками, но и не привел к тем ужасным последствиям, которые предсказывались его противниками. Как большинство идеологий, НПМ содержит и элементы истины, и сомнительные идеи. Правительствам надлежит решить, превосходят ли выгоды от реализации НПМ ту цену, которую приходится за это платить.

Б. Гу Петерс

Библиография

- Allison (Graham T.). Public and Private Management: Are they fundamentally Alike in all Unimportant Respects, in: Jey M. Shafritz and Albert C. Hyde (eds). // *Classics of Public Administration*. — Hamewood (Ill.), Dorsey, 1987.
- Hood (Christopher). New Public Management, in: Nell J. Smelser and Oaul B. Baltes (eds). // *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. — Amsterdam, Elsevier, 2001. — P. 1235–1259.
- Peters (B. Guy). *The Future of Governing*. — Lawrence (Kan.), University Press of Kansas, 2000 (2-е изд.).
- Pollit (Christopher) and Talbot (Colin). *Unbundled Government*. — London, Routledge, 2003.

Крах империи

Так как трудно понять, что происходило в экономике и политике России в «ельцинские годы» вне контекста более ранней советской экономической истории, попытаюсь коротко рассказать о предпосылках событий 90-х. О том, почему мы оказались в экономической ситуации, которая сложилась к 1991 году.

Много раз при обсуждении экономической политики 90-х я вынужден был отвечать на вопрос, почему мы не пошли тогда по китайскому пути? Почему нельзя было поступить, как Дэн Сяо Пин, то есть сначала провести упорядоченные экономические реформы, а потом думать о реформах политических? Неужели опыт не показывал, что такой путь более эффективен? А дело в том, что в Китае был устойчивый экономический рост, в Советском Союзе — крах экономики.

Еще в ходе экономической дискуссии в 1928–1929 годах в советском руководстве шла острейшая борьба вокруг выбора пути экономического развития. Тогда председатель Совнаркома Рыков и главный идеолог партии Бухарин предлагали путь, названный потом китайским. Он предполагал сохранение финансовой стабильности, частного крестьянского хозяйства, рыночных механизмов и при этом — авторитарный контроль коммунистической партии. А Сталин предлагал другой путь, который и был реализован. Сталин победил.

Главным подспудным аргументом Бухарина, который обычно не приводился публично, но хорошо виден из документов, было то, что мы не можем в крестьянской стране заставить крестьянскую армию силой отбирать хлеб у крестьян. Сталин же утверждал: а я заставлю. И заставил. Но только последствия этого были долгосрочные. Так бывает в экономической истории: что-то делаешь, а десятилетия спустя это дает результат, имеющий немалое значение. Последствием выбранной модели индустриализации, основанной на систематическом ограблении крестьянства, были такое падение продуктивности, эффективности сельского хозяйства и социальная деградация села, каких не знала ни одна крупная страна мира.

*Егор Гайдар,
директор Института
экономики переходного
периода*

В странах более развитых, чем Советский Союз (или Россия), никогда крестьяне не дискриминировались в эпоху индустриализации. Обычно владельцем крестьянского хозяйства оставался старший сын, а младшие дети были вынуждены искать работу в городе. Однако стремление сохранить привычный род занятий было одной из важнейших причин эмиграции сельских жителей Старого Света в Америку, Канаду. В Советском Союзе каждый более-менее способный крестьянин понимал, что главное, чего нужно добиться любой ценой, — это сбежать из деревни, где ему платили в 10 раз меньше, чем в городе, где он не имел права на пенсию, где крестьяне были прикреплены к месту работы, у них не было паспортов. Как только в 1956 году крестьянам выдали паспорта, началось их массовое бегство из обнищавшей деревни. Нетрудно представить, какая сформировалась социальная среда в деревне, и что произошло с эффективностью сельского хозяйства.

Уже в 1953–1954 годах, после смерти Сталина, кризис аграрного сектора советского хозяйства был осознан руководством. То, что у нас на десятки миллионов человек выросло городское население (с 1956 по 1975 год почти на 64 млн человек), а производство зерна 15 лет не росло, и это ключевая проблема страны, прекрасно описано в записке Хрущева Президиуму ЦК КПСС в январе 1954 года. Дальше была длинная дискуссия, что делать — осваивать целину или вкладывать деньги в Нечерноземье. Решение, которое было принято при поддержке Хрущева, — осваивать целину — с точки зрения советского, социалистического хозяйства, логично. Чтобы мало-мальски эффективно осваивать средства, вложенные в Нечерноземье, надо было, по меньшей мере, распустить колхозы. Но это никогда всерьез не обсуждалось, было идеологически за гранью возможного. Освоение целины — это более понятный социалистический метод ведения хозяйства: крупные инвестиции, создание привилегий для тех, кто переезжает из деревни колхозной в деревню совхозно-целинную. Хрущев добился повышения объема закупок государством зерна на 20 млн тонн и на 10 лет в какой-то степени снял ключевую проблему с зерном. Но именно на 10 лет, а не навсегда. Потенциал целины был исчерпан, заготовки зерна расти перестали. Мы вкладываем в село огромные ресурсы, принимаем резолюции на съездах КПСС, а заготовки не растут, потому что деревня разорена.

А городское население между тем растет и становится ясно, что кормить страну можно только за счет импорта. Россия накануне Первой мировой войны была крупнейшим в мире экспортером зерна, вывозила его больше, чем Канада и Соединенные Штаты Америки вместе взятые. Когда в 1963 году Советский Союз впервые в крупных масштабах закупил зерно, 12 млн тонн, потратив на это треть золотого запаса, Хрущев писал об этом как о национальном позоре, который нельзя больше терпеть. Но пришлось терпеть, и долго. К 1980-м годам СССР становится крупнейшим в мире импортером зерна, покупает его существенно больше, чем два следующих за ним импортера — Китай и Япония. Закупаем, в зависимости от колебания урожая, от 35 до 45 млн тонн.

Закупаем за счет чего? Есть страны, которые покупают много сельхозпродукции за счет продукции своих обрабатывающих отраслей, скажем, Япония. Но советское руководство понимает, что почти ничего из продукции этих отраслей мы на мировой рынок поставить не можем. Единственный ресурс — продажа нефти. Еще в начале 60-х годов уникальные нефтяные месторождения были открыты в Западной Сибири, и мы начинаем их осваивать. При этом темпы роста добычи нефти в этом регионе уникальные: уже в 1970 году Западная Сибирь — одна из крупных мировых нефтегазовых провинций, за следующие 15 лет добыча нефти здесь

*Если вы просите политически
мотивированные кредиты, то должны
соблюдать правила игры, которые
предлагают люди, у которых вы занимаете
деньги*

возрастает в 13 раз. В советском руководстве идут оживленные дискуссии, очень острые, жесткие, по поводу стратегии освоения. Скажем, квалифицированный и ответственный министр нефтяной промышленности Шашин неоднократно говорил своим коллегам из Госплана, из Совета министров и из ЦК КПСС: то, что делают с нефтью Западной Сибири — это авантюра, эксплуатировать месторождения с такой интенсивностью — значит убить их. Тоже один из самых квалифицированных советских руководителей последних десятилетий премьер-министр Косыгин имеет обыкновение звонить Муравленко, начальнику Тюменнефтегаза и просить: дай 3 миллиона тонн нефти сверх плана, с хлебушком уж очень плохо. В результате дебет скважин начинает быстро падать. Это значит на простом языке: то, что раньше стоило 1 рубль, стоит теперь 10 рублей — в капитальных вложениях, в текущей эксплуатации.

На это накладывается еще один фактор — специфика рынка нефти. Когда цена на автомобили изменяется на 15 процентов — это революция. А в брежневскую эпоху цена на нефть достигла (в нынешних ценах) 80 долларов за баррель.

Вот начало ельцинской эпохи. Падение нефтяных цен происходит еще при Горбачеве, но проблема достается Ельцину.

Падения цен на нефть никто не ожидал, но оно было предопределено общей ситуацией на рынке, хотя содержало и политический компонент. Советскому руководству удавалось до определенного момента манипулировать рынком нефти, в том числе и террористическими методами. В своей книге «Гибель империи»* я цитирую письмо Андропова Брежневу, а официальный документ мы успели рассекретить в 1992 году. Речь о том, кому и как СССР должен помочь в организации террористических актов, направленных против нефтепромыслов и крупных танкеров, чтобы поддержать высокие

* См.: Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России. — М.: РОССПЭН, 2007.

цены на нефть. Но если ты играешь на этом рынке таким образом, тогда не думай, что ты один такой умный. А ты еще умудряешься сделать фантастическую ошибку: на нефтяные деньги влезает в Афганистан. Если в 1973 году Саудовская Аравия в результате арабо-израильского противостояния вводит эмбарго на поставки нефти в Соединенные Штаты и объявляет, что она взорвет нефтепромыслы, если американцы попытаются применить силу, то в 1979-м, когда мы входим в Афганистан, Саудовская Аравия понимает, что ее нефтепромыслы отныне находятся под угрозой с другой стороны, и отношения между Саудовской Аравией и Соединенными Штатами радикально меняются. Потому что Саудовская Аравия понимает: ее нефтепромыслы никто, кроме США, не защитит. Один из самых влиятельных в истории этой страны руководитель ЦРУ Уильям Кейси едет в сентябре 1984 года в Эр-Рияд. После этого контекст отношений двух стран радикально меняется и становится возможным то, что произошло 13 сентября 1985 года: министр нефтяной промышленности Саудовской Аравии шейх Ямани заявляет, что его страна радикально меняет нефтяную политику: перестает поддерживать высокие цены, начинает наращивать добычу нефти. За следующие 6 месяцев Саудовская Аравия увеличила добычу в 4 раза, цены упали тоже в 4 раза, а Советский Союз не получил экспортных доходов в размере 20 млрд долларов, отчего советская экономика толком никогда не оправилась.

Потеря для бюджета 20 млрд долларов резко обострила проблему снабжения продовольствием населения СССР. Советское руководство стояло перед выбором из трех возможных выходов из положения.

Первый — распустить восточноевропейскую империю, то есть перестать поставлять нефть и газ в Восточную Европу, перебросить все поставки в страны, которые способны платить за это конвертируемой валютой. Это было бы самое разумное решение. Но можно с уверенностью сказать, что любой генеральный секретарь ЦК КПСС, который попытался бы на пленуме ЦК КПСС объяснить ничего не понимающему советскому руководству, что придется, по сути, отказаться от всех результатов Второй мировой войны, имел бы нулевые шансы выйти с пленума генеральным секретарем.

Второй вариант — отказаться от сельскохозяйственного импорта. Но это значило посадить крупные города, включая Москву и Ленинград, на нормы снабжения более низкие, чем те, которые существовали даже во время войны. И это после того как мы 70 лет рассказывали, что ведем народ к счастливому будущему.

Третье — практически остановить военное производство, остановить инвестиции, импорт комплектующих из-за рубежа, остановить Тольятти, например, множество военных городов. Это был бы конфликт со всей элитой и множество локальных конфликтов.

Что делает советское руководство? Оно принимает мужественное решение: закрыть глаза на происходящее — и надеется, что как-нибудь все образуется. Но, закрыв глаза, ты должен, тем не менее, обеспечивать 40 млн. тонн импорта зерна. За счет чего? Понятно: ты занимаешь. Начали в массовых масштабах занимать деньги, чтобы профи-

Борис Михайлов. Без названия

нансировать сельскохозяйственный импорт. У Советского Союза к 1985 году прекрасная кредитная репутация, лучше, чем у Китая. Кредиторы нам говорят: занимайте, пожалуйста, дорогие друзья. Занимаем год, занимаем два, три, а на четвертый год нам говорят: дорогие друзья, хватит занимать, теперь отдавайте, у вас, кстати, половина кредитов — короткие, до года. Мы отвечаем: но нам же надо продовольствие закупать! Говорят: надо, тогда идите к нашим правительствам и просите их. Документы, подтверждающие суть этого диалога, тоже приведены в моей книге.

Особенно забавно, когда мне рассказывают, каким предателем советского народа был Э. Шеварднадзе, тогда министр иностранных дел. Я цитирую документы, направленные ему от советских ведомств с трогательными просьбами: любой ценой добиться политически мотивированных кредитов от руководства западных стран. Ну, а что делать-то? Когда вы просите политически мотивированные кредиты, то есть не у коммерческих банков, а у правительств, они всегда имеют политический контекст. Если бы в 1985 году советским руководителям сказали, что Советский Союз будет вести переговоры о политических уступках, на которые он готов пойти в обмен на политически мотивированные кредиты западных стран, то никто бы не поверил. А в 1989 году это становится важнейшим элементом всей официальной переписки, связанной с внешней политикой. Если вы просите политически мотивированные кредиты, радикально меняется контекст отношений. Тогда о равенстве уже речь не идет, тогда вы

Маркос Сантilli. Без названия. 1987

должны соблюдаться правила игры, которые предлагают люди, у которых вы занимаете деньги.

В Восточной Европе всем становится понятно, что Советский Союз в этой ситуации не способен применить против них силу, на которой держалась вся восточноевропейская часть империи. С этого момента восточноевропейские режимы рушатся в течение нескольких месяцев. Но все это не ограничивается Восточной Европой. Если вам позарез нужны деньги, то это оказывает влияние и на внутреннее положение в стране, и на то, что вы можете, а чего не можете сделать. А у вас начинает рушиться та отрасль, от которой, собственно, зависят ключевые параметры вашей экономики — нефтяная: добыча нефти падает на 54 млн тонн. А, повторяю, от нефти зависит снабжение продовольствием крупных городов.

1989 год — это только начало кризиса. Не хватает 30 млн тонн зерна для мало-мальски нормального снабжения населения хлебом, а животноводства кормами. Из-за отсутствия денег мы начинаем срывать графики отплаты наших обязательств, и нам перестают поставлять зерно.

Между прочим, население тогда все прекрасно понимало, это сейчас не понимает, забыли люди то время. Вот опросы ВЦИОМа весной 1990 года — это еще не пик кризиса, до него еще далеко, больше года. И тем не менее уже более половины опрошенных сочли возможным наступление экономической катастрофы, 42 процента — голода, 51

процент — перебоев с подачей воды, электроэнергии. И руководство, кстати говоря, неплохо понимает ситуацию. Вот как описывает ее член Политбюро, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Гидаспов: «Вот трахнет кто-нибудь по витрине в Ленинграде — начнется контрреволюция, мы не спасем страну».

Складывается катастрофическое положение с запасами зерна — у нас нет денег его покупать, у нас нет ресурсов, необходимых для снабжения городов без импорта. Нам не дают кредитов. Что делать? Вот еще

*Все понимали, что человек, который
пойдет на либерализацию цен,
это политический самоубийца.
Ельцин идет на это...*

один документ. Советскому руководству докладывают: деньги кончились вообще. Их нет даже на содержание посольств, оплату их счетов за электроэнергию. И мы не можем вывезти персонал посольств, у нас на это тоже нет денег. Попытка переворота 19–20 августа 1991 года была заведомо обреченной хотя бы по экономическим причинам. Конечно, у инициаторов путча не нашлось надежного полка, который был бы готов убить достаточное количество людей, собравшихся у Белого дома, чтобы обеспечить путчистам политический контроль. Такое уже случалось — у царя, который отдал приказ стрелять в народ 25 февраля 1917 года, тоже не нашлось такого полка. Но я могу себе представить: нашелся бы полк, и что? От этого прибавилось бы валюты? Прибавилось бы зерна? Кто-нибудь дал бы под это кредит? Никаких шансов удержать власть у них не было. Когда я читаю, как премьер-министр Павлов напился вдрабадан в ночь принятия решения о введении чрезвычайного положения, легко его понимаю. Он лучше других организаторов путча сознавал экономическую безнадежность этого мероприятия.

На этом фоне Б. Н. Ельцин и принял реальную ответственность за происходящее в России после распада СССР. Что он получил? Страну, в которой нулевые резервы валюты на протяжении последних 10 лет была крупнейшим в мире импортером зерна. Он получает информацию о том, что резервов зерна хватит в идеальном варианте до начала февраля следующего, 1992 года, а урожай в России собирают начиная с июля. Информацию, что добыча нефти упала на 54 млн тонн и по инерционному прогнозу должна упасть не меньше чем на 60 млн тонн в следующем году. При этом он понимает, будучи человеком политически грамотным, что после краха политической системы Советского Союза за этим последует крах армии. Кому уже теперь подчиняется, скажем, мотострелковая дивизия на Украине? Да черт его знает — кому, но Кравчук сказал, что подчиняется ему.

Идея взять зерно, просто используя методы 1917–1918 годов, применив неограниченный объем насилия, была заведомо несостоятельна. Что остается делать? Не остается другого выхода, кроме как предложить за зерно ту цену, за которую его готовы продавать. Это означает либерализацию цен.

Либерализация цен — страшное дело, советская элита боялась этого до судорог. Все понимали, что человек, который пойдет на либерализацию цен, это политический самоубийца. В декабре 1991 года Борис Николаевич собирает государственный совет, все руководство страны, и говорит, что, на его взгляд, другого выхода нет. Там сидят Хасбулатов, Руцкой, но есть ли кто-нибудь, кто не согласен с Ельциным? Есть ли у кого-нибудь другие идеи? В ответ — мертвое молчание. Я, говорит Ельцин, это так понимаю, что все согласны. 3 декабря 1991 года он подписывает указ о либерализации цен в России. Это потом будут люди, которые скажут, что это было идиотское решение, безответственное, которое ограбило народ и т. д. Но тогда — мертвая тишина. Да, все согласны.

Он идет на это. Он самый популярный политик в стране, и он использует эту популярность, чтобы спасти страну от голода. Дорогой ценой, в том числе ценой своего политического капитала. После этого ему в ближайшем окружении говорят: слушайте, ну, теперь, когда уже все сделано, цены отпустили, давайте скажем народу, что да, допустили ошибку, позвали каких-то странных неопытных ребят... К сожалению, цены вернуть нельзя, но мы тех, кто это сделал, снимем, поставим опытных хозяйственников... Это, мол, единственно возможная политически тактика.

Что он делает вместо этого? Он летает по ключевым городам России и объясняет, что все, что сделано, совершено на благо России и по его личному указанию. Ему это тяжело. Мне Немцов рассказывал, что Ельцин прилетел к нему в Нижний Новгород буквально в первые дни после либерализации цен, пошел встречаться с людьми, в магазин пошел. Люди ему говорят: господи, что же это такое, что за ужас, это же катастрофа, разорили, ограбили, убили. Это ему, который привык, что его народ на руках носит, потому что он харизматический политик. Он объясняет им, что это нужно было сделать, ничего страшного, приходится пострадать. Потом садится в машину, закрывает глаза руками, говорит: что же я наделал? Надо же понять, каково было с этим столкнуться публично политику, привыкшему быть любимым. Нет, все равно не сдастся, продолжает ту же политику. Ну а дальше?

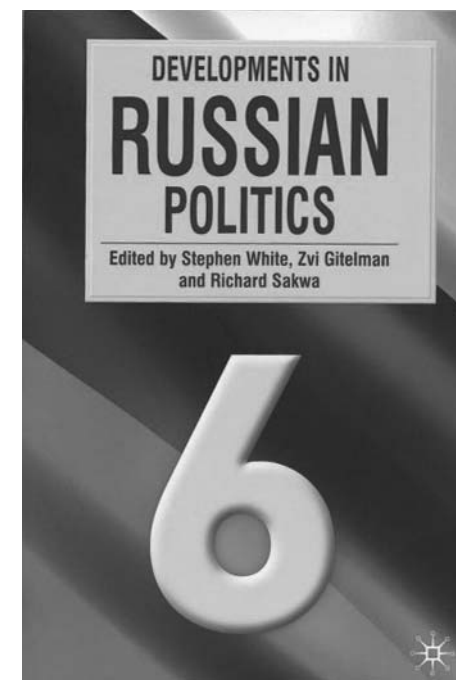
Восстановить экономический рост после краха Советского Союза было не просто, и удалось это сделать не быстро, но он оставляет своему преемнику растущую экономику. Восстановить нефтяную промышленность после краха 80-х было не просто, но он оставляет своему преемнику растущую добычу нефти. Он оставляет своему преемнику золотовалютные резервы, которые были в сотни раз больше тех, что получил сам.

Он оставляет своему преемнику страну, еще социально не устроенную, но уже гораздо менее неустроенную, чем та, которую получил он сам.

Учебник для оптимистов

Stephen White, Zvi Gitelman and Richard Sakwa (eds.). *Developments in Russian Politics* — 6. — London: Palgrave, 2005. — xviii, 284 p.

Уже несколько лет подряд унылый контекст отечественной политики убеждает меня в том, что в стране абсолютно ничего не происходит — лишь непрерывно и как-то неощутимо, каждый день и каждую минуту, наполняются закрома ВВП, суля всем нам, когда-нибудь в будущем, благостное процветание. Недавно, однако, в моих руках оказался очередной выпуск учебника «Текущая российская политика», который заставил по-новому взглянуть на зияющую пустоту нашей общественной жизни. Знаменитое британское издательство *Palgrave*, прославившееся именно учебной литературой, традиционно уделяет нашей стране большое

внимание: достаточно сказать, что пособие, о котором идет речь, издается с 1990 года уже в шестой раз. Среди кураторов серии известные в России исследователи Ричард Саква и Стивен Уайт, много печатающиеся по-русски. Да и авторский коллектив вполне им соответствует: достаточно упомянуть таких знатоков нашей страны, как Майкл Макфолл, Томас Ремингтон или Гордон Хан. Список, разумеется, не полный: всего в книге четырнадцать глав, посвященных самым разным нюансам социально-политического бытия современной России, от федерализма до экономической политики, и каждая написана признанным профессионалом в конкретной сфере.

Общий дух книги, на мой взгляд, можно запечатлеть двумя словами: в России «все нормально». Никто из авторов, скрупулезно и беспристрастно исследующих различные сегменты политического организма нашей родины, более не скорбит и не сокрушается по поводу его изъянов и несовершенств — диагноз в пределах нормы. «Общая картина не так мрачна, как можно было бы предположить», — уже в вводной главе констатирует Ричард Саква, предвосхищая все дальнейшее повествование (р. 1). Боюсь, что такова общая тональность нынешнего восприятия нашего отечества на Западе: от России больше не ждут чу-

дес, как ждали их в первые годы перестройки, ее учатся воспринимать такой, какая она есть. И вообще за рубежом российский транзит отныне стараются не называть «переходом к демократии», теперь это просто «переход», конечный пункт которого, в лучшем случае, неизвестен. Но не исключено также, как предполагают некоторые, что транзит, собственно, уже и завершился, и в лице нынешнего режима распрощавшаяся с коммунизмом Россия пришла именно туда, куда должна была прийти.

Как я, не британский студент, а российский интеллигент, должен относиться ко всему этому? У Хулио Кортасара есть замечательный рассказ, герой которого обретает полноту бытия, ежедневно посещая городской аквариум и наблюдая за жизненными перипетиями тамошних рыбок. Естественно, он достраивает за них их собственный мир, приписывая им одно, другое, третье до тех пор, пока не вживается в образ настолько, что сам превращается в одного из постоянных обитателей аквариума. Вот в этом внезапном смещении перспективы вся изюминка повествования. Ведь одно дело размышлять об аквариуме, любясь им извне, и совсем другое дело — иметь в нем постоянную прописку. Много из того, что со стороны может казаться «нормой», изнутри представляется вопиющей аномалией. Я вовсе не хочу сказать, что титулованные специалисты по России ничего не понимают и ни в чем не разбираются, напротив, зарубежная литература, посвященная нашей стране, зачастую бывает в десятки раз интереснее, чем, скажем, шедевры современной отечественной политологии, в изобилии публикуемые издательством «Европа». Речь идет совершенно о другом.

Это, если хотите, конфликт двух способов восприятия мира — статического и динамического. Если бы я не жил в России, мне тоже, наверное, хватило бы умного и четкого диагноза, поставленного авторским коллективом рецензируемой работы, ибо он вполне точен и высокопрофессионален. Но я, в отличие от авторов, проживаю и далее собираюсь проживать в обществе, которое они столь грамотно препарировали. Поскольку такая перспектива меня ощутимо тревожит, хочется знать важное: как все-таки мой родной российский социум будет *меняться к лучшему*? Как можно запустить в нем механизм позитивного и постоянного самообновления, способного преодолеть нынешнее политическое закисание? Об этом, к сожалению, в книге нет ничего. Зато, вполне в духе избранного авторами жанра, завершает эту публикацию знаменитый пассаж Гоголя о Руси-тройке (р. 256). Что и говорить, мощный эвристический ход, демонстрирующий к тому же знакомство с нашей классикой. Может быть, ответы на мои вопросы обнаружатся в последующих выпусках «Текущей российской политики»? Если конечно, в России тогда еще будет политика.

Андрей Захаров

Региональное книжное обозрение

В.А. Лоскутов. Постсоветский тоталитаризм. — Екатеринбург, 2006. — 688 с., илл.

Что делать республиканцу, если ему выпало счастье жить в республике?

Ж.П. Сартр «Слова»

Перефразируя слова Сартра, можно спросить, что делать человеку, который выступает против тоталитаризма, если ему все-таки выпало счастье жить в обществе, где тоталитаризма нет?

Оказывается, ему рано расстраиваться, так как довольно трудно найти общество, в котором совсем нет тоталитаризма, и даже если на первый взгляд общество выглядит демократическим, тоталитарные настроения и тенденции в нем вполне могли остаться от прошедших десятилетий. Именно об этом, о рудиментах тоталитаризма в современной, но все еще постсоветской России и написана книга Владимира Лоскутова «Постсоветский тоталитаризм».

Как пишет автор, «предмет... исследования в данной книге — власть, историческая природа власти... то, что произошло с пирамидой тоталитарного советского народовластия за годы демократических реформ, особые формы развития современной российской власти». Все эти и многие другие вопросы автору удалось отразить в книге, которая представляет собой собрание его статей, опубликованных за несколько лет в различных журналах.

Книга написана о том, что представлял собой советский тоталитаризм, как глубоко он успел «пустить корни» в обществе и в каждом из тех людей, кто считал себя советскими гражданами, а также о том, какие из этих ростков в нас еще живут и что со всем этим делать.

После прочтения книги остается совершенно четкое понимание того, что борьба с тоталитаризмом не завершена, а точнее, что все, что воспринималось как его полное искоренение, всего лишь мимикрия, благодаря которой так хорошо получилось сохранить себя уже в новой, «свободной» и «демократической» стране.

Автор, будучи доктором философских наук, довольно успешно смог проложить для читателя путь среди таких непростых философских и политических категорий, как власть и «не-власть», демократия, социализм, тоталитаризм, коррупция, номенклатура, суверенитет. Разумеется, с многим в книге можно и наверняка нужно спорить, так как это

все же не учебник, а скорее приглашение к размышлению, новый взгляд на вопросы, которые продолжают занимать общественную мысль.

Меня лично не смутили «метафизические отступления», которые использует автор, перегруженность текста метафорами, отсылками к различным историческим периодам. Все это, как и замечательные иллюстрации Игоря Смирнова, в конечном итоге направлено на достижение одной единственной цели — вызвать потребность вступить в спор о явлениях, которые нас окружают, понять их природу, а также сделать наконец вывод, нужно ли такое общество, в котором, отказываясь от дарованной свободы и демократии, все еще ждут бекеттовского Годо?

Анна Добровольская
(Белгород)

Чечня: тени исчезнувших. Розыск без вести пропавших в зоне чеченских войн 1994–2005 гг. Т.1. Составитель: Мадина Магомадова. — Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2006. — 464 с.

«Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». (Всеобщая декларация прав человека. Ст. 1)

В правовом государстве все действия государства и граждан регулируются законом.

Словно заклинания, эти тезисы многократно повторяются в книге «Чечня: тени исчезнувших». Пусть они прочно осядут в умах читателей, закрепятся в сознании как незыблемая ценность. Для Мадины Магомадовой, составителя книги и президента Ассоциации «Матери Чечни за мир», эти слова имеют большое значение, поскольку ей постоянно приходится взывать к соблюдению этих общепризнанных в мире ценностей, зачастую попираемых в нашем государстве. «Чечня: тени исчезнувших» — это летопись забытых государством людей. Людей, которые «исчезли с лица земли и исключены из состава граждан России, хотя свидетельства о рождении и гражданские паспорта их сохранили матери, ждущие возвращения своих детей» (с. 8).

500 страниц первого тома и более пятисот потерянных жизней. Фотографии, место проживания, прописка и это ужасающее — «дальнейшая судьба неизвестна». «Здесь нет никакого монтажа и искусственно выстроенных звеньев. Обстоятельства так сложились, что факты, приведенные в книге, достоверны и по настоящее время являются процессуальными фактами в уголовных делах по без вести пропавшим гражданам Чечни» (с. 4). Мовлид Кадаев, чемпион Чечни по спортивной гимнастике, мастер спорта, приехал из Москвы, чтобы забрать родителей из горящего Грозного и был задержан российскими военными. Дальнейшая его судьба неизвестна. Шамса Магомадов тоже, как оказалось, шел в историческую пропасть: его за-

брали недалеко от села, где жили мать и сестра. Родственники еще верят, что он жив, хотя надежды на это с каждым годом все меньше. Мадина Магомадова подробно описывает все трудности, которые испытала сама в поисках собственного брата. Сорок документов приложены к ее тексту, дабы ни у кого не возникло сомнения в том, что ее слова не выдумка, а вызов государству, которое до сих пор не может разобраться, где находятся его граждане и живы ли они вообще. За период вооруженных конфликтов в Чечне без вести пропало более 25 тысяч мирных граждан. Каждая вторая чеченская семья разыскивает близкого человека, некоторые — до трех человек. 90 процентов разыскиваемых и впоследствии пропавших были задержаны российскими военными. «Страшная книга», — сказала мне знакомая, пролистав лишь несколько страниц. Да — в ней тени людей, которые не знали об уготованной им участи. В книге нет никакой риторики: холодных слов и чудовищных фактов достаточно, чтобы читателя сразу же бросило в жар.

Сейчас 2007 год. В Чечне до сих пор ждут людей, не воевавших, но сгинувших в той войне. Уже взрослые дети и старые матери не пишут им письма, не спрашивают об их здоровье: о них не известно НИЧЕГО. Чиновники, военные путаются в показаниях: то подтверждают место пребывания заключенного, потом опровергают сами себя. Как в годы массовых женщины ждали возвращения мужей из лагерей, так и сейчас матери Чечни молятся о возвращении своих сыновей.

«В наши дни принято обвинять если не в банальности, то в отсутствии стиля, когда сравниваешь теперешние времена со сталинскими. Выбора, однако, история России не предоставляет: приходится быть банальным, чтобы не врать», — этими словами завершается книга «Чечня: тени исчезнувших».

Виктория Евликова
(Ярославль)

И.Б. Фан. От героя до статиста: метаморфозы западноевропейского гражданина. — Екатеринбург: УрО РАН, 2006. — 313 с.

Кто такой гражданин? Вопрос стар как мир. С таким же успехом можно было бы выяснять, есть ли жизнь на Марсе? На самом деле вопрос действительно значим, особенно сейчас, когда тема гражданственности и гражданского общества стала предметом спекуляций, как в политике и в бизнесе, так в любых аспектах повседневной жизни.

Особенно мне нравится современный лозунг о повышении гражданской активности среди молодежи и методы, которые выбирают для формирования этой «активности», такие интересные, я бы сказала, специфические — концерты рок-групп, тематические дискотеки, даже кино — и телерепертуар и те формируются под влиянием воспитательных перспектив. Только вот объяснить пресловутой молодежи забыли, что значит быть гражданином, как защищать свою гражданскую пози-

цию, и есть ли она у них вообще, позиция эта, а главное, желание чего-то добиваться и что-то отстаивать?

Это о наболевшем, а теперь о книге. Введение меня не потрясло, врать не буду, первая часть тоже особого интереса не вызвала (исторический феномен становления гражданина в Греции и Риме — очень приблизительно напоминает те метаморфозы, которые происходят сейчас), а вот когда во второй части добралась до средневековья — интересно стало, оказывается не очень-то далеко основная масса обывателей продвинулась в этом процессе.

Сегодня, как и в Средние века, многие ставят на первое место пресловутые «символы власти» — следуют за большинством и, пренебрегая истинными ценностями, «ложатся» под более сильного лидера (партию), лишь бы остаться на плаву. Элитарное преобладает над эгалитарным, разделение власти происходит по принципу «свой — чужой», хотя это сложилось еще в античности, но, как мне кажется, сохраняется и работает в наше время абсолютно.

В монографии это изложено намного интересней, иллюстрировано многочисленными жизненными примерами и высказываниями великих философов, поэтому пересказывать — смысла нет, но вот отметить некоторые моменты, достоинства книги, на мой взгляд, стоит. Издание ясно структурировано. Понимание феномена гражданина складывается постепенно, параллельно с его превращениями во времени. Интересно наблюдать, как вместе с изменениями личности формируется и мир вокруг. Как общество влияет на эти изменения, как рушится и восстает из руин шкала ценностей, как символична борьба с внешними врагами, которая подменяет нередко внутреннюю бездуховность теряющей силы правящей элиты.

Эпиграф второй главы меня потряс: «Мне как ценою всего иного должно стяжать Христа; Как богатство я несу нищий крест» (Григорий Богослов). Я и не предполагала, что увижу здесь, как духовность была низведена до материальных благ, а Священная война превратилась всего лишь в способ наживы. А ведь все так хорошо начиналось... Герои, Прометей... А чем все закончится? Однако автор не зря отказался от заключения, подведения итогов, ведь «все течет, все меняется», особенно картина мира и мы, люди, в нем. От нас зависит, вернемся мы опять в средние века или все-таки не будем забывать о прекрасных временах и героях, пусть немного наивных жителях Эллады.

Образ Прометея стал ключевым в анализе метаморфоз гражданина, от жертвенного бога до просветителя и безумца — немного театрально, но разве современная политика — это не театр?!

Елена Неделя
(Калининград)

Александр Архангельский

Контрапункт

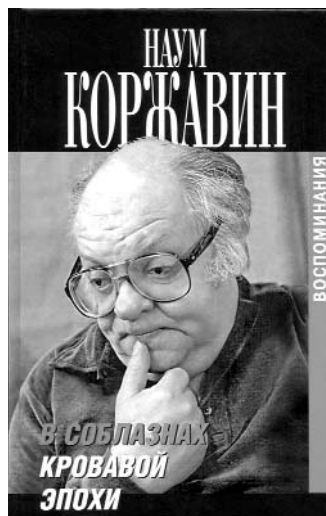
ИСКУШЕНИЕ ЭПОХОЙ ТИРАНИИ

Наум Коржавин. В соблазнах кровавой эпохи: Воспоминания в 2 кн. — М.: Захаров, 2006. Т. 1: 816 с. Т. 2: 752 с.

Один из самых ярких поэтов своего поколения, автор классических формул, которые знает любой культурный человек в России (хотя бы насчет того, что лучше б декабристы не будили Герцена), Наум Коржавин написал двухтомные мемуары. Более полутора тысяч страниц, хронологический охват — от рождения в 1925 году до пробуждения личностного сознания в 1937-м, и от искушения коммунизмом до внутреннего переворота, который вызрел в заключении, совершился после подавления Венгерского восстания — и привел к полной перемене жизненных установок во время ранней оттепели.

Обычно мемуары сочиняют о себе, любимом. Чтобы поведать современникам и, главное, потомству о том, какая славная и бурная жизнь выпала на долю автора. Были приключения, были ошибки, были прозрения; его сводило с великими людьми и бросало в грандиозные передраги; отблеск этого величия лег на его чело. Реже пишут мемуары, чтобы честно, без претензий зафиксировать ход событий, политических, литературных или театральных; поставить собственные метки на полях большой истории, сбегать посредством записи то, что будет неизбежно утрачено, ибо устное предание недолговечно. Совсем уж редко — рассказывают о семейных тайнах, для внутреннего домашнего пользования внуков и правнуков.

Наум Коржавин пишет о другом — и для другого. Его мемуары не столько документальный роман, в духе «Былого и дум», не столько «Детство», «Отрочество», «Юность» и тем более не «Мои университеты»; его мемуары — исповедь добровольно соблазненного и проповедь спасительно прозревшего. Наум Коржавин повествует о подробностях своего институтского общения в разгар сталинизма, о деталях тюремного

быта, о лагерном опыте выживания и послелагерном вхождении в общую жизнь, но повествование пронизывает, пропитывает публицистическим составом. Невозможно четко указать, в какой именно момент рассказ перетекает в рассуждение, а комментарий автора по поводу событий снова уступает место их подробному изложению. Это не случайно; такова осознанная цель.

Цель Коржавина — не осудить других, не вынести приговор обществу, а спокойно, строго, изнутри сегодняшних своих ценностей разобрать свой давний печальный опыт, разложить его на множество составляющих, разобраться в том, где, когда и почему совершился великий соблазн. Важно объяснить еще раз, как плох сталинизм, обличить коммунистическую ересь, но куда важнее понять на собственном примере, как медленный яд проникает в индивидуальное сознание, отравляет его и предопределяет соучастие в общей трагедии. Коржавинская картина мира в корне отлична от той, что рисовали в своих воспоминаниях и статьях многие его сверстники и младшие современники. У них советская цивилизация была четко поделена на жертв и палачей; первые изначально невинны, или на худой конец искупили свой прежний грех; вторые были источником и орудием властного зла, египетской казнью, насланной на Русь. Отклонения от схемы если и допускались, то незначительные; среди тех, кто оказался в положении жертв (зеки, например), вполне могли попадаться ублюдки, а среди палачей имелись исключения — люди, в которых человеческое брало верх над служебным. Как правило, они плохо кончали. Зато избавлялись от «соблазнов кровавой эпохи». У Коржавина

палачи и жертвы, за редкими изъятиями, сообща ведут себя и страну к гибели; без общей вовлеченности в соблазн безличности, патернализма, марксоидной веры в торжество объективных законов над личностным выбором не было бы условий для превращения части нации в лагерную пыль.

Слава Богу, при этом автор уклоняется и от другой распространенной крайности; сколько раз во время перестройки мы слышали формулу «Виноваты все!». Ее на разные лады повторял известный критик и публицист Лев Аннинский; один поэт, вполне успешный при советской власти, опубликовал как бы покаянные стихи об участии в антипатернаковском собрании в Союзе писателей, которые завершались двустихием: «Такое это было время. Такими были мы тогда». Виноваты все — по-разному, и каждый отдельно отвечает за прожитую жизнь; то, что «такое это было время», не снимает вины и ответственности с того, кто в это время жил и действовал. *Mea culpa* — вот лейтмотив Коржавина.

В этом коржавинском морализме есть нечто привлекательное, хотя обычно морализм отталкивает. Он заставляет нас посмотреть и на себя — в сегодняшних российских обстоятельствах. Когда соблазны отнюдь не кровавы, но оттого не менее сильны; когда так приятно, так легко списать полную сдачу политических позиций на внешние причины: что мы можем сделать?.. Притом что сажают далеко не всех, работы лишают лишь отдельных, а машина террора так и не запущена... Завершаются двухтомные мемуары словами о том, что автор нашел смысловый выход и, если угодно, антидот ядовитым соблазнам эпохи — в христианстве; он шагнул за пределы детского социализма «шестидесятников» и пошел своей собственной дорогой сквозь соблазны следующего времени, 60-90-х, про которые Коржавин надеется написать отдельно.

Будем и мы на это надеяться — и ждать продолжения. А пока лишь одна цитата из самого финала второй книги.

«...Освобождение — особенно поначалу — не упростило мои отношения с жизнью, а значительно усложнило их.

...Я стал наконец свободным человеком и сразу как бы оказался на краю пустоты или хаоса. Что поделаешь, это ощущение хаоса рядом — один из атрибутов свободы — оказаться на краю хаоса, но не становиться его частью. Разве не в этом живет человечество все свои века? Разве не поэтому жизнь — творчество?»

СОБЛАЗНЫ БЕСКРОВОЙ ЭПОХИ

Григорий Водолазов. Идеалы и идолы: Мораль и политика: история, теория, личные судьбы. — М.: Культурная революция, 2006. — 864 с.

Григорий Водолазов — известный российский философ и, как сейчас принято говорить, общественный деятель гуманитарной сферы. Когда-то, еще в студенческие годы, он познакомился с легендарным мыслителем Ильенковым, через него (во многом) приобщился к мировой философской традиции, почти потерянной советскими гуманитариями, да и многими западными специалистами тоже. И много сделал для того, чтобы эта традиция возродилась — не как предание о безвозвратно утраченном прошлом, а как живое дело реальных интеллектуалов. Для него сократовская философия — не закономерная часть истории античности, а живое и незавершенное явление, которое расположено не позади, а впереди. Платон — наш современник. Это не воспоминание о давней мудрости, а недостижимая цель. Недостижимая, но достижимая.

Пересказывать интеллектуальные мемуары Григория Водолазова — бесполезно. Они построены по

прихотливым законам философской поэмы, когда от встречи с будущим учителем следует перескок к лирическим страницам о встрече с будущей женой, от личного эпизода из жизни родителей — к затяжному прыжку в рассуждение о роли 46-го тома экономических рукописей Маркса в умственном вызревании целого поколения, от рассказа о ключевых «шестидесятниках» Буртине, Карпинском, Дедкове — в привычное для интеллигента той поры осуждение Гайдара и Чубайса за номенклатурную приватизацию. А отсюда — к старым заметкам на полях работ друзей, где с трепетом доказывается неистинность чьего-то там социализма. А от заметок — к сегодняшним раздумьям о том, почему *не сложилось*. И совершенно искреннему, серьезному, обсуждению того, возможно ли движение «Наука и демократия». И всякий раз — ревнивый реверанс в сторону «племени младого, незнакомого», которое, конечно, посмеется над верой в мораль и ценности, стоящие выше, чем интересы... И неизменно — затаянная надежда: а вдруг все-таки поймут? И почти уверенность: могут понять; есть кому — и есть кого.

Эту книгу, повторяю, невозможно пересказывать. Ее нужно читать. Перепрыгивая вместе с автором через ступеньки памяти. Устраивая напряженный смотр убеждениям его юности. Иронично умиляясь неизбывной политической наивности, которая, как ни странно, на определенном этапе развития страны могла быть основой реального участия в практической политике. Глубоко уважая последовательную сердечность позиции. Обдумывая ключевые суждения, пропуская лишние куски, схватывая главное. А главное — это то, что «шестидесятники», не только философские, но и литературно-театрально-киношные, и экономические, и (в меньшей степени) журналистские и политические, поставили перед собой и обществом проблему морального измерения истории. Они писали, думали и говорили о нравственности и личной ответственности как смысле и цели политики, экономики, культуры и идеологии. Той самой политики, которая так грязна и подчас убога. Той самой экономики, которая так цинично-расчетлива. Той самой культуры, которая так гордится своей самодостаточностью. И той самой идеологии, которая всегда служанка власти. Нам уже никогда не понять их страстной привязанности к очеловеченному социализму, а они никогда и ни за что не признают эту страсть соблазном. Нам не сойтись в обсуждении реального устройства будущей России. Но детали, которые кажутся существом проблемы, — по боку. А по гамбургскому счету есть о чем подумать.

После мертвого сезона сталинской власти, в преддверии дневного сеанса брежневского сна, задолго до бурного торжества финансового цинизма 90-х, «шестидесятники» сумели возратить (если не обществу в целом, то хотя бы самим себе) чувство четвертого измерения жизни. Морального измерения. Им все время предлагали искать пятый угол, а они неизменно возвращались в это самое четвертое измерение. Потому что первыми так ясно осознали: либо в мире действуют Идеалы, либо миром управляют Идолы.

Мы сколько угодно можем рассуждать о том, что в этом требовании морали любой ценой, в этом слишком категорическом императиве

было нечто детское, незрелое. По крайней мере на излете 50-х и в 60-е эта наивность, эта детская незамутненность взгляда была единственно возможной, а значит — святой. Потом, когда первый порыв себя исчерпал, лучше было бы от облегченного и милого Окуджавы переходить к суровому и не всегда приятному Солженицыну; немногие проделали этот путь. Или сворачивать с проторенной поколенческой дороги, как «пятидесятник» Коржавин. Но ничего сейчас не было бы, никаких шансов на дальнейший путь, если бы не тот первоначальный порыв. Да, вероятно, упорство, с которым «шестидесятники» отстаивали принцип торжества морали над прагматикой, в 90-е обернулся политическими капризами, привычкой выставлять счета эпохе без попытки ответить на ключевой вопрос — за счет чего, с помощью кого, каким именно образом можно достичь поставленных идеальных целей в заданных историей реальных условиях. Но все это было позже. И все это было вторично. В конце концов, в восьмисотстраничной книге Володарова запросто можно пролистать десяток-другой страниц, где от дана дань поколенческим стереотипам; главное ведь решительно не в этом. Главное — в неуступчивом напоминании, что человек живет не ради денег, власти и благоудобства кланового сговора, а ради смысла. И его бесконечного поиска.

Обаяние этой книги, заставляющей вспомнить о «Былом и думах», в ее интеллектуальном бескорыстии. Автор пишет о друзьях, о Чернышевском, Платоне, Горбачеве и Сократе не потому, что хочет что-то доказать, а потому что ему важно для самого себя разобраться в том, где истина. И мы вслед ему ставим перед собой — *свои* вопросы. Как восстановить в общественных правах шкалу незыблемых ценностей? Как после неизбежного периода первоначального накопления (повторно первоначального) и во многом предопределенного предшествующими ошибками сползания в авторитаризм вернуть общественной, экономической, политической жизни демократическое измерение? В девяностые большинству было не до смыслов; одни выживали, другие самоосуществлялись в политике, третьи строили бизнес, четвертые отползали в тень. Сегодня, быть может, возвращается время морали. И оглядка на опыт лучших из «шестидесятников» способна в этом смысле сыграть колоссальную роль.

Но дело не только в умственной пользе. Дело еще и в другом. Нечасто со страниц какой-то свежей книги встает образ обаятельного автора, человека, который не стесняется и не боится быть открытым настезь. Эта энергия вольного мужества передается читателю. За что мы книгу, собственно, и ценим.

Юрий Левада

*О гражданской нации**

Тема гражданской нации является сравнительно новой, во всяком случае, пока она редко обсуждается. С другой стороны, она стала сейчас настолько спекулятивной, что тут «тошнотворность» будет слабым определением. Тему гражданского общества, гражданских институтов мусолят в основном те, которые хотели бы эти понятия приспособить совсем к другим надобностям. Что связано с ситуацией — человеческой, кадровой и т. д. и не исключает обращения к каким угодно словам и понятиям, но только требует внимательно и разборчиво к ним относиться, не превращать их в разменную монету, потому что разменная монета кому только ни служит. А здесь нужно четкое определение. Сказав все это, я вынужден хотя бы коротко остановиться на понятиях гражданского общества, институтов, может быть, гражданского сознания и так далее.

Мне не нравится то, что об этом говорится чаще всего. Очень сомнительным кажется представление, что у нас существует, предположим, действительно сильная держава, у которой есть свои государственные традиции, история, а где-то на заднем дворе у нее существует что-то, что имеет прилагательное «гражданское» — какие-то самодельные и опасные организации, которые надо держать в жестких руках. Я не занимаюсь конкретной политикой, не собираюсь рассуждать, что здесь с этим можно сделать, я хочу сказать о том, что реального гражданского общества у нас нет и до него еще достаточно далеко, хотя некоторые его признаки, а, точнее, призраки как будто бы бродят, иногда на привязи, иногда без нее. Это, конечно, нелепая ситуация, потому что есть элемент и самостоятельных организаций и самостоятельного мышления, элемент слабый в том состоянии, в котором мы находимся, в сложном таком компоте, в котором плавают остатки авторитарных и тоталитарных систем и какие-то признаки иных, и в целом все это лишь увеличивает общий хаос и сложность.

* Выступление Ю.А. Левады (1930–2006) на семинаре Московской школы политических исследований 31 мая 2006 года.

Хочу напомнить, на прошлом семинаре я уже приводил, по-моему, самое интересное для меня наблюдение в ходе наших опросов, когда мы этой весной и в начале лета спрашивали людей о том, что происходит в нашем обществе. Часть опрошенных тогда говорила, что укрепляется демократия, другая часть, чуть поменьше, что у нас нарастает авторитаризм, и больше 40 процентов ответили, что происходит нарастание хаоса и беспорядка. Давно таких ответов мы не получали, и это довольно любопытно, когда что-то укрепляется, что-то закручивается, но в то же время хаос от этого тоже увеличивается.

Так вот, во всем этом мне представляется важным следующее. Если мы имеем дело с тем, что называется гражданским обществом, то это не то, что может существовать в отдельно взятой комнате или на заднем дворе государственного здания. Гражданские институты как воздух, как вообще газообразное вещество, которое, если оно есть, заполняет все пространство. А если не заполняет, значит, его просто нет, и элементы гражданского общества сами по себе в рамках совсем иначе построенного государства и не готового к этому человека существовать не могут. А если есть это общество, которое можно называть гражданским, то это такое общество, где живут граждане самостоятельные, ответственные за свое положение, где действуют властные институты, ответственные перед гражданами, контролируемые ими. Ну а другими его элементами являются организации, существующие на разных правовых началах, но равно подчиненные обязательному для всех закону. Дальше это определение развивать, наверное, бессмысленно, потому что все бывает по-разному: не только у нас, но и в других местах совершенного гражданского общества

нет, и понятие это обозначает скорее, если выражаться социологическим термином, «идеальный тип», на который можно ориентироваться.

А теперь, подходя к определению гражданской нации, попробую это сделать в

Гражданское общество не может существовать в отдельно взятой комнате или на заднем дворе государственного здания

порядке, повторяю, рассуждения, не поучительства.

Обычно нацией называют государственно организованную общность людей, что выражается не только в том, что эти люди являются гражданами определенного государства, имеют соответствующие документы и соответствующие права, но и в большей или меньшей мере эта их общность подкрепляется их представлениями о долге, интересах, патриотизме. А кроме этого, в какой-то форме в сознании людей существует барьер: это моя страна, а там, может быть, очень хорошая, уважаемая, но уже другая. И существование такого барьера не зависит от физических или полицейских кордонов, их можно преодолевать, они бывают почти незаметными, но, тем не менее, нации это нации.

Есть и другие подходы к нации, когда мы имеем дело с государственно-сложными образованиями: эта их сложность или неоднородность может быть этническая, религиозная, культурная, обусловленная историческим прошлым и так далее. В политическом плане это все равно будут нации: американская, индийская, бразильская да и российская, по-моему, тоже; в политико-юридическом плане о нациях иначе не говорится. Но это еще совсем не то, что нация гражданская. У меня такое ощущение, что о гражданской

Игорь Макаревич, Елена Елагина. Объект "Паган". 2003

нации можно говорить лишь в том случае, когда факт принадлежности человека к государственному образованию входит в кровь и плоть массового сознания. И когда главным цементирующим средством оказываются не формальности, не только паспортная принадлежность, а реальные связи людей, вошедшие в привычку на социально-психологическом уровне. То есть это общество, практикующее уже иной, нежели формально-юридический, уровень человеческих отношений...

Остановимся пока на том, что гражданская нация — это общность людей не только формальная, может быть, даже совсем не формальная, потому что иногда она может ощущаться людьми, которые не знают о государственных границах, законах, не имеют паспортов, а хотели бы их иметь. Речь идет о так называемых непризнанных нациях, в том числе и на бывшей советской территории. Это было в истории по-разному, и судьба у них тоже может быть разной. Очевидно, что это не совсем то, что иногда называют этническими общностями и с чем очень много связано острых периодов жизни в ушедшем веке и веке наступившем. XX век, вообще говоря, был веком наций и национальных конфликтов в такой мере, в какой ни один век нам известный еще не был. Правда, нации эти были в основном политические, государственные. Но где-то ближе к середине XIX века возникла тема этнического самоопределения, языка, культуры, отчасти религии. Ну а дальше, вы знаете: Европа разошлась по политическим уделам и привыкла считать нациями то, что существует в их границах, отодвинув на второй план вопрос этнической принадлежности. По-дальше от этой классической Европы получается сложнее. Я имею в виду такие образования, как Россия, Индия, те же Соединенные Штаты, которые имели иное происхождение, складывались из разных частей, из разных компонен-

тов, сохранивших свои разные идентичности, по крайней мере, в какое-то время и на какой-то период. Естественно, нас интересует прежде всего то, что касается нас, а остальное пусть рассматривает сравнительная этнология, история и так далее. А здесь можно представить себе, что сейчас скажем, в формально обновленной постсоветской России, из паспортов сняли графу о национальной, в смысле этнической принадлежности человека, что казалось очень серьезным шагом продвижения к мировым стандартам. Но от этого, как известно, не реализовалась общероссийская надэтническая общность.

Старшая часть аудитории, очевидно, помнит, как у нас в 70-х стали говорить о том, что в СССР появилась такая общность, как советский народ. Возможно, это было не самое вредное изобретение, но немножко фантастическое, не менее фантастическое, чем развитой социализм, поскольку считалось, что советский народ это что-то надэтническое. Как будто раньше мы имели дело с общностями разноэтническими. На мой взгляд, как показали дальнейшие события, реальных отношений между людьми это не изменило и не создало действительно сплоченной общности людей, живших когда-то в рамках большого и 15 лет назад прекратившего свое существование государства. Уже одно это показывает, как плохо наполнялись содержанием разного рода формулы и термины, которые тогда использовались. Больше того, когда кончилась советская эпоха, на первый план выступили разграничения, отторжения, конфликты, вплоть до чрезвычайно тяжелых, связанные со стремлением территорий к отделению и самоопределению, в основном, в периферийных областях, с огромной политической растерянностью Центра. И сейчас на фоне ретроградной волны мы видим, судя по призывам, что если не получается с организацией жизни с помощью новых инструментов, то да-

вайте попробуем старые, рассчитывая на то, что они будут работать. В том числе это касается мыслительных инструментов, способов определения и называния того, что происходит. Например, в числе прочего сейчас запущено обсуждение новых вариантов национальной идеи или национального существования, и в ходе академический проект Института этнологии, фактически повторяющий слова старого гимна о том, что союз или содружество наших народов сплотил «русский народ». По-моему, во-первых, это не полезно сегодня, потому что возрождает разграничение на главных и не главных, а во-вторых, неверно исторически. Потому что принудительным сплочением разных народов и образований занимался не какой-то народ в этническом плане, а имперская государственная власть с помощью своих имперских государственных институтов. В данном случае понятие «имперское» я не употребляю в негативном смысле, просто так все было устроено издревле и так работало, поскольку ничего другого, конкурирующего не было. Это работало с помощью институтов монархии, дворянства, армии, церкви. А в более позднее время с помощью отчасти секуляризованной русской культуры, которая имела, конечно, большое значение для развития языка, литературы, общения и так далее. Но никакой исключительной роли какого-либо этнического образования не было и вообще не бывает, потому что единообразия этнических корней нельзя найти нигде, не только в России, но и в Германии, и Франции, и Великобритании. Было соседство и соперничество разного рода образований, которые в большей или меньшей мере сплотились, гомогенизировались, но и то неполностью. Поэтому искать у нас этничность нации и бесполезно и исторически неверно. Все то, что мы называем русскими княжествами — московское, тверское, рязанское, киевское и так далее, — а потом государством, все

его элементы были разные, и споры вокруг этого давние, и говорю я это к тому, что если мы этот круг вещей будем рассматривать, то это тупик, все замешано на взаимных обидах. Сейчас и вовсе перевернулась точка отсчета, если учесть, что обиженными считаются не малые нации, так называемые меньшинства, тоже нехороший термин, а обиженной считает себя самая крупная национальная группа, и очень много из-за этого возникает нелепого. Я думаю, монархия в России едва ли могла претендовать на русские корни, она, как и многие другие монархии была сначала призванной, а дальше происходили процессы перемешивания между всеми европейскими монаршьями домами. Так что Романовы были в такой же мере русскими, как Людовики, например, французами или Габсбурги немцами и т.д. Работали институты, а не какие-то особые народы. Чтобы не было скучно, покажу вам парочку иллюстраций к тому, о чем я говорил. Вот давайте возьмем вопрос о том, кем чувствуют себя люди и какие права они ценят. Это ответы, которые мы получили не сейчас, а в 2002 году, но это не проблема, потому что такие оценки быстро не меняются. Итак, кем себя люди чувствуют в первую очередь? Из ответов видно, что довольно небольшая часть чувствует себя ответственными гражданами, а подавляющая часть — практически подданными государства, от которых мало что зависит. Ничего удивительного и нового ни для кого из вас и для меня, конечно, это не содержит, это просто показывает пассивность общественного сознания. И с людей за это спрашивать нелепо. Спрашивать нужно, конечно, с тех, кто претендует на лидерство — идейное, политическое, культурное. И если спрашиваешь, то раздается обычно ответ: ну люди же не готовы, а поэтому нужна плетка и прочие инструменты принуждения. Об этом когда-то еще любил рассуждать государь Николай I: конечно, хотелось бы,

Группа АЕС. Акция. 2003–2005

чтобы были права, как в Европе, но я же имею дело с людьми, которые иначе не понимают... Это из истории, хотя нечто подобное можно слышать и о сегодняшней ситуации в России. Теперь другая тема, но с этой связанная. Она возникла из двух исследований: одно — 1999 года, кстати, мы тогда вместе с Московской школой делали это, потом еще раз я к этому материалу вернусь, а второе — совсем недавнее. Я беру из него небольшую часть о том, какие права для людей важны. Здесь много любопытного. Дело в том, что людей гораздо больше интересуют практические права, связанные с повседневной жизнью. Это образование и медицина, причем бесплатные, это право на бесплатное жилье, по которому люди стали в два раза больше тосковать, чем несколько лет назад. Почему — понятно.

Люди говорят о том, чего им не хватает. Пока воздух есть, мы не замечаем, что им дышим. А ежели его перекрывают, то тут начинаются переживания. Но есть еще две позиции. Во-первых, свобода слова, которая 7 лет назад мало кого интересовала. С одной стороны, люди не так уж много и хотели от этой свободы, а с другой стороны, думали, что раз хотели, то ее и хватит, это был 1998 год, другие времена. Сегодня ситуация поменялась. Почему? Потому что опять-таки начинают чувствовать, что что-то здесь перекрывается. Хотя значительно меньше чувствуют, чем практические проблемы. Во-вторых, это право избирать своих представителей. Вроде бы тоже лет семь назад было все мило и в порядке и даже несколько надоело, потому что не всегда это решает все проблемы жизни, в этом мы тоже успели убедиться. Ну

а затем происходит то, что оказывается, это далеко не вечное право, это такая лепенка, которую можно и убрать. И убивают. И люди начинают на это реагировать. Опять-таки значительно меньше, чем на покушение на материальные, жизненные интересы. Так устроено общественное сознание, которое мы видим через общественное мнение. Теперь по поводу смещения национального с этническим. Посмотрим следующую табличку. Этот вопрос мы ставим регулярно, раз или два, а то и больше каждый год. Динамика здесь любопытная и структура ответивших тоже. Я хочу немножко об этом поговорить. Это вопрос об отношении к лозунгу «Россия для русских!». Мы видели его вживую примерно месяц тому назад, когда с этим лозунгом в регионализированном варианте маршировали по Москве, и некоторые политические силы, прежде всего партия «Родина», но не только она, пытались под московские городские выборы подsunуть публике требование «Москва — для москвичей!»! Что тут делают, которые понаехали?! В политической практике обращение к этому лозунгу возникает по очень простой и всем известной причине: из всех призывов, которые только раздавались на земле нашей в последнее время, этот самый зажигающий. Никакие призывы, даже призывы к свободе, к державному величию, к каким-то социальным правам, не производят такого воздействия на людей, как призыв, за которым лежит в принципе старая формула — бить инородцев и спасать Россию. Имена инородцев можно как табличку менять. Сейчас это приезжие, в основном с Кавказа. Во время избирательной кампании недели две назад, мне в ящик кинули голубую листовку от партии Жириновского, где шапка была такая «Освободим Москву от чужаков-инородцев». Правда, они не попали в московское собрание, что, впрочем, не так важно,

но интересно, что потом партия оказалась даже борцом с национализмом «Родины». Это из ряда технологических игр, но меня интересует не технология и не технологи, а почему это доходит до людей, почему этим можно людей зажигать.

Перед выборами в Госдуму Москвы мы спрашивали людей о намерениях при голосовании. Вышло, что эта самая «Родина» могла получить около 15 процентов голосов москвичей. Этого не случилось: «Родину» сняли с выборов. Но самое главное вот что. Говорят, что власти разрешили одно, не разрешили другого, марш наших родных нацистов благополучно прошел, а попытку контрдемонстрации попытались запретить. А потом наша новая городская дума обрадовалась и решила вообще всякие шествия в Москве запретить, потому что, оказывается, уличное движение у нас и так большое, а тут еще всякие демонстрации. Довод очень убедительный, совершенно не политический, но настоящая его суть понятна. Но главное не в том, что власти сложную игру играют вокруг этнической проблемы, а то, что находится все-таки немало людей, которые на лозунги такого типа обиженного и рассерженного национализма покупаются.

Посмотрим на данные опроса. Больше половины согласно с призывом «Россия для русских». И в два с лишним раза реже люди решаются сказать, что это очень плохо. Как видим, люди очень легко поддаются на эти призывы. Хотя есть две степени приверженности к русской России — одни вполне согласны и другие согласны с оговорками. Нынешним летом мы попытались задать поясняющие вопросы и разобратся, что именно понимают под этим лозунгом одни и другие. Первые, их около 20 процентов полагают, что нужны ограничения для приезжих и вообще для нерусских.

Это в своем роде позиция такого предельного испуга людей, апеллирующих к

большой и как будто бы обиженной нации. Вторая группа, она чуть больше, около 30 процентов, — это люди, которые принимают лозунг «Россия для русских» с некоторыми оговорками. Оговорки в основном состоят в том, что не нужно не столько вводить ограничения для «чужих», сколько установить предпочтения для своих, то есть предпочтения при поступлении на учебу, для занятия должностей, специально поощрять развитие русской культуры и даже сохранение русского языка и так далее. На самом деле, второй вариант немножко перекрывает первый, и оба они работают на то, чтобы нас подвинуть на одно-два столетия куда-нибудь назад, к временам межэтнических разборок, которые классическая часть Европы переступила лет полтора тому назад, а неклассическая, вроде южных славян, проходила с величайшей кровью на наших глазах с десяток лет назад. Но все эти довольно милые перспективы носят не только умозрительный характер, а реально воспринимаются сознанием народа, что означает, насколько мы далеки от гражданского понимания нации. Иногда говорят, и это в правду, что этнических предрассудков и конфликтов на свете хватает. Хватает их и в Западной Европе, хватает и в более-менее вчера еще близкой к нам Центральной Европе: в Польше, в Австрии, в Венгрии, в Украине.

Мне кажется, главная разница между ними и нами не в том, что у нас чего-то чуть больше или чуть меньше, а в том, что у нас явно меньше сопротивления этим настроениям. И не только со стороны власти, от которой мы всегда чего-то ждем и мало чего дождаемся: она маневрирует, не решается ссориться с националистами, остороженько иногда их журит. Но население не выражает отвращения к национализму и не сопротивляется ему. Когда у нас если не каждый день, то каждую неделю убивают приезжих — из Африки, из Азии, из Армении, из Грузии, власти каждый раз

стараятся объяснить это мелким хулиганством, бытовыми конфликтами: случайно подрались, деньги, женщины, еще что-нибудь... Лишь бы не апеллировать к сознанию массы людей. Мне кажется, что было бы лучше не заниматься махинациями насчет выборов, это не так важно, кто туда попадет, в эту послушную Московскую думу, а создавать атмосферу отторжения и возмущения. Когда в давние времена Россию сотрясали погромы, российская прогрессивная интеллигенция считала долгом чести выразить свое возмущение по этому поводу и разъяснить народу, почему надо возмущаться этим. А сегодня не пытается, полагая, что можно кого-то переназначить, найти бог весть какую придирку и т.д. Это означает, что этим путем идти к гражданской нации нам далековато, сложно. Но все равно придется, потому что другого варианта у нашей вчерашней и позавчерашней империи все равно нет. Все равно рано или поздно мы придем к граждански организованному обществу и к гражданско-го типа человеческой солидарности.

Добавлю еще одну ссылку на наши данные. Мы время от времени спрашиваем людей о том, отвечает ли человек за действия своего правительства и за судьбу своей страны. Мы спрашивали об этом 4 раза в рамках исследования по «Советскому человеку» за последние 16 лет. И мы видим очень устойчивый тренд снижения уровня понимания этой ответственности. Человек все меньше чувствует себя ответственным за то, что делается в стране и что делает его власть. С одной стороны, это освобождение, и в этом можно видеть кое-что хорошее — человек отрывается, рвет, что ли, поводок, на котором он был привязан многие десятилетия. Но ведь это не гражданский способ. Это способ замкнуться в своей конуре и считать, бог с ним, что там происходит, что там они делают, лишь бы меня не трогали, лишь бы не было слишком страшной инфляции, безработицы. И это

отчуждение не дает нам намека на какой-то выход. Дает нам ощущение движения скорее от прошлого общества, но путь к обществу гражданскому и к пониманию гражданской ответственности и гражданской сплоченности не близок.

Раз я уже дошел до отношения к власти, не могу удержаться, чтоб не показать одно наше исследование. Как я уже сказал, несколько лет назад, точнее в 1999 году, по инициативе Московской школы политических исследований мы провели специальное изучение отношения людей к власти. В числе прочих у нас был ряд вопросов: по поводу отношения людей к власти советской и к власти нынешней. Мы включили в этот список примерно 25 разных характеристик. Опрос повторили в 2001 году и третий раз в ноябре 2005 года. Вот только последние данные.

Приводилась такая черта власти — «власть, близкая народу, людям». Оказалось, что советскую власть, правда, мы спрашивали о брежневской эпохе, потому что люди ее лучше помнят, считают «близкой» 34 процента, а сегодняшнюю — только 5 процентов. Вторая позиция, похожая на эту: «своя власть, привычная». Соответственно 26 процентов и 4 процента. И третья позиция: «далекая от народа, чужая». Советская — 10 процентов, а сейчас 42. Единственное, что тут без перемен, — бюрократическая власть. Прежнюю таковой считают 30 процентов, нынешнюю — 39 процентов. Таким образом, за прошедшие 7 лет советская власть вдруг стала лучше. А нынешняя стала чуть-чуть получше, чем была при опросе в 1999 году. Об этом мы спрашивали еще во время Ельцина, до дефолта и многих других драматических событий, после чего наступило очень резкое разочарование во власти, в реформах, переменам, в чем угодно. Сейчас, как вы знаете, настроение у народа несколько более оптимистично — и платят лучше, все еще существует доля надежды на носителя верховной власти, не

на власть, а только на одного человека. Тем не менее, разрыв громадный. Советская власть стала значительно лучше, чем была, а нынешняя местами немножко лучше, поскольку привыкли к ней.

Я помню, когда мы стали публиковать данные первого исследования на эту тему, на меня чуть не ногами топали, говорили, ну как же это может быть, что ж народ у нас только и смотрит назад, что это за люди, как вы получаете такие данные? Повторяем — ничего лучше не получается. Такое зеркало ругать бессмысленно, если такова массовая физиономия. К сожалению, мы живем в категориях «власть своя — чужая», «привычная — непривычная». Хотя разделение на свое и чужое опасно, потому что власть бывает законная или незаконная, эффективная и не эффективная и т. д., демократическая или диктаторская.

Как связана эта очень сложная проблема с темой гражданской нации? Могу лишь повторить уже сказанное: нация это некое единство людей, пропитанных гражданским осознанием своей роли, своего долга, своих возможностей в том районе, в той стране, которая считается ими своей. И вот здесь, оказывается, доминирует прежде всего: раз своя, то хорошая, как футбольная команда. Своя, значит, надо болеть за нее. Это спортивная экзотика и одновременно характерная черта жизни. Или как в экстраординарных условиях, например, на войне. На войне ведь не рассуждают о том, глупый или умный полководец — свой, надо слушаться, идти, куда прикажет, а что еще делать? Война есть война, это мы, это они, не мы их убьем — они нас убьют. Но война — это экстремальное состояние человечества: военная мобилизация, мобилизация совести, сознания, и все это в краткий момент можно пережить, хотя тоже с большими оговорками, так как она всегда несет с собой непредвиденную опасность и калечит людей, даже если ее трижды правильной считают. Сле-

дать это образцом жизни пытались у нас, результат известен. Выигрыш был на время, большой ценой достигнутый. Есть люди, которые хотели бы повторить опыт, когда у нас практически несформированное общество пытались обратить в нечто подобное казарменной общине или стаду. Вспоминать об этом надо тогда, когда перед глазами попытка повторить, точнее, имитировать ситуацию, которую очень трудно считать приемлемой для общества.

Мне кажется, если в современном обществе что-то одобряется или осуждается, то делается это не однотипными, одинаково думающими, чувствующими, голосящими и кричащими от радости или от горя людьми, а их великим разнообразием. Когда-то Аристотель говорил, что город — это единство разнообразных. Современное городское общество заведомо предполагает разнообразие людей, взглядов, мыслей, чувств, позиций. Сегодня, когда волна нас несет к полузабытому, но так и не умершему единогласию, единомыслию, единообразию, это результат и безмыслия, и безгласия. Мы знаем, что из этого получается и для общества, и для носителей власти. Сказано было давно, что власть разлагает людей, а абсолютная власть разлагает абсолютно, в том числе и даже в первую очередь тех, кто этой властью пользуется и владеет. И мы об этом можем читать, можем видеть, что происходит на разных этажах власти и насколько хорошо и ловко люди умеют с этим смиряться, отчасти даже этим и пользоваться. Пока мы имеем дело с такими механизмами взаимодействия людей и даже их сплывания, мы очень далеки от идеальной ответственности и гражданского сплочения нации. Когда-нибудь может быть единогласие уйдет в область спортивных страстей: все за своих! Но

если бы это осталось только в спорте, хотя и спорт дает дикие образцы и заражает общество. Самое худое, когда возрождается ситуация, когда общество сводится к общине, к имитации стадности человеческой. Когда сегодня у нас очень

Мне кажется, что нам нужно в первую очередь, и это даже важнее, чем политическая оппозиция, утвердить человеческое разнообразие

много говорят и спорят о том, нужна ли нам политическая оппозиция и есть ли она у нас. Мы спрашивали об этом людей и получили два ответа. Все, включая сторонников правящей, точнее, государственной партии и президента, считают, что оппозиция нужна. Когда мы спрашиваем, есть ли она, ну конечно, отвечают, нет ее, не видать. Третьи отвечают, что ее нет и это вполне справедливо. Ну а дальше идут известные рассуждения, из кого, из чего ее можно было бы слепить. Я в эту тонкую область не вторгаюсь, она не моя, не только потому, что сегодня времени нет.

В заключение я хочу подчеркнуть только одну мысль. Мне кажется, что нам нужно в первую очередь, и это даже важнее, чем политическая оппозиция, утвердить человеческое разнообразие. Разнообразие мыслей человеческих, возможность свободно думать означает возможность по-разному думать, серьезно и по-разному оценивать и одних, и других, и третьих, и разные компоненты нынешней власти и ее сторонников, и тех, кто ее с разных позиций ругает. Это важно с точки зрения будущего, а развитие в сторону гражданского общества и гражданской нации, это основание будущего. Это важнее, чем сегодняшние группировки «за» и «против», хотя конечно, они создаются иногда на базе самых благородных и понятных стремлений.

CONTENTS

To Our Reader	5
Seminar	
On the Project — "Nation" in Contemporary Russia	
<i>Alexei Miller</i>	7
Discussion	12
Notes from the Seminar	
<i>Ol'ga Petrova</i>	19
Theme of the Issue	
Russian Energy Policy: Myths and Facts	
<i>Vladimir Milov</i>	23
XXI Century: Challenges and Threats	
The "Old" State is Fading. How to Build a New One?	
<i>Vladimir Pligin</i>	32
Russia and the Traditional West	
<i>Serguei Karaganov</i>	37
Concept	
"The UN Project of Human Rights" — Where to?	
<i>Igor' Averkiev</i>	43
Viewpoints	
American-Russian Relations and the US Electoral Campaign	
<i>Angela Stent</i>	48
Place of an Intellectual in Society	
<i>Daniil Goretskiy, Andrey Yurov</i>	55
The Phenomenon of an Independent Intellectual	
<i>Pavel Golovkin</i>	59
Announcement	
"Intellectuals and Politics"	
Critique of a Partisan Intellectual: the Case of Socrates Today	
<i>Rafael del Aguila</i>	63
Freedom and Culture	
Human Rights and the Philosophy of Neo-Globalism	
<i>Aleksander Daniel'</i>	74
A Life in the Profession	
Why and How does Mass Media Distort the Reality?	
<i>Vladimir Pozner</i>	83

Ideas and Notions

New Public Sector Management	
<i>B. G. Peters</i>	90

Horizons of Understanding

Collapse of an Empire	
<i>Egor Gaidar</i>	93

Books

A Textbook for Optimists	
<i>Andrei Zakharov</i>	101

Regional Book Review

<i>Anna Dobrovol'skaya</i>	
<i>Viktoriya Evlikova</i>	
<i>Elena Nedelya</i>	103

Counter-Point

<i>Aleksander Arkhangelksi</i>	107
--------------------------------------	-----

Nota Bene

On the Civic Nation	
<i>Yuri Levada</i>	112

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ЛИБЕРАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ
И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПАТРИОТИЗМ

СЕМИНАР

(Голицыно, июль 2007)

Наши авторы:

*Александр Архангельский
Сергей Бурков
Ирина Бусыгина
Сергей Васильев
Евгений Гавриленков
Юрий Гиренко
Дмитрий Горин
Андрей Захаров
Родерик Лайн
Федор Лукьянов
Катрин Лялюмьер
Игорь Минтусов
Ольга Малинова
Сергей Петров
Михаил Савва
Александр Согомонов
Павел Теплухин
Харри Хелениус*

Московская школа политических исследований

Sapere aude!

ИМЕЙ МУЖЕСТВО

МЫСЛИТЬ!

Вам помогут

наши книги

В СЕРИЯХ

○ **БИБЛИОТЕКА МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Проблемы общества и демократии

○ **КУЛЬТУРА. ПОЛИТИКА. ФИЛОСОФИЯ**

Исторический опыт и политическая практика

○ **СВОЕВРЕМЕННАЯ МЫСЛЬ**

Вызовы XXI века

наш журнал

○ **ОБЩАЯ ТЕТРАДЬ**

Вестник Московской школы политических исследований

Заказать книги и подписаться на журнал
можно по тел./факс: (495) 202-85-01, 202-36-57, 258-56-83

Эл. почта: kira@msps.ru

Почтовый адрес:
123104 Москва, Большой Козихинский пер., д. 7, стр. 2, оф. 21, 22

Получить информацию о книгах вы можете
на сайте Школы www.msps.ru

Подписано в печать 00.00.2007.

Формат 70×108/16.

Бумага мелованная.

Гарнитура Newton.

Усл.-печ. л. 8.

Тираж 1000 экз.

Заказ №

Московская школа

политических исследований

123104, Москва,

Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2, оф. 21.

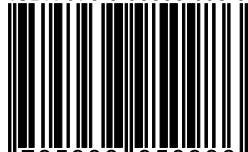
e-mail: mmps@mmps.su

<http://www.mmps.ru>

ЛР № 00972 от 14.02.2000.

Отпечатано с готовых диапозитивов

ISBN 978-5-93895-098-6

9 785938 950986 >